

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

6 (552) 2020

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

6 (552) 2020

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Свести концы с концами

Тема номера: СЕКРЕТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

- 8 ШИРОВ А.А.,
ПОТАПЕНКО В.В.
Парадокс российского потребления
- 26 БЕЛЕХОВА Г.В.
Потребление vs сбережения: выбор
россиян в условиях экономической
нестабильности 2015-2017 гг.
- 48 КОРНЕЙЧУК Б.В.
Принципы реформирования
российской потребительской
корзины
- 67 ПОЛЗИКОВ Д.А.
Текущее состояние
продовольственной безопасности
в странах ЕАЭС

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 87 УЗЯКОВА Е.С.
Производительность труда и
возможности роста экономики

- 111 ЛАВРОВСКИЙ Б.Л.,
ХАЙРУЛЛИНА М.В.,
ВОЛОССКАЯ К.Н.,
ЧУВАЕВ А.В.

О производительности труда и
одноименном национальном проекте

- 131 ЕДИНАК Е.А.
Влияние структурных изменений
в экономике на динамику рабочих
мест

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 149 ФОМИН Д.А.
Российские инвестиции:
интеллектуальная недостающая
- 171 НИКУЛИН А.М.
Аграрные идеологии фашизма
среди альтернатив сельского
развития 1920-1930-х годов

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Make ends meet

Cover Story: SECRETS OF HOUSEHOLD CONSUMPTION

- 8 SHIROV, A.A.,
POTAPENKO, V.V.
The Russian Consumption Paradox
- 26 BELEKHOVA, G.V.,
Consumption vs. Savings:
the Choice of Russians in the Condi-
tions of Economic Instability 2015-2017
- 48 KORNEYCHUK, B.V.
Principles of Reforming the Russian
Consumer Basket
- 67 POLZIKOV, D.A.
Current State of Food Security in the
Eurasian Economic Union Countries

MONITORING OF ECONOMIC TRANS- FORMATION

- 87 UZYAKOVA, E.S.
Labor Productivity and Opportunities
for Economic Growth

- 111 LAVROVSKII, B.L.,
KHAYRULLINA, M.V.,
VOLOSSKAYA, K.N.,
CHUVAEV, A.V.
About the Labor Productivity and the
National Project of the Same Name
- 131 EDINAK, E.A.
The Impact of Structural Changes in
the Economy on the Jobs Dynamics

DEBATES

- 149 FOMIN, D.A.
Russian Investments: Intellectual
Missing Part
- 171 NIKULIN, A.M.
Agrarian Ideologies of Fascism among
Alternatives Rural Development
1920-1930

Свести концы с концами

О том, что отечественная экономика имеет ряд значительных отличий от экономик других стран, мы не раз писали на страницах журнала, привлекая к дискуссии авторов, представляющих различные научные школы и направления.

Социально-экономическая жизнь – чрезвычайно сложный, многомерный и многогранный процесс, состоящий из взаимообусловленных цепочек явлений и причинно-следственных связей. Распознать в этом сплетении картину, близкую к реальной, а также, что не менее важно, сформировать на этой основе предложения и рекомендации практического характера могут коллективы исследователей, объединенные общим подходом, традициями и имеющие навыки совместной творческой работы.

Именно по этой причине в течение нескольких номеров, начиная с текущего, мы предоставляем слово на страницах «ЭКО» нашим уважаемым коллегам – сотрудникам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН, г. Москва), которые представят свое видение различных проблем российской экономики, а также подходов к их решению. Традиции этого уникального исследовательского коллектива были заложены трудами и усилиями выдающихся советских и российских экономистов – академиков А.И. Анчишкина, Ю.В. Яременко, В.В. Ивантера. В настоящее время институт возглавляет академик РАН Борис Николаевич Порфирьев. По подходу, методам анализа и руслу практической направленности предложений ИНП РАН очень близок к одному из учредителей «ЭКО» – Институту экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН). Однако у них существуют и значительные различия и особенности. Так, если ИНП делает акцент прежде всего на народнохозяйственный (макроэкономический) уровень анализа и прогноза, то в фокусе исследований ИЭОПП СО РАН – странственный срез с учетом особенностей отраслевых рынков и социальных явлений и процессов.

Сегодняшнюю тематическую подборку (в которой участвуют также коллеги из других исследовательских организаций и учебных центров страны) открывает статья А.А. Широва и В.В. Потапенко (ИНП РАН).

Проблематика спроса на производимую в стране продукцию и предоставляемые услуги – одна из ключевых с точки зрения поиска решений и путей, выводящих отечественную экономику на траекторию устойчивого поступательного роста. Это верно и для промышленной продукции (автору этих строк при обсуждении инвестпроектов по освоению выпуска новой продукции часто приходится слышать, что основная проблема не столько в организации производства, сколько в обеспечении платежеспособного спроса), и для разнообразной продукции и широкого спектра услуг, предназначенных для удовлетворения потребностей населения (статьи А.А. Широва и В.В. Потапенко, а также Г.В. Белеховой).

Авторы сегодняшней подборки с сожалением вынуждены констатировать, что в годы экономического кризиса и стагнации вопросам поддержания и, тем более, увеличения спроса домохозяйств на потребительские товары и услуги внимание, если и уделялось, то в весьма ограниченной мере. Реакция населения не замедлила сказаться – за истекшие годы сформировался «синдром» новой стратегии потребления – «рациональной, бережливой, экономной», той, которая не позволяет рассчитывать на сколь-нибудь значимое участие домохозяйств в формировании новых источников и движущих мотивов развития национальной экономики (статья Г.В. Белеховой).

Одна из причин выбора такого пути состоит в том, что реализуемая на протяжении достаточно длительного времени экономическая политика предопределяет отечественным домохозяйствам роль пассивных участников тех процессов, которые задаются и определяются свыше. Это лишает людей видения перспектив собственной жизни и соответствующим образом «форматирует» предпочтения и в сфере сбережения (накопления и последующего инвестирования), и в сфере потребления.

Непременным экономическим результатом пассивного участия населения в экономических процессах стала стагнация и потребительского спроса, и качества потребления. Важнейшая особенность сложившейся структуры потребительского спроса со стороны населения страны на протяжении длительного времени – «крайне высокая доля расходов на продовольствие», которая не сокращается даже при увеличении доходов (статья А.А. Широва и В.В. Потапенко). В основе данного «парадокса», как показали наши коллеги из ИНП РАН, – деформированная структура относительных цен и очень высокая степень расслоения населения по уровню доходов.

Если архаичная структура потребления наряду с ранее созданными непроизводственными активами (качество которых оставляет желать много лучшего) до сих пор позволяет населению получать вмененную ренту, то масштабное оборотное налогообложение, весьма своеобразное внутреннее ценообразование на рынке энергоресурсов (что отражается на стоимости всех потребительских товаров и услуг, включая коммунальные) приводят к резкому уменьшению располагаемых доходов домохозяйств.

В итоге получается, что «гарантированный стабилизирующий уровень» доходности глобальных игроков и компаний, активно вовлеченных в процессы вывоза капитала (в частности, начисляемых даже в эти непростые месяцы рекордных дивидендов), обеспечивается именно за счет внутреннего рынка и населения, как одного из основных плательщиков по счетам ресурсодобывающих компаний. В то же время в ведущих странах мира высокоэффективный энергетический сектор, напротив, является одним из важнейших источников обеспечения и поддержания финансово-экономического потенциала домохозяйств. Нет нужды упоминать о том, что в США или Канаде галлон бензина или киловатт-час электроэнергии стоят в разы дешевле, чем в России.

Мы, к сожалению, с самого начала систему цен на энергоресурсы сформировали на основе цен внешнего рынка. Те дополнительные средства, которые при этом возникают при благоприятной внешнеэкономической ценовой конъюнктуре, направляются в том числе (через систему трансфертов и мер адресной поддержки) на стимулирование потребительского спроса и на поддержание низкодоходных групп населения. Однако данная система является исключительно патерналистской и не позволяет населению ни увеличивать потребительские расходы, ни накапливать средства для последующего инвестирования в экономику. Данный подход всецело ориентирован на консервацию сложившейся «деформированной структуры относительных цен». В качестве результата мы имеем то «хождение по кругу», в котором находятся и экономика страны, и ее домохозяйства на протяжении почти двадцатилетнего периода новейшей истории.

Только в том случае, если удастся «сойти с круга», можно будет (и необходимо!) говорить о результативности и эффективности конкретных мер и предложений. А именно (статья Б.В. Корнейчука) «о постепенном переходе к статистическому

методу формирования потребительской корзины на основе мониторинга данных расходов домохозяйств...» и тем самым – переходить к ее реформированию с учетом тенденций постиндустриального развития. В условиях патерналистской системы эпизодических корректировок деформированных относительных цен и связанных с этим «парадоксов» системы потребления, по мнению автора, это вряд ли возможно.

Эти же соображения относятся к предлагаемым мерам повышения взаимной надежности систем продовольственной безопасности стран ЕАЭС (статья Д.А. Ползиков). Барьером вновь являются относительные цены – «налоговый маневр» в нефтяной отрасли России привел к значительному повышению отпускных цен на нефть не только внутри страны, но и в рамках ЕАЭС, в итоге не только цены на отечественную нефть и нефтепродукты стали опережать цены внешнего рынка. Это по цепочке связей привело к росту цен на продовольствие во взаимной торговле стран-участниц. Так, в самые «жаркие» дни (отрицательных цен на нефть на внешних рынках) апреля 2020 г. Россия отказалась от ввоза более дешевых нефтепродуктов из-за рубежа именно в силу приверженности «бюджетному правилу» и связанному с ним механизму обратного акциза. Руководство страны еще раз подтвердило свою склонность к наиболее простым и мнимо прозрачным (в сочетании с сомнительной эффективностью) процедурам регулирования отечественной экономики. То, что в результате этих решений закрепляются деформированная структура относительных цен и заданность низких темпов роста потребительских расходов, попросту не принимается во внимание.

Вне решения двух названных проблем – дисбаланса структуры цен и низких доходов значительной части населения – запустить «мотор» внутреннего потребительского спроса представляется делом чрезвычайно сложным. На повестке дня стоит сложнейшая задача – не только создать домохозяйствам возможность сводить концы с концами текущих и перспективных бюджетов, но и сформировать систему, которая сводила бы приоритеты фискальной политики с целями и задачами обеспечения поступательного и устойчивого социально-экономического развития нашей страны.

Парадокс российского потребления

А.А. ШИРОВ, доктор экономических наук. E-mail: schir@ecfor.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. ПОТАПЕНКО, кандидат экономических наук.
E-mail: vadvpotap@gmail.com
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва

Аннотация. В статье анализируются основные особенности потребления домашних хозяйств в России. Показано, что значительный рост доходов в последние 25 лет не привел к усложнению спроса и повышению качества потребления населения. В частности, не произошло снижения доли продовольствия в структуре потребления, что противоречит не только теории потребительского спроса, но и эмпирическим наблюдениям в большинстве стран мира. По мнению авторов, ключевыми причинами возникновения этого парадокса являются, с одной стороны, изменение ценовых пропорций и расширение потребительского разнообразия, с другой – сильная дифференциация доходов населения. Целенаправленное снижение дифференциации доходов населения (даже при сохранении их общего уровня) способно увеличить внутренний потребительский спрос и положительно скажется на динамике ВВП.

Ключевые слова: потребление домашних хозяйств; доходы населения; уровень жизни; экономическая политика

Постановка проблемы

В большинстве современных развитых экономик потребление домашних хозяйств (ПДХ) занимает наиболее весомую долю в структуре использованного валового внутреннего продукта (ВВП) и является одним из основных драйверов экономического роста. Такая значимость потребительского спроса характерна и для России: за два последних десятилетия доля потребления хозяйств в структуре российского ВВП не опускалась ниже 46%, а в среднем за 1999–2019 гг. составила 50%.

За период высоких темпов экономического роста в 2000-е гг. разрыв в величине ВВП на душу населения, измеренного по паритету покупательной способности, между Россией и США сократился с 83 до 50%. Это существенное достижение, и оно в значительной степени изменило облик страны. Главным результатом высокой экономической динамики стал рост уровня жизни населения. Однако, по словам академика В.В. Ивантера [Экономика..., 2020], в этот период Россия смогла в целом

победить нищету, но не сумела решить проблему бедности. Более того, по мере затухания фазы активного роста стали проявляться отдельные негативные тенденции в характере и структуре потребления российских домохозяйств.

Изменение потребительского поведения жителей России имело ярко выраженные особенности. Самая существенная из них состояла в том, что, несмотря на значительный рост ВВП и потребления хозяйств на душу населения, не наблюдались ожидаемые с теоретической точки зрения (и подтверждаемые межстрановыми сопоставлениями) позитивные изменения в структуре потребления. Так, доля расходов на продовольствие в структуре потребления домашних хозяйств в течение многих лет остается крайне высокой – около 30%. И это притом, что в 1998–2018 гг. его физический объем увеличился в 2,7 раза (физический объем ВВП – в 2,1 раза). Это нетипичное для других стран явление мы назвали *Парадоксом российского потребления*.

Теоретический экскурс

Начиная с XIX века консенсус относительно влияния доходов на структуру потребления населения состоял в том, что чем выше доход, тем меньше доля расходов домашних хозяйств на продовольствие и другие товары первой необходимости (закон Энгеля). В последующие десятилетия было предложено учитывать возрастные и другие специфические особенности домохозяйств, но принципиально ничего не менялось. Структура потребления богатых и менее обеспеченных семей всегда различалась, но рост доходов в той или иной степени приводил к увеличению доли затрат на услуги, связанные с развитием человеческого потенциала (здравоохранение, образование, культуру и отдых) [Широв, Потапенко, 2018].

Графически эту закономерность изображают при помощи кривых Энгеля – графиков, на горизонтальной оси которых показаны доходы, на вертикальной – расходы на отдельные виды товаров и услуг в абсолютном или относительном выражении. Эти кривые могут иметь разную форму, но, как правило (и это следует из теоретических положений и эмпирических наблюдений), для большей части товаров и услуг в той или иной степени

возрастают, что итоге ведет к изменению структуры потребления домашних хозяйств при росте их доходов.

На основе предположений о форме кривых Энгеля выводится закон потребительского спроса – зависимость между ценой на товар или услугу и спросом на нее для совокупности потребителей [Gorman, 1953; Sonnenschein, 1972]. В принципе кривая спроса на тот или иной товар для всей экономики может принимать любую форму, хотя в большинстве случаев предполагается ее стандартный наклон. В связи с этим необходимо отметить важность учета ценовой динамики при анализе изменения структуры потребления домашних хозяйств.

В ряде работ были предложены подходы для моделирования ПДХ в зависимости от цен на товары и услуги [Deaton, Mullbauer, 1980; Almon, 1996] или от уровня и распределения доходов домашних хозяйств и их социально-демографического состава [Bardazzi, Barnabani, 2001; Bardazzi, Pazienza, 2018; Devine, 1983]. Во всех упомянутых работах кривые Энгеля моделируются на основе статистики потребления отдельных товаров и услуг в разрезе доходных групп домашних хозяйств.

Особенности используемых статистических данных

Российская статистика потребления домашних хозяйств имеет ряд особенностей, усложняющих анализ ее закономерностей. Для элементов использования ВВП, а значит, и для совокупного объема ПДХ, имеются многолетние ряды (с начала 1990-х гг.), хотя из-за изменений методологии Системы национальных счетов (СНС) они не всегда полностью сопоставимы. Однако при попытках увидеть, как за последние десятилетия изменилась структура потребления в детализированном отраслевом или продуктовом разрезе, возникают проблемы: соответствующие ряды появились только в середине 2000-х гг.

Как правило, подобные проблемы решаются путем использования расчетных данных. Например, в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) в течение многих лет разрабатываются расчетные межотраслевые балансы российской экономики в разрезе 45 видов экономической деятельности

в классификаторе ОКВЭД, которые формируют сопоставимый ряд данных [Узяков и др., 2006]¹.

Официальные данные о структуре ПДХ, динамике его физического объема и индексов-дефляторов по отдельным элементам доступны с 2004 г., когда Росстат начал публиковать детализированную статистику потребления хозяйств в соответствии с Классификатором индивидуального потребления по целям (КИПЦ), имеющим международный аналог и тем самым позволяющим проводить корректные межстрановые сопоставления. Российские национальные счета содержат данные о 24 непересекающихся позициях КИПЦ, а также о позиции «Покупка товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории России».

В России имеются два основных источника информации о распределении доходов и структуре расходов населения: а) Обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) Росстата (доступны как микро-², так и агрегированные³ данные этих обследований); б) Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (доступны микроданные обследований⁴).

На наш взгляд, при анализе приоритет должен отдаваться данным ОБДХ Росстата: за счет более высокой частоты их сбора, более репрезентативной выборки и некоторых особенностей итоговых результатов. Кроме того, в данных Росстата также содержится сопоставимая информация о величине и структуре расходов домашних хозяйств по отдельным доходным группам: как и в случае СНС, доступны данные по 24 непересекающимся позициям Классификатора индивидуального потребления по целям.

¹ В данный момент ИНП РАН располагает рядами симметричных таблиц «затраты-выпуск» с 1980 по 2017 гг. в постоянных и текущих ценах, эти балансы гармонизированы с официальной статистикой СНС

² Микроданные выборочных обследований домашних хозяйств Росстата URL: <https://obdx.gks.ru/>.

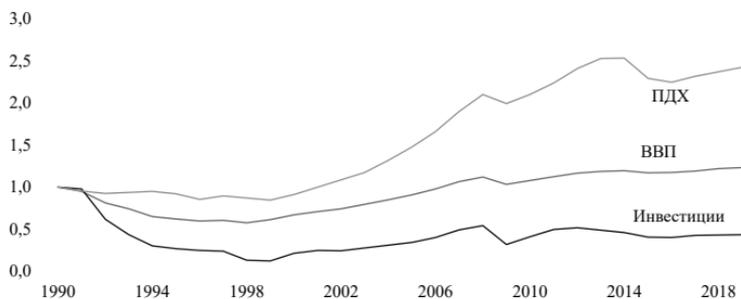
³ Сборник Росстата «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13271>

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

В рамках этой статьи при анализе структурных характеристик потребления российских домашних хозяйств в целом, без выделения их доходных групп, за 1990-е гг. использовались расчетные межотраслевые балансы Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, а для периода с начала 2000-х гг. – данные о ПДХ в классификаторе КИПЦ из Системы национальных счетов. При рассмотрении структуры потребления отдельных доходных групп домашних хозяйств использовалась статистика обследования домашних хозяйств Росстата. Необходимо отметить, что данные СНС и обследования Росстата, несмотря на идентичный набор входящих в них позиций КИПЦ, сопоставимы не полностью.

Долгосрочная динамика ПДХ в России

В результате масштабного трансформационного шока начала 1990-х гг. потребление населения сократилось намного меньше, чем ВВП и инвестиции в основной капитал (рис. 1). Максимальный спад физического объема потребления хозяйств по отношению к уровню 1990 г. отмечался в 1999 г. и составил около 15,4%. В последующие годы началось достаточно быстрое восстановление уровня потребительского спроса, и уже к 2002 г. физический объем ПДХ превысил уровень 1990 г., а к 2014 г. этот уровень был превзойден уже в 2,5 раза.

Источник: Росстат, Всемирный банк.

Рис. 1. Физический объем ВВП, ПДХ и инвестиций в 1990–2018 гг., 1990 г. = 1

Тем не менее говорить о достижении значительной частью населения страны качественно другого уровня жизни преждевременно. Более того, длительный период снижения реальных

располагаемых денежных доходов в 2014–2017 гг. привел к нарастанию проблем социального характера и потребовал расширения мер по борьбе с бедностью, анонсированных Президентом РФ в тексте Послания Федеральному собранию от 15.01.2020 г.⁵

Как же так получилось, что значительный и опережающий по отношению к ВВП рост потребления населения не стал фактором радикального повышения качества жизни в стране? Существует несколько аспектов данной проблемы, определивших динамику спроса населения в последние три десятилетия.

Во-первых, доля потребления домашних хозяйств в структуре ВВП за данный период практически не изменилась. Если в 1990 г. она составляла 48,9%, то в 2019 г. – 49,4% (максимальное значение в 57% было зафиксировано в 1998 г.). Не такое значительное, как в случае ВВП и инвестиций, снижение физического объема ПДХ в 1990-е гг. было связано с разменом накопления на потребление, когда потребительский спрос на макроэкономическом уровне обеспечивался зеркальным сокращением инвестиций в основной капитал, а государство поддерживало уровень потребления за счет наращивания долга. Во-вторых, состояние советской экономики в 1990 г. было отнюдь не блестящим, соответственно, и структура потребления домохозяйств была достаточно архаичной. В этих условиях можно говорить о том, что существенного потенциала снижения потребительского спроса в условиях 1990-х гг. не было. Другими словами, при более значительном снижении уровня потребления и без того драматичные последствия кризиса, вероятно, привели бы к социальной катастрофе.

В-третьих, произошли сдвиги в структуре доходов и потребления населения. Советская экономика характеризовалась достаточно своеобразной, устанавливаемой государством структурой цен, которая диктовалась сложившимися диспропорциями в производстве. В процессе либерализации произошла нормализация ценовых пропорций, в результате которых, например, рост цен на продукцию сельского хозяйства, пищевого производства и производства одежды существенно отставал от динамики цен на недвижимость и различные виды услуг. В целом рост цен в секторе операций с недвижимым имуществом в 1990–2017 гг.

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

более чем в восемь раз опередил рост цен на продукцию сельского хозяйства, пищевого производства и производства одежды. Такие ценовые трансформации не могли не сказаться и на изменении структуры совокупного потребления населения (таблица 1).

Таблица 1. Структура ПДХ в разрезе видов экономической деятельности ОКВЭД (в основных ценах) в 1980–2017 гг., %

Показатель	1980	1990	1996	2008	2017*
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	12,6	15,8	20,1	11,0	8,8
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	24,8	20,7	14,2	15,2	12,0
Текстильное и швейное производство	26,6	24,4	11,0	9,4	7,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт	12,3	12,2	13,8	21,4	21,5
Операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг	1,5	1,5	5,0	6,2	11,9
Услуги государственного управления, образования и здравоохранения	1,9	1,9	3,5	5,4	7,6
Прочие услуги	9,0	9,0	13,3	14,3	12,6
Другие виды экономической деятельности	11,4	14,3	19,0	17,2	18,4

* Показатели приведены в основных ценах (без учета торговых, транспортных и налоговых наценок). Совокупная торговая наценка выделена в отдельном виде деятельности «Оптовая и розничная торговля, ремонт». В данных ОБДХ Росстата наценки включены в расходы домашних хозяйств на отдельные виды товаров и услуг (в ценах конечного покупателя). Изменение методологии СНС – переход с СНС93 на СНС08 – деформировало данные о структуре потребления. Это связано с тем, что СНС08 учитывает вмененную ренту, в результате чего в структуре ПДХ значительно увеличилась доля расходов на «Жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива» и, соответственно, снизились доли расходов на другие статьи.

Источник: расчетные межотраслевые балансы Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

В-четвертых, изменение структуры потребления в значительной мере было связано с перераспределением части затрат на потребительские товары в торговую наценку, а также ростом доли затрат на покупку недвижимости, услуги образования, здравоохранения и государственного управления.

В-пятых, произошло очень быстрое и значительное расслоение населения по уровню доходов⁶, которое привело к тому, что рост

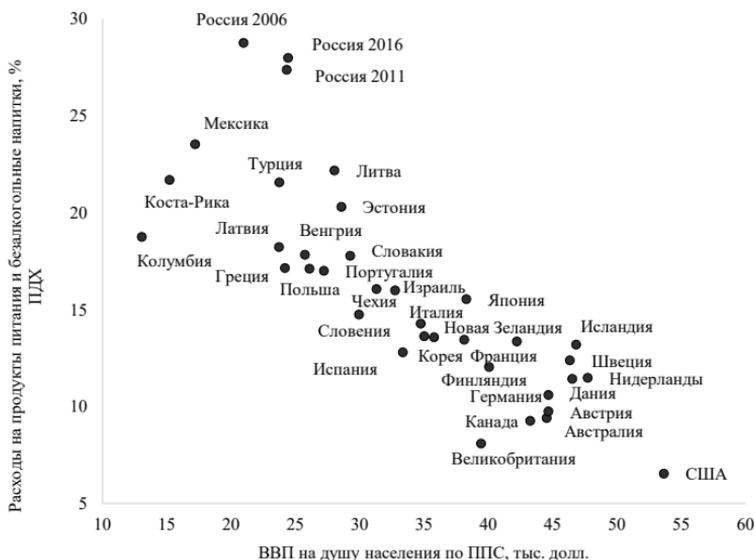
⁶ Согласно данным Росстата, индекс Джини, равный 0,29 в 1992 г. (приблизительно соответствует текущему уровню Финляндии), уже в следующем году увеличился до 0,41 (текущий уровень США). По оценкам Всемирного банка, индекс Джини в 1993 г. и вовсе достиг 0,48.

потребительского спроса распределялся крайне неравномерно и концентрировался в верхних доходных группах населения.

В целом можно констатировать, что за последние 25 лет произошли существенные изменения в механизмах формирования спроса домохозяйств, связанные с динамикой ценовых пропорций, расширением потребительского разнообразия, ростом покупательной способности населения. Однако эти положительные тенденции в недостаточной степени повлияли на качественные характеристики жизни значительной части населения России. Это хорошо видно при более детальном анализе структуры потребления российских домашних хозяйств в фазе экономического роста.

Рост доходов и структура ПДХ: Россия на фоне других стран

Главной особенностью структуры потребления российских домашних хозяйств является крайне высокая на фоне других сопоставимых с Россией стран доля расходов на продовольствие (рис. 2).

Примечание. В целях сопоставимости межстрановых данных структура ПДХ рассчитана без учета «Покупок товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории рассматриваемых стран».

Источник: расчеты авторов по данным Росстата, ОЭСР и Всемирного банка.

Рис. 2. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре ПДХ и ВВП на душу населения по ППС в 2016 г.

В выборку включены большая часть стран ОЭСР и несколько не входящих в эту организацию государств, включая Россию. Рисунок демонстрирует ожидаемую закономерность – чем выше уровень жизни в стране, тем меньшую долю ресурсов ее население тратит на продовольствие. В некоторых наиболее богатых странах на эту статью расходов приходится менее 10% ПДХ.

Однако в случае России данная закономерность не соблюдается: доля расходов на продовольствие гораздо выше, чем в странах с сопоставимым ВВП на душу населения по ППС. Если, например, в Турции, Литве и Эстонии расходы на продовольствие лишь немногим превышают 20% ПДХ, в других странах Восточной Европы и Греции находятся в диапазоне 15–20, то в России они приближаются к 30%.

Анализ статистики стран, в которых в последние десятилетия отмечался устойчивый рост доходов населения, показывает, что он, как правило, сопровождался последовательными качественными сдвигами в структуре потребления. Показательным здесь является пример государств Восточной Европы (табл. 2). Отметим, что все они относительно близки к России по многим социально-экономическим факторам: уровню и динамике рождаемости, распространенности модели семьи с малым количеством детей, параметрам урбанизации, наличием опыта перехода от плановой к рыночной экономике, особенностям статистического учета, а, кроме того, имеют сопоставимую с Россией величину ВВП на душу населения.

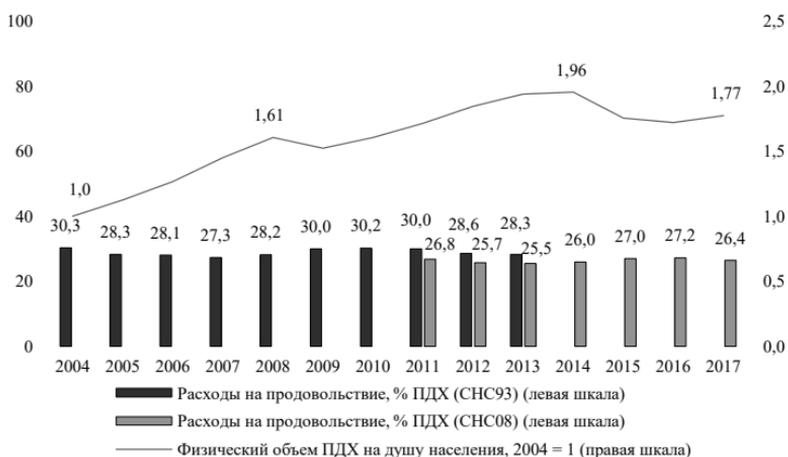
Таблица 2. Изменение доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в ПДХ и динамика среднедушевого ПДХ в постоянных ценах в 1995–2017 гг. в странах Восточной Европы

Страна	Рост физического объема ПДХ на душу населения в 1995–2017 гг., раз	Доля в ПДХ, %		Изменение доли в ПДХ, п.п
		1995	2017	
Болгария	1,95	26,4	19,2	-7,2
Чехия	1,69	18,8	16,3	-2,5
Эстония	2,92	30,0	20,3	-9,7
Латвия	2,81	35,2	17,8	-17,4
Литва	3,46	39,3	21,6	-17,7
Венгрия	1,63	23,2	18,2	-5,0
Польша	2,33	29,2	16,8	-12,4
Румыния	3,29	44,5	27,8	-16,7
Словакия	2,08	27,5	18,1	-9,4
Словения	1,51	17,8	14,6	-3,2

Источник: расчеты авторов по данным Евростата.

Во всех представленных в таблице странах отмечалось сокращение доли расходов на продовольствие в потреблении домашних хозяйств при росте физического объема показателя на душу населения. В некоторых странах Восточной Европы 20 лет назад расходы на продовольствие по отношению к ПДХ были такими же, как сейчас в России, а иногда и выше, однако, вместе с ростом уровня жизни населения этот показатель быстро сокращался. Такая же закономерность характерна и для стран Западной Европы, но там она менее выражена из-за более высокого уровня жизни.

Теоретически обоснованная и эмпирически отмечаемая в большинстве стран тенденция к снижению доли расходов на продовольствие при росте уровня жизни не наблюдается в России (рис. 3). Несмотря на рост доходов и уровня среднедушевого потребления, доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в ПДХ существенно не изменилась за последние полтора десятилетия: 2004 г. – 30,3% (по СНС93), 2011 г. – 30,0% (по СНС93) или 26,8% (по СНС08), 2017 г. – 26,4% (по СНС08).

Источник рис. 3, табл. 3: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 3. Физический объем ПДХ на душу населения и расходы на продукты питания и безалкогольные напитки в структуре ПДХ в России в 2004–2017 гг.

В таблице 3 показано, как в 2004–2017 гг. изменилась структура расходов домашних хозяйств на ключевые группы товаров и услуг.

Таблица 3. Характеристики расходов на ПДХ в России в разрезе разделов КИПЦ в 2004–2017 гг.

Показатель	Структура ПДХ, %		Физический объем ПДХ на душу населения в 2017 г., 2004 = 1	Индекс-дефлятор ПДХ в 2017 г., 2004 = 1
	2004	2017		
Продукты питания и безалкогольные напитки	30,3	26,4	1,50	3,3
Алкогольные напитки, табачные изделия	8,4	7,1	1,5	4,31
Одежда и обувь	10,3	5,1	1,40	2,59
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	8,5	16,7	1,35	3,97
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход за домом	5,3	6,0	1,93	2,35
Здравоохранение	2,8	4,1	2,79	3,45
Транспорт	11,6	12,3	2,12	2,56
Связь	4,8	3,2	2,75	1,29
Организация отдыха и культурные мероприятия	5,0	5,1	2,48	2,35
Образование	1,1	0,8	1,39	4,04
Гостиницы, кафе и рестораны	3,3	3,1	1,58	3,48
Другие товары и услуги	5,1	7,4	2,57	2,75
Покупка товаров и услуг резидентов за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории России	3,6	2,7	2,80	1,7

Примечание. При расчете физических объемов ПДХ на душу населения и индексов-дефляторов ПДХ за 2004–2017 гг. использовались данные о ПДХ в методологии СНС93 (для периода 2004–2011 гг.) и в методологии СНС08 (для периода 2012–2017 гг.).

Можно выделить несколько основных особенностей.

- Снижение доли расходов на одежду и обувь (с 10,3 до 5,1% ПДХ) и рост затрат на «Другие товары и услуги» (с 5,1 до 7,4% ПДХ) – обе эти тенденции укладываются в теоретические представления о воздействии роста уровня доходов на структуру ПДХ.

- Стабильные доли расходов на остальные группы товаров и услуг (с поправкой на изменение методологии СНС). Таким образом, к особенностям структуры потребления российских домашних хозяйств относится не только стабильно высокое

значение доли расходов на продовольствие, но и в целом постоянство этой структуры.

- Крайне низкие на фоне других стран с сопоставимым ВВП на душу населения по ППС доли расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия, а также гостиницы и рестораны (в совокупности в 2017 г. на них пришлось только 8,2% ПДХ).

- Рост доли расходов на «Жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива» вследствие изменения методологии СНС, а именно учета вмененной ренты.

Причины постоянства структуры ПДХ

Ценовая динамика

Анализируя крайне стабильную в 2004–2017 гг. структуру потребления российских домашних хозяйств, прежде всего, было бы логично предположить, что ее устойчивость – следствие равномерного роста физического объема потребления всех групп товаров и услуг. Но в действительности это не так (см. табл. 3): например, реальный среднедушевой объем потребления алкогольных напитков и табачных изделий увеличился за этот период в 1,25 раза, одежды и обуви – в 1,40 раза, услуг транспорта – в 2,12 раза, а услуг связи и здравоохранения – и вовсе в 2,5–2,9 раза.

В то же время рост цен, измеряемый при помощи индексов-дефляторов ПДХ, как правило, был ниже как раз на группы товаров и услуг, потребление которых выросло в наибольшей степени, и наоборот. Если услуги связи стали дороже в 1,29 раза, то рост цен на алкогольные напитки и табачные изделия составил 4,31 раза. Именно такая динамика индексов физического объема и индексов-дефляторов определила стабильность структуры ПДХ в целом и доли расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в частности: физический объем среднедушевого потребления этой группы товаров в 2004–2017 гг. увеличился в 1,5 раза, тогда как цены на них выросли в 3,33 раза (для сравнения: индекс-дефлятор ПДХ в целом за этот период увеличился в 2,87 раза).

На наш взгляд, деформированная структура относительных цен является одной из ключевых причин парадокса российского потребления, поэтому изменение ценовых пропорций должно стать тем фактором, который, наряду с общим ростом доходов населения, будет способствовать нормализации структуры потребительского спроса.

Динамика и распределение доходов

Помимо описанной выше ценовой динамики, на консервации структуры потребления российских домашних хозяйств в последние годы сказались еще два фактора. Во-первых, это наблюдаемые с 2013 г. низкие темпы экономического роста, следствием которых стало снижение, а затем стагнация реальных располагаемых доходов населения и ПДХ. Во-вторых, особенности распределения доходов населения: несмотря на некоторые позитивные тенденции 2000-х гг., дифференциация доходов в России все эти годы остается крайне высокой, а после последнего кризиса стала еще более выраженной.

Согласно данным обследований бюджетов домашних хозяйств Росстата, в 2008–2018 гг. реальный средний денежный доход хозяйств вырос всего лишь на 11,9%⁷. При этом если в 2008 г. на десятую (наиболее обеспеченную) доходную группу хозяйств приходилось 26,0% совокупных денежных доходов, то в 2018 г. – уже 30,2%; в то же время доли первой-шестой групп существенно не изменились. В целом в 2008–2018 гг. при общем росте доходов безусловным лидером стала десятая группа, реальный средний доход в которой вырос на 24,7%.

После 2015 г. процесс дифференциации доходов ускорился. За период 2015–2018 гг. реальный средний денежный доход десятой децильной группы увеличился на 11,2%, тогда как у остальных девяти групп наблюдалось сокращение реальных доходов. Крайне важным является тот факт, что чем менее обеспеченная группа рассматривается, тем значительно сократились ее доходы: реальные денежные доходы девятой децильной группы в 2015–2018 гг. снизились на 0,4%, в восьмой сокращение составило уже 3,0%, в пятой – 4,1%, во второй – 7,2%, а в первой – 13,7%.

Влияние фактора распределения доходов на структуру ПДХ обусловлено тем, что структура расходов существенно различается между домашними хозяйствами, имеющими разный уровень дохода. Расходы наиболее обеспеченных домашних хозяйств в абсолютном выражении, как правило, превышают расходы менее обеспеченных по всем агрегированным группам товаров и услуг, но при этом разрыв в объеме расходов между доходными группами зависит от рассматриваемого товара или услуги.

⁷Для приведения данных о доходах в реальное выражение как для совокупности домашних хозяйств, так и для их отдельных децильных (десятипроцентных) доходных групп использовался индекс потребительских цен.

Например, в 2018 г. в десятой децильной группе среднемесячные потребительские расходы на продукты питания и безалкогольные напитки на одного члена домашнего хозяйства были равны 8,8 тыс. руб., а в первой децильной группе – 2,4 тыс. руб. (соотношение величин расходов – 3,6 раза). В то же время аналогичное соотношение по расходам на услуги связи составило 4,5 раза, на одежду и обувь – 8,0 раза, на организацию отдыха и культурные мероприятия – 35,0 раза, а на транспорт – 56,6 раза.

В 2018 г. в структуре потребительских расходов первой децильной группы на продовольствие приходилось 48,1%, тогда как у домашних хозяйств десятой группы эта позиция занимала 17,5% расходов (табл. 4). В то же время в первой децильной группе на транспорт направлялось 5,7% расходов (в основном – на оплату услуг транспорта), в десятой – 32,7% (главным образом – на покупку транспортных средств). Похожая ситуация характерна и для расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия, жилищные услуги и некоторые другие, менее агрегированные, товары и услуги.

Таблица 4. Структура потребительских расходов российских домашних хозяйств в 2018 г. в разрезе децильных групп и разделов КИПЦ, %

Показатель	Первая	...	Третья	...	Пятая	...	Девятая	Десятая
Продукты питания и безалкогольные напитки	48,1		43,2		39,5		28,6	17,5
Алкогольные напитки, табачные изделия	3,2		3,1		3,1		3,3	2,7
Одежда и обувь	8,0		8,5		8,5		8,7	6,5
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	14,4		13,1		12,3		9,4	6,4
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом	3,1		4,0		5,2		6,0	5,3
Здравоохранение	2,6		3,3		3,8		4,6	3,5
Транспорт	5,7		8,1		9,1		12,9	32,7
Связь	4,6		4,2		3,7		3,2	2,1
Организация отдыха и культурные мероприятия	2,9		3,9		5,2		10,1	10,3
Образование	0,4		0,7		0,9		0,9	0,6
Гостиницы, кафе и рестораны	1,0		1,5		2,0		4,7	5,2
Другие товары и услуги	5,8		6,3		6,5		7,6	7,2

Источник табл. 4, 5: данные Росстата.

Рассмотрение данных ОБДХ Росстата о структуре потребительских расходов в разрезе децильных групп показывает, что, хотя в каждой из групп доля расходов на продовольствие снизилась на несколько процентных пунктов, серьезно на общую структуру расходов такое снижение повлиять не могло. Так, в первой децильной группе расходы на продовольствие сократились в 2005–2018 гг. только с 53,0 до 48,1%, в седьмой и восьмой они практически не изменились (35 и 32% соответственно), а в девятой – и вовсе выросли, хотя и незначительно, – с 28,2 до 28,6%. Доля расходов на продовольствие в десятой децильной группе сократилась с 21,0 до 17,5%, но до сих пор находится на уровне, характерном для всей совокупности домашних хозяйств некоторых стран Восточной Европы (несмотря на позитивную относительно других децильных групп российских домашних хозяйств динамику реальных доходов).

Таблица 5. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в разрезе децильных групп в России в 2005–2018 гг., % совокупных потребительских расходов каждой децильной группы

Группа	2005	2010	2015	2018
Первая	53,0	46,2	46,0	48,1
Вторая	51,0	43,6	44,4	44,7
Третья	48,9	41,8	42,7	43,2
Четвертая	45,8	40,0	41,5	41,1
Пятая	42,7	39,1	39,6	39,5
Шестая	39,2	35,8	36,8	36,7
Седьмая	34,6	31,3	33,7	34,8
Восьмая	32,4	27,6	30,8	32,2
Девятая	28,2	25,3	28,2	28,6
Десятая	21,0	18,5	20,4	17,5

Исходя из сказанного мы считаем, что следствием возможного снижения дифференциации доходов (даже при сохранении неизменным их реального уровня) может стать, во-первых, рост доли доходов, направляемых на потребление, а не сбережение; во-вторых, изменение структуры потребления домашних хозяйств (в первую очередь относящихся к наименее обеспеченным доходным группам), и, следовательно, снижение доли импорта в потреблении. Расчеты на основе таблиц «затраты-выпуск» Росстата за 2017 г. показывают, что доля импорта в стоимостном объеме

потребления продовольствия относительно невелика – 17%, тогда как потребление различных товаров длительного пользования, как правило, в значительной мере удовлетворяется за счет импорта. В связи со сложившейся структурой потребления у наименее обеспеченной первой децильной группы населения доля импорта в потреблении не превышает 10%. Таким образом, снижение дифференциации доходов может рассматриваться как источник дополнительного потребительского спроса, а значит, и драйвер роста выпуска и ВВП.

Заключение

Структура потребления российских домашних хозяйств не соответствует достигнутому страной уровню экономического развития. Несмотря на значительный рост среднедушевого ВВП в 2000-е гг., значимых положительных сдвигов в структуре потребления населения не произошло: около 30% ПДХ приходится на продовольствие, при этом у половины домашних хозяйств эта статья занимает более 40% расходов, а у 90% – свыше 25% расходов. Отсутствие положительных сдвигов в структуре потребления населения свидетельствует о наличии проблем при распределении национального богатства, низком уровне доходов значительной части населения и ограниченности мер по его социальной поддержке.

Консервация структуры потребления негативно влияет на качество жизни населения, не позволяя в должной мере увеличивать вложения на развитие человеческого капитала, в частности в образование, здравоохранение и качественный досуг. Более того, сложившаяся структура потребления негативно сказывается также и на характеристиках экономического роста – как количественных, так и качественных. Ситуация ухудшается опережающим ростом цен на продовольствие, в наибольшей степени затрагивающим группы населения с низкими доходами, где доля расходов на продовольствие достигает 50% (см. табл. 4).

Сложившаяся структура распределения доходов сдерживает потребительский спрос и тормозит экономический рост: увеличение доходов затрагивает прежде всего высокодоходные группы населения, имеющие высокие нормы сбережения и в значительной мере ориентированные на потребление импортных товаров и услуг. Снижение дифференциации доходов (даже если

их общий уровень останется неизменным) способно увеличить потребительский спрос и, в силу особенностей потребления низкодоходных групп населения, повысить темпы роста ВВП.

В текущих условиях одним из основных элементов социально-экономической политики может стать целенаправленное перераспределение доходов в пользу домашних хозяйств через снижение налоговой нагрузки, поддержание тренда на рост оплаты труда в бюджетном секторе, а также увеличение мер социальной поддержки групп населения с низкими доходами. Это будет способствовать задействованию имеющегося потенциала внутреннего спроса и запуску нового инвестиционного цикла в российской экономике.

Литература

Узяков М. Н., Маслов А. Ю., Губанов А. Ю. О разработке обновленной версии рядов межотраслевых балансов РФ в постоянных и текущих ценах за 1980–2004 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2006. Т. 4. С. 648–657.

Широв А. А., Потапенко В. В. Рынок труда и качество человеческого капитала // ЭКО. 2018. № 2 (524). С. 18–34.

Экономика по академику Ивантеру: сборник / Сост. Б. Н. Порфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широв, А. Е. Ивантер, И. В. Зубков. М.: Наука, 2020. 226 с.

Gorman W. M. Community preference fields // *Econometrica*. 1953. 21 (1). P. 63–80.

Sonnenschein H. Market excess demand functions // *Econometrica*. 1972. 40 (3). P. 549–563.

Deaton A., Mullbauer J. An almost ideal demand system // *American Economic Review*. 1980. № 70 (3). P. 312–226.

Almon C. A perhaps adequate demand system // *INFORUM Working Papers*, University of Maryland. 1996. № 96 (7).

Bardazzi R., Barnabani M. A long-run disaggregated cross-section and time-series demand system: an application to Italy // *Economic Systems Research*. 2001. № 13 (4). P. 365–389.

Bardazzi R., Paziienza M. G. Ageing and private fuel expenditure: do generations matter? // *Energy Policy*. 2018. 117 (C). P. 396–405.

Devine P. Forecasting Personal Consumption Expenditures from cross-section and time-series data // PhD dissertation, University of Maryland. 1983. 239 p.

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 22.03.2020.

Для цитирования: Широв А. А., Потапенко В. В. Парадокс российского потребления // ЭКО. 2020. № 6. С. 8-25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25.

Summary

Shirov, A., Doct. Sci. (Econ.), Potapenko, V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow

The Russian Consumption Paradox

Abstract. The paper analyzes the main features of household consumption in Russia. It is shown that a significant increase in income over the past 25 years has not led to a more complex demand and improved quality of consumer consumption. In particular, the share of food in the structure of consumption has not decreased, which contradicts not only the theory of consumer demand, but also empirical observations in most countries of the world. According to the authors, the key reasons for this paradox are, on the one hand, changes in price proportions and the expansion of consumer diversity, on the other – a strong differentiation of income of the population. A targeted reduction in income differentiation (even while maintaining their overall level) can increase domestic consumer demand and have a positive impact on GDP dynamics.

Keywords: household consumption; households' income; standard of living; economic policy

References

Economics by academician Ivanter: collection (2020). Comp. B.N. Porfiriev, M.N. Uzyakov, A.A. Shirov, A.E. Ivanter, I.V. Zubkov. Moscow. Nauka Publishing House. 226 p. (In Russ.).

Shirov, A.A., Potapenko, V.V. (2018). Labor Market and quality of human capital. *ECO*. No. 2 (524). Pp. 18–34. (In Russ.).

Uzyakov, M.N., Maslov, A. Yu., Gubanov, A. Yu. (2006). The development of an updated version of the timeseries of input-output tables for Russia in constant and current prices for 1980–2004. Scientific works: Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences. Vol. 4. Pp. 648–657. (In Russ.).

Gorman, W.M. (1953). Community preference fields. *Econometrica*. 21 (1). Pp. 63–80.

Sonnenschein, H. (1972). Market excess demand functions. *Econometrica*. No. 40 (3). Pp. 549–563.

Deaton, A., Mullbauer, J. (1980). An almost ideal demand system. *American Economic Review*. No. 70 (3). Pp. 312–226.

Almon, C. (1996). A perhaps adequate demand system. INFORUM Working Papers, University of Maryland. No. 96 (7).

Bardazzi, R., Barnabani, M. (2001). A long-run disaggregated cross-section and time-series demand system: an application to Italy. *Economic Systems Research*. No. 13 (4). Pp. 365–389.

Bardazzi, R., Paziienza, M.G. (2018). Ageing and private fuel expenditure: do generations matter? *Energy Policy*. No. 117 (C). Pp. 396–405.

Devine, P. (1983). Forecasting Personal Consumption Expenditures from cross-section and time-series data. PhD dissertation, University of Maryland. 239 p.

For citation: Shirov, A., Potapenko, V. (2020). The Russian Consumption Paradox. *ECO*. No. 6. Pp. 8-25. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25.

Потребление vs сбережения: выбор россиян в условиях экономической нестабильности 2015–2017 гг.

Г.В. БЕЛЕХОВА. E-mail: belek-galina@yandex.ru
Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда

Аннотация. В статье на основе данных официальной статистики и национальных социологических исследований рассматриваются процессы потребления и сбережения денежных средств населением в период нестабильной экономической конъюнктуры 2015–2017 гг. Обращение к данной тематике актуализируется тем, что именно потребительское и сберегательное поведение являются первичными маркерами адаптации населения к изменяющимся внешним условиям. За 2015–2017 гг. структура формирования и распределения доходов, соотношение доходных групп существенно не изменились. Не наблюдается кардинального сокращения сбережений в форме банковских вкладов и объемов потребления, рассматриваемых через розничный товарооборот. Неизменными остаются как самооценки населением материального положения, так и общественные настроения относительно реализации потребительских предпочтений. Несмотря на затянувшийся спад реальных доходов, население стало менее негативно оценивать свою жизнь в целом; сократилось число тех, кто испытывает острую нехватку денег или экономит на текущем потреблении.

Ключевые слова: реальные доходы; вклады; кредиты; покупка товаров и услуг; самооценка материального положения; экономия; экономическая нестабильность

Введение

Население – принципиально важный субъект национальной экономической системы, поскольку, с одной стороны, оно выступает ведущей потребительской единицей и формирует значительную часть ВВП страны¹, а с другой – обеспечивает экономикку разнообразными ресурсами, в том числе финансовыми². Глава государства стабильно подчеркивает важность населения как ключевого фактора прорывного развития страны и регулярно ставит задачи «сбережения народа России

¹ В РФ вклад расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП составил в 2012 г. 50,6%, в 2015 г. – 52%, в 2016 г. – 52,8% и в 2017 г. – 52,2%.

² В РФ по состоянию на 2018 г. общий объем сбережений населения в виде банковских вкладов и наличных денег составил более 34 трлн руб.

и обеспечения благополучия граждан»³, предполагающие, среди прочего, обеспечение высокого уровня жизни населения. Особое внимание в данном контексте уделяется проблематике потребления и сбережений, правильное понимание которых необходимо для прогнозирования основных макроэкономических переменных, для разработки действенных мер социально-экономической политики.

Большое значение имеют исследования, выявляющие и объясняющие тенденции потребительского и сберегательного поведения населения в те периоды жизни страны, которые связаны с переменами в политической, финансово-экономической или социальной сферах. Реакция населения на происходящие в обществе социально-экономические и политические трансформации в первую очередь проявляется через его потребительские практики. Соответственно, динамика потребления отражает степень и направленность адаптации населения к вновь формируемым «правилам игры». Изменяя потребление, население неизбежно корректирует другой «финансовый полюс» своей жизнедеятельности – сберегательное поведение.

Современная ситуация в сфере материального положения россиян во многом обусловлена влиянием происходившей с начала 1990-х годов трансформации социально-экономических институтов⁴. За этот период жители страны испытали на себе и гиперинфляцию начала 1990-х с практически мгновенным исчезновением десятилетиями накапливавшихся сбережений, и появление в середине 1990-х массовой безработицы, и резкое усиление социальной дифференциации, и разного рода «черные понедельники» и «черные вторники» [Российское общество..., 2015. С. 29–30; Белехова, 2016. С. 139]. Россияне пережили дефолт 1998-го, кризис 2008–2009 гг. и оказались в весьма неоднозначных внешнеполитических, экономических и социально-демографических условиях 2014–2017 гг. (режим санкций и контрсанкций, сокращение притока нефтегазовых доходов, ослабление национальной валюты, возрастающая налоговая

³ Путин поставил цель для государства: хорошо и долго живущий россиянин // ТАСС. 2018. URL: <https://tass.ru/politika/4999765> (дата обращения: 02.04.2019).

⁴ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2019 // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

и инфляционная нагрузка, старение населения и проч.). Вполне закономерно предположить, что подобные «качели» повлияли на материальное положение и экономическое поведение населения страны.

Изменилась ли структура формирования и использования доходов? По-прежнему ли велико социальное неравенство? Каким образом население распоряжается своими доходами? Наблюдается ли сокращение сбережений? Другими словами, что характерно для процессов потребления и сбережения денежных средств населением в период неоднозначной и нестабильной экономической конъюнктуры 2015–2017 гг. Попытаемся ответить на указанные вопросы в рамках статьи на основе данных официальной статистики и национальных социологических исследований.

Социально-экономический контекст 2015–2017 гг.

В 2008–2009 гг. Россия вступила в глобальный кризис, находясь в фазе восстановительного роста. Накопленные к этому времени значительные резервы и макроэкономическая стабильность (низкий долг и профицитный бюджет) позволили смягчить социально-политические последствия кризиса. При этом «были исчерпаны возможности экстенсивной модели роста, основанной на вовлечении в производство незадействованных мощностей и трудовых ресурсов» [Российская экономика..., 2017. С. 18], а необходимой структурной перестройки экономики не состоялось. Поэтому нового обострения кризиса избежать не удалось, что и произошло уже в 2014–2015 гг., когда с макроэкономической точки зрения Россия столкнулась с проблемами стагфляции. Свою роль в очередном витке нестабильности сыграл «феномен сочетания кризисов (структурного, финансового, внешних шоков), которые потребовали различных, зачастую разнонаправленных, антикризисных мер – и стимулирующих (в ситуации структурного кризиса), и консолидирующих (при внешних шоках)» [Российская экономика..., 2017. С. 18].

Антикризисная политика 2015–2016 гг. позволила сохранить контроль над основными макроэкономическими процессами. По крайней мере, по большинству экономических

параметров ситуация 2015–2016 гг. оказалась лучше, чем в 2008–2009 гг., хотя геополитические и экономические обстоятельства были гораздо более жесткими. В дальнейшем такое положение дел способствовало некоторым позитивным изменениям в 2017 г., что рассматривается многими экспертами и политиками как признаки выхода на положительную экономическую траекторию (табл. 1). В частности, благодаря преодолению спада во многих базовых видах экономической деятельности (промышленном производстве, торговле, транспорте, сельском хозяйстве) возобновился рост ВВП (1,5% по итогам 2017 г.⁵).

Таблица 1. Некоторые экономические показатели РФ 2008–2017 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Индекс физического объема ВВП	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,5
ИПЦ, к декабрю предыдущего года	113,3	108,8	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9	105,4	102,5
Количество действующих кредитных организаций, ед.	1108	1058	1012	978	956	923	834	733	623	561
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	102,4	103	105,9	100,5	104,6	104	99,3	96,8	94,2	98,3
Реальная заработная плата работников организаций, % к предыдущему году	111,5	96,5	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	91	100,8	103,5
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	118,1	110,7	134,8	101,2	104,9	102,8	100,9	96,2	96,6	103,6
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, млн чел.	19	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,5	19,5	19,3

Источник: Росстат, ЦБ РФ.

Последовательная политика Центрального банка Российской Федерации с начала 2014 г., состоящая в переходе к режиму

⁵ Но по сравнению с ведущими развитыми и развивающимися странами этот темп является низким. Он также не соответствует и политической цели – «красти темпом выше среднемирового» – обозначенной в Послании Президента Российской Федерации 1 декабря 2016 г. (URL: https://www.wto.org/english/news_e/pr17_e/pr800_e.htm).

таргетирования инфляции и плавающему валютному курсу⁶, спустя несколько лет принесла свои плоды: к концу 2016 г. инфляция сократилась до уровня 5,4%, к концу 2017 г. темп роста потребительских цен составил около 2,5%⁷, что оказалось даже ниже установленной целевой отметки.

Однако анализ за весь период экономического спада (т.е. с ноября 2014 г. по конец 2017 г.) дает неутешительные выводы о существенном приросте потребительских цен (на 26,8%), об увеличении цен на продовольственные (на 26,9%) и непродовольственные (на 28,0%) товары и услуги (на 24,8%) [Население России ..., 2018. С. 12]. Кроме того, отличительной чертой последних лет является затянувшийся спад уровня денежных доходов населения, следствием которого стало снижение возможностей для личного потребления и сбережения. В 2017 г. реальные доходы населения сократились на 1,7% (составили 98,3%) от уровня 2016 г., а кумулятивные потери в доходах за 2014–2017 гг. по отношению к уровню 2013 г. достигли 11,4% (1,7% – в 2017-м, 5,8% – в 2016-м, 3,2% – в 2015-м и 0,7% – в 2014-м)⁸. К концу 2017 г. не были достигнуты докризисные показатели по реальной зарплате и назначенным пенсиям⁹.

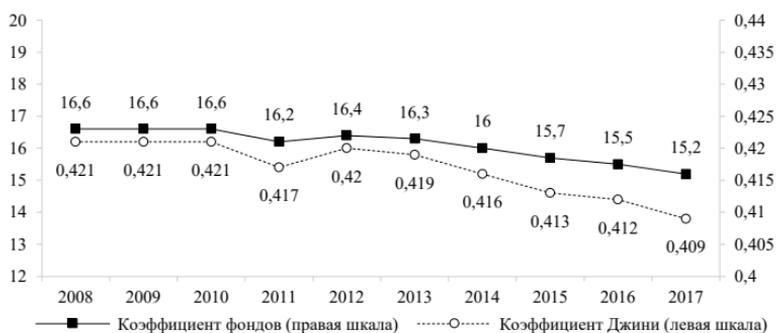
Текущий уровень доходной дифференциации несколько ниже, чем до начала первой волны кризиса. Однако в целом показатели неравенства как за период stagфляции (2015–2017 гг.), так и за более длительный временной интервал (2008–2017 гг.) изменились несущественно (рис. 1).

⁶ Отметим, что в научных и экспертных кругах не утихает дискуссия о своевременности и целесообразности мер, принятых Центробанком в 2014 г. Сторонникам политики ЦБ [Кудрин и др., 2017. С. 19–20], полностью поддерживающим его курс на подавление инфляции, возражают оппоненты, утверждающие, что монетарная и кредитно-денежная политика Банка России привела к падению деловой и инвестиционной активности, ухудшению управляемости финансовым рынком, усилению инфляции и углублению спада реальных доходов населения [Глазьев, 2015; Глазьев, 2016; Баранов, 2015].

⁷ Низкие темпы инфляции в 2017 г. сложились под влиянием: укрепления рубля и, соответственно, снижения цен на импортные товары и услуги, высокого урожая сельскохозяйственной продукции, приведшего к снижению цен на продовольствие на внутреннем рынке, компенсаторного замедления инфляции после периода интенсивного роста цен в 2014–2016 гг. [Население России ..., 2018. С. 13].

⁸ См.: Статистика. Официальная статистика. Население. Уровень жизни. Доходы, расходы и сбережения населения // Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397> (дата обращения: 19.09.2019).

⁹ В 2017 г. реальная заработная плата составила 94,8% от уровня 2014 г. (последний период роста заработных плат перед спадом); реальный размер назначенных пенсий составил 97,1% от уровня 2013 г. и 96,3% от уровня 2014 г..

Источник: Распределение общего объема денежных доходов по 20%-м группам населения и основные показатели социально-экономической дифференциации/ Росстат. Уровень жизни. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Рис. 1. Уровень доходного неравенства населения РФ в 2008–2017 гг.

По итогам 2017 г. доля доходов 20% наиболее обеспеченных граждан составила 47,0%, а 20% наименее обеспеченных – 5,3% от общего объема денежных доходов населения. Аналогичные показатели зафиксированы как в 2016 г. (47,1% и 5,3% соответственно), так и в начале периода спада доходов в 2014 г. (47,2% и 5,3%). Иначе говоря, снижение неравенства в период 2014–2017 гг. происходило в основном за счет сокращения концентрации доходов в относительно обеспеченных группах населения, которые в большей степени «пострадали» из-за снижения премиальных выплат, замедления темпов роста зарплат, а также сокращения доходов от предпринимательства и собственности, имевшие место быть во время экономического спада.

Кризисные процессы отразились на структуре денежных доходов россиян: наряду со стабильно высокой долей заработной платы заметно выросла доля социальных выплат¹⁰ и сократился вклад доходов от предпринимательской деятельности и от собственности (табл. 2).

¹⁰ Увеличение доли социальных выплат связано с повышением доли лиц старшего трудоспособного возраста в общей численности населения, произведенными в 2015–2017 гг. индексациями социальных выплат и единовременной доплатой к пенсиям в начале 2017 г. Следует отметить, что бюджетные расходы на социальные выплаты способствовали некоторой нейтрализации негативного воздействия на доходы населения спада в производственном и финансовом секторах экономики, однако на ситуацию с социальным неравенством заметно не повлияли (см. рис. 1).

Таблица 2. Структура денежных доходов населения РФ в 2008–2017 гг., % от общего объема денежных доходов

Источник дохода	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Оплата труда, включая скрытую заработную плату	68,4	67,3	65,2	65,6	65,1	65,3	65,8	65,6	64,6	65,4
Социальные выплаты	13,2	14,8	17,7	18,3	18,4	18,6	18	18,3	19,1	19,6
Доходы от предпринимательской деятельности	10,2	9,5	8,9	8,9	9,4	8,6	8,4	7,9	7,8	7,6
Доходы от собственности	6,2	6,4	6,2	5,2	5,1	5,5	5,8	6,2	6,5	5,4
Прочие доходы	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2

Источник: Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступления. Динамические ряды / Росстат. Уровень жизни. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Отсутствие заметных позитивных изменений в жизни россиян за период экономической нестабильности подтверждается самооценками их финансового положения (табл. 3).

Таблица 3. Самооценка финансового положения населением РФ в 2008–2017 гг., % от общего числа опрошенных

Характеристика	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Не хватает денег даже на еду («нищие»)	1,9	1,6	1,8	1,5	1,4	1,2	1,1	1,2	1	0,9
Затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги («бедные»)	22,8	23,7	24,1	21,6	20,5	18,9	18,8	19,4	20,5	19,2
Не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования («малообеспеченные»)	45,7	45	43,7	44,5	45,1	45,3	45	45,3	47,6	49,5
Не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры («среднеобеспеченные»)	26,5	26	27,2	29,2	30,3	30,7	32	29,7	26,7	26,6
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным («высокообеспеченные»)	1,9	2,5	2,3	2,4	1,8	3,2	2,6	2,4	3	2,9
Затруднились ответить	1,2	1,2	0,9	0,8	0,9	0,7	0,5	2	1,2	0,9

Источник. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств 2008–2017 / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812

В 2017 г., как в 2008 г. и в 2014 г., самой распространенной прослойкой (почти 50%) в российском обществе были «малообеспеченные», которые не могли позволить себе покупку товаров длительного пользования. Примечательно, что в 2015–2017 гг. сократилась доля относящихся себя к «среднеобеспеченным» (с 30 до 27%) и выросла наполняемость группы «малообеспеченных» (с 45% до 50%).

В целом сложившиеся в 1990-х гг. пропорции при формировании и распределении доходов, в соотношении доходных групп существенно не изменились, несмотря на экономический рост в середине 2000-х годов, последующий кризис 2008–2009 гг. и экономический спад в 2015–2017 гг.¹¹

Потребление или сбережение?

Расходы населения главным образом ориентированы на удовлетворение покупательского спроса и выполнение денежных обязательств перед государством и различного рода кредиторами (табл. 4) [Беляевский, 2016. С. 67]. За 2008–2017 гг. существенных изменений в соотношении статей расходов не наблюдается, но в период 2015–2017 гг. произошли любопытные перемены. В 2017 г. доля расходов на товары и услуги выросла до докризисного уровня 2013–2014 гг. (до 75%), при этом сократился объем средств, направляемый населением на цели сбережения (с 14% в 2015 г. до 8% в 2017 г.).

Тому может быть несколько причин. С одной стороны, подобная коррекция доли сбережений в расходах населения могла быть вполне естественным процессом после ее высокого уровня в 2015–2016 гг., обусловленного действием мотива предосторожности. С другой стороны, она могла быть связана с наметившимся ростом реальных заработных плат¹², сочетающимся с невозможностью больше откладывать необходимые покупки. Определенное влияние, очевидно, оказало и снижение процентных ставок по банковским депозитам.

¹¹ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2019 // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2019. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

¹² Согласно официальной статистике (Росстат) и данным Аналитического центра при Правительстве РФ, реальная начисленная заработная плата с середины 2016 г. начала расти, в целом за год увеличившись на 0,8%, а в 2017 г. темп роста реальной заработной платы составил 3,5% (см. табл. 1).

Таблица 4. Структура использования денежных доходов населением РФ в 2008–2017 гг., %

Направление расходов	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Покупка товаров и оплата услуг	74,1	69,8	69,6	73,5	74,2	73,6	75,3	71,0	73,0	74,9
Оплата обязательных платежей и взносов	12,3	10,5	9,7	10,3	11,1	11,7	11,8	10,9	11,2	11,8
Сбережения, всего	5,4	14,0	14,8	10,4	9,9	9,8	6,9	14,3	11,1	8,1
Покупка валюты	7,9	5,4	3,6	4,2	4,8	4,2	5,8	4,2	4,0	3,7
Изменение денег на руках у населения	0,3	0,4	2,3	1,6	0	0,7	0,2	-0,4	0,7	1,5

Примечание: «прочие» сбережения включают изменение средств на счетах ИП, изменение задолженности по кредитам, расходы на приобретение недвижимости и покупку населением скота и птицы.

Источник. Объем и структура использования денежных доходов населения. Динамические ряды / Росстат. Уровень жизни. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

«Распределение располагаемых ресурсов по группам населения с разным уровнем доходности показывает, что самая бедная квинтильная группа, сосредоточившая около 6% доходов, дает только 3% ресурсов на прирост сбережений, а самый богатый квинтиль (около 50% доходов) обеспечивает более 55% прироста сбережений» [Аганбегян, 2017. С. 77].

Приоритет потребления подтверждается показателями розничного товарооборота (табл. 5). После прохождения острой фазы кризиса в 2009 г., когда обороты розницы заметно упали, в 2010–2012 гг. отмечалось наращивание объемов розничной торговли. Причем эксперты Минэкономразвития РФ отмечают, что стабилизация отрасли происходила не столько за счет роста реальных доходов населения (которое тоже имело место быть), сколько «за счет активного расходования сбережений и увеличения потребительского кредитования, что обеспечивало рознице существенный платежеспособный спрос со стороны домашних хозяйств»¹³.

С 2013 г. начинаются снижение потребительской активности и уменьшение прироста розничного товарооборота как следствие замедления экономического роста и динамики доходов населения,

¹³ Экономика России в 2010–2014 годах. Часть // Минэкономразвития России. 2015. С. 52. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/collegium/2015042205> (дата обращения: 21.03.2019).

смещения приоритета с потребления в формат накопления сбережений и, отчасти, – накопленной кредитной нагрузки¹⁴. Розничный товароборот восстановился только по итогам 2017 г. (в сопоставимых ценах увеличился на 1,2% по сравнению с 2016 г.), главным образом – за счет увеличения продаж непродовольственных товаров. «По сравнению с октябрём 2014 г. – последним месяцем перед началом экономического спада – увеличение розничного товароборота к концу 2017 г. составило 3,4%. По непродовольственным товарам прирост равен 2,7%, по продовольственным товарам – 4,8%, в общественном питании – 7,5%, а в обороте платных услуг – 4,7%» [Население России ..., 2018. С. 15].

Таблица 5. Динамика розничного товароборота в РФ в 2008–2017 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Индексы физического объема, % к предыдущему году</i>										
Всего	113,7	94,9	106,5	107,1	106,3	103,9	102,7	90,0	95,4	101,2
Продовольственные товары	111,7	98,1	105,1	103,4	103,6	102,6	100,0	91,0	95,0	101,1
Непродовольственные товары	115,3	91,8	108,0	110,8	108,6	104,9	105,1	89,1	95,8	101,5
<i>Структура, %</i>										
Продовольственные товары	46,6	48,6	48,5	47,7	46,6	47,0	47,0	48,7	48,6	48,4
Непродовольственные товары	53,4	51,4	51,5	52,3	53,4	53,0	53,0	51,3	51,4	51,6

Источник. Розничная торговля, услуги населению, туризм / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/#

Как отмечают представители Национального бюро кредитных историй (НБКИ) и Объединенного кредитного бюро (ОКБ), в 2014–2015 гг. многие банки ограничили розничное кредитование, стали применять новые рисковые стратегии, включающие более строгую оценку потенциальных заемщиков и активизацию

¹⁴ По сравнению со многими иностранными государствами, кредитная нагрузка домохозяйств в России невелика: отношение объема задолженности по розничным кредитам к годовым располагаемым денежным доходам населения в России составило в 2012 г. 16%, в 2013 г. – 19%, в 2014 г. – 22% (по сравнению, например, с соответственно 55, 56 и 58% в Польше; 65, 63, 62% в Италии; 115, 116, 114% в США; 182, 186, 187% в Норвегии). Однако доля проблемных кредитов в России выше, чем в среднем в мире и в странах с высокими показателями за кредитованности. Так, в России в 2012–2014 гг. доля проблемных кредитов была на уровне 6–7%, тогда как в Польше – 5%, в Италии – 14–18%, в США – 2–3% [Кузина, Крупенский, 2018. С. 88, 90–91].

сбора просроченной задолженности, а также сосредоточились на работе с текущими клиентскими портфелями¹⁵. Но, по мере стабилизации ситуации в экономике и «пробуждения» розницы, к 2017 г. началось оживление и в банковском секторе (табл. 6). С одной стороны, вырос общий объем сбережений населения: в 2016 г. он составил около 26 трлн руб., в 2017 г. увеличился до 29,5 трлн руб., из которых более 20 трлн руб. приходилось на депозиты в банках¹⁶.

Таблица 6. Вклады и кредиты физических лиц в РФ в 2008–2017 гг. (в сопоставимых ценах 2017 г.), руб.

Показатель	2008	2010	2014	2015	2016	2017
Вклады (депозиты) на душу населения	80041,5	112343,5	155984,6	171618,5	169838,7	177691,0
Задолженность по кредитам на душу населения	54281,6	46563,2	94299,8	78462,6	75289,7	82642,7
Задолженность по ипотечному жилищному кредитованию на душу	7498,3	7906,0	24152,0	27200,0	30635,7	35326,7
Доля ипотеки в задолженности, %	13,8	17,0	25,6	34,7	40,7	42,7
Соотношение вкладов и задолженности по кредитам	1,5	2,4	1,7	2,2	2,3	2,2

Источник. Расчеты автора по данным: Финансы России 2002–2018 / Росстат.

С другой стороны, наблюдалось восстановление банковского кредитования. В частности, если в 2015 г. ещё отмечалось снижение объема задолженности населения по сравнению с 2014 г. (на 633 млн руб.), то со следующего года объемы кредитования увеличились: в 2016 г. российские банки предоставили более 31 млн кредитов на сумму 4,14 трлн руб., а в 2017 г. было

¹⁵ НБКИ: в течение 2015 года индикаторы долговой нагрузки российских заемщиков снизились на 3,91 процентных пункта // Национальное бюро кредитных историй. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=11876> (дата обращения: 19.09.2019); В 2015 г. россияне не обслуживали вовремя более 12,5 млн кредитов, а сумма просроченных долгов превысила 1 трлн руб. // Объединенное кредитное бюро. URL: <https://bki-okb.ru/press/news/v-2015-g-rossiyane-ne-obslyuzhivali-vovremya-bole-125-mln-kreditov-summa-prosrochennyh-dolgov> (дата обращения: 19.09.2019).

¹⁶ См.: Доходы падают, сбережения растут. Россияне накопили рекордную сумму // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/money/economy/dohody_padayut_sberezheniya_rastut_rossiyane_nakopili_rekordnuyu_summu (дата обращения: 22.03.2019); *Измайлов М., Степанов Г.* Россияне предпочитают сберегать // NEWS.RU. URL: <https://news.ru/den-gi/sberegatel-naya-model-potreblenie-nakopleniya/> (дата обращения: 22.03.2019).

выдано около 34,8 млн кредитов на 5,91 трлн руб.¹⁷ Соответственно, повысились как размеры задолженности физических лиц по кредитам (с 10,4 трлн руб. в 2015 г. до 12,1 трлн руб., или на 13,4% в 2017 г.¹⁸), так и средний размер потребительского кредита (с 121,2 тыс. руб. в 2015 г. до 141,2 тыс. руб. в 2017 г.¹⁹). Можно предположить, что население за счет использования заемных средств стремилось либо поддержать привычный уровень жизни, либо обеспечить приобретение нужных товаров и услуг, либо рассчитаться по ранее взятым займам²⁰.

По мнению экспертов, эти, на первый взгляд, полярные тренды (одновременный рост вкладов и объемов выданных займов) складывались в результате поведения разных групп населения: наиболее обеспеченные пытались сберечь, а бедные слои и самые незащищенные граждане вынуждены были «затыкать финансовые дыры» и привлекать заемные средства²¹. Исходя из имеющихся данных, комментариев экспертов и исследователей, однозначно судить о разумности, рациональности или грамотности такого поведения разных групп населения не представляется возможным. Мы можем лишь констатировать данный вариант адаптации к социально-экономическим условиям безотносительно к его качественному наполнению и возможным девиациям поведения (например, оформление необеспеченных кредитов, экстремальные варианты экономии и проч.).

Данные социологических опросов также позволяют проследить, каким образом население адаптировалось к изменениям

¹⁷ См.: В 2018 году россияне взяли кредиты на 8,6 трлн руб. // РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c49757c9a79474198d0dbfc> (дата обращения: 21.03.2019); Долги россиян перед банками превысили 12 трлн руб. // Ведомости. 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/01/31/749478-dolgi-previsili-12-trln> (дата обращения: 19.03.2019).

¹⁸ См.: Показатели деятельности кредитных организаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=pdko_sub (дата обращения: 19.02.2019).

¹⁹ См.: НБКИ: средний размер потребительского кредита // Национальное бюро кредитных историй. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21625> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁰ Однако следует понимать, что длительное использование кредитов, несоизмерных с получаемыми в текущем периоде доходами и/или необеспеченных ростом доходов в будущих периодах, сопряжено с серьезными рисками для благосостояния домохозяйств и зачастую экономически не оправдано.

²¹ См.: *Измайлов М., Степанов Г.* Россияне предпочитают сберечь // NEWS.RU. URL: <https://news.ru/den-gi/sberagatel-naya-model-potreblenie-nakopleniya/> (дата обращения: 22.03.2019).

в 2015–2017 гг. в плане потребления и сбережений. Об изменении приоритетов в расходовании средств свидетельствуют результаты опросов, проводимых Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ). Если в 2015 г. большая часть опрошенных (47%) заявляла о стремлении вначале сберечь часть получаемого дохода, а уже потом осуществлять необходимые траты, то в 2017 г. такая же доля населения (46%) переключилась на потребление, отдав сбережению второстепенную роль (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы (Ваша семья) обычно распоряжаетесь доходами в повседневной жизни?», % от всех опрошенных (2005–2017 гг.)

Вариант ответа	2005	2008	2015	2017
Стараюсь сначала что-то отложить, а остальные деньги трачу на текущие нужды	9	12	47	16
Трачу деньги на текущие нужды, а что остается – откладываю	28	34	36	36
Трачу все деньги на текущие нужды и ничего не откладываю	60	52	15	46
Затрудняюсь ответить	3	2	2	2

Источник. Репрезентативный всероссийский опрос НАФИ. Проведен в марте 2017 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России. Возраст: 18 лет и старше. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <https://naf1.ru/analytics/rossiyane-stali-bolshe-tratit-i-menshe-sberegat/>

Наряду с этим опросы НАФИ²² показывают, что россияне стали меньше экономить: доля тех, кто не жаловался на нехватку денег для потребления²³, выросла с 3% в 2015 г. до 19% в 2017 г. Сократились многие «бытовые» варианты экономии: отказ от покупки необходимой одежды и обуви (с 39 до 31% за 2015–2017 гг.), от покупки действительно нужных предметов домашнего обихода (с 30 до 27%), от посещения кино, театров и других развлечений (с 38 до 36%). В то же время экономия сохранилась в отношении отпуска (в 2015 г. сэкономили 48%,

²² См.: Россияне стали меньше экономить // НАФИ. URL: <https://naf1.ru/analytics/rossiyane-stali-menshe-ekonomit/> (дата обращения: 19.09.2019).

²³ Вопрос: «Приходилось ли Вам в последнее время отказываться от чего-то из перечисленного ниже из-за нехватки на это денег?». Варианты ответа: покупка необходимых продуктов питания; покупка необходимой одежды, обуви; покупка действительно необходимых предметов домашнего обихода; посещение кино, театров, других развлекательных учреждений; оплата образовательных услуг взрослых и детей; оплата возможности поехать отдохнуть, провести отпуск; поездки к родственникам, друзьям; прием или посещение гостей, родственников; оплата лечения, восстановления здоровья (инструментарий НАФИ).

в 2017 г. – 52%); лечения (22% в 2015 г., 24% в 2017 г.), покупки необходимых продуктов питания (20% в 2015–2017 гг.).

Индекс потребительских настроений (ИПН), характеризующий ориентации массового потребителя, показывал преобладание в период 2015–2017 гг. среди россиян нейтрального отношения как в целом к приобретению разнообразных продуктов, так и к покупкам в кредит или осуществлению сбережений (рис. 2). С одной стороны, снижение ИПН в 2015–2016 гг. и его рост в 2017 г. вполне закономерны (с учетом снижения инфляции, роста зарплат, определенной макроэкономической стабилизации и т.д.). С другой стороны, значения индексов не превышают 100 пунктов, что в целом говорит о преобладании отрицательных оценок условий для осуществления расходов и формирования сбережений.

Источник. Инфляционные ожидания и потребительские настроения населения. Январь 2018 / Центральный банк Российской Федерации. 2018. URL: <https://www.cbr.ru/DKP/surveys/inflation/>

Рис. 2. Индекс потребительских настроений и частные индексы в 2009–2017 гг.

Однако динамика субъективной характеристики населением своего материального положения за рассматриваемые три года показывала снижение негативных оценок: «если в декабре 2015 г. и 2016 г. доля лиц, считающих, что их материальное положение за последние два-три месяца ухудшилось, составляло соответственно 49 и 32%, то в 2017 г. таких было всего 28%» [Барков и др., 2018. С. 83].

Таким образом, имеющиеся статистические и социологические данные, на наш взгляд, можно трактовать как адаптацию россиян к новой стратегии потребления – «рациональной, бережливой, экономной». Другими словами, возникшие вследствие ухудшения социально-экономической конъюнктуры вынужденные и, как предполагалось, временные практики экономного потребления в настоящее время из-за длительности их применения воспринимаются россиянами как обыденные, ориентированные на длительную перспективу. «Деньги – что вода: пришли и ушли, только и видели» – такой лейтмотив характерен сейчас для многих российских домохозяйств. И, несмотря на то, что удовлетворенность жизнью весьма высока (60% в 2017 г., 63% в 2018 г.), лишь «четверть россиян (25%) ожидает улучшения жизненной ситуации, столько же (25%), напротив, дают негативный прогноз, еще 40% считают, что через год будут жить примерно так же, как и сейчас»²⁴.

Заключение

В экономической науке представлены разные точки зрения на направленность и тесноту связи между объемами потребления, сбережений, инвестиций и темпами роста экономики. Одни исследователи доказывают, что высокие сбережения приводят к активному накоплению капитала, что, в свою очередь, увеличивает темпы экономического роста [Solow, 1956; Levine, Renelt, 1992]; другие указывают на то, что именно экономический рост способствует сбережениям [Carroll, Weil, 1994; Jappelli, Pagano, 1994; Anoruo, Ahmad, 2001]. Есть и такие авторы, которые не обнаруживают связи между внутренними сбережениями, потреблением домохозяйств и экономическим ростом [Miszal, 2011; Pickson et al., 2017], либо выявляют наличие двусторонней причинно-следственной связи между данными показателями [Saltz, 1999]. При этом теории экономического роста предусматривают, что положительная динамика экономического развития страны складывается, если возрастают *инвестиции* [Miszal, 2011. С. 17], будь то вложения в физический, человеческий капитал или же в новые идеи и технологии. Именно инвестиции, попадая

²⁴ См.: Социальное самочувствие россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430> (дата обращения: 19.02.2019).

в производственные процессы, приводят к росту производительности и реальных доходов²⁵. На этой основе стимул к увеличению получают потребление и сбережение²⁶.

Наряду с инвестициями, традиционный фактор, стимулирующий экономический рост в России, – внутренний потребительский спрос [May, 2016. С. 333–334]. В частности, восстановление экономики России в 2000-х – начале 2010-х гг. в своей основе имело постоянный рост внутреннего спроса. Кроме того, именно потребительское и финансовое (в том числе сберегательное) поведение населения является маркером адаптации граждан страны к новым условиям социально-экономической жизни и позволяет предсказывать тенденции экономического развития.

Как показало проведенное исследование, в период экономической нестабильности 2015–2017 гг. закрепился тренд на спад уровня денежных доходов населения, при этом структура формирования доходов и показатели социального неравенства существенно не изменились. В части использования денежных доходов имевшее место в 2015 г. сокращение расходов на товары и услуги при одновременном росте сбережений сменилось в 2017 г. на противоположные процессы. Розничный товарооборот, после падения в 2015–2016 гг., восстановился по итогам 2017 г., главным образом – за счет роста продаж непродовольственных товаров. В банковском секторе отмечался стабильный рост вкладов населения и объемов кредитования физических лиц. Население умеренно позитивно оценивало свое текущее материальное положение: основные категории населения составляли «малообеспеченные» и «среднеобеспеченные» при улучшении субъективных оценок динамики материального положения; уменьшилась доля россиян, испытывавших острую нехватку денег и экономящих на потреблении.

²⁵ Согласно исследованию В. В. Ивантера, Б. Н. Порфирьева, А. А. Широга, А. К. Моисеева «От антикризисных мер к структурной перестройке экономики», для российской экономики характерна высокая зависимость от уровня инвестиционной активности: «в годы, когда (российская) экономика трансформировала доходы в рост инвестиций, происходило ее динамичное развитие. При прочих равных условиях ... для достижения (в России) темпов экономического роста более 4% требуются темпы роста инвестиций в основной капитал, превышающие 10%» [О мерах по преодолению..., 2015. С. 46–47].

²⁶ См.: *Mulligan, C.* Consumer spending and economic growth. URL: <https://economix.blogs.nytimes.com/2013/07/31/consumer-spending-and-economic-growth/> (accessed 27.05.2019).

Основным лейтмотивом материального положения россиян в 2015–2017 гг. стало снижение реальных доходов, в результате чего многие из них были вынуждены в довольно сжатые сроки пересмотреть свое потребительское и сберегательное поведение сообразно складывающимся обстоятельствам. Так, в 2015–2016 гг., в условиях «стагнирующих» доходов и высоких процентных ставок по депозитам, россияне активно формировали сбережения, а когда в 2017 г. начала расти заработная плата, стабилизировалась на невысоком уровне инфляция, снизились ставки по вкладам, жилищным и потребительским кредитам, население расширило масштабы потребления.

Здесь следует учитывать и то, что общий рост неопределенности в политической и экономической жизни в 2014–2015 гг., вызванный рядом причин (затяжной характер кризисов, нестабильность национальной валюты, неопределенность изменений в пенсионной системе, рост беспокойства населения по поводу потери работы или сокращения доходов, необходимость расплачиваться с кредитами, взятыми ранее 2015 г. и проч.), привел к возрастанию среди населения ощущений неопределенности будущих доходов. Это, в соответствии с теорией перманентного дохода, явилось причиной снижения в 2015–2016 гг. потребления в пользу увеличения сбережений, которые затем (с 2017 г.), наряду с займами, начали использоваться для сглаживания колебаний дохода и финансирования потребления. При этом произошли некоторые качественные изменения в потреблении – оно стало более критичным и чувствительным к ценам, т.е. распространение получили «практики сравнения цен, покупок товаров по акциям и специальным предложениям, переход на более доступные бренды, а также планирование покупок»²⁷.

Таким образом, население – активный потребитель вплоть до 2014 г., – стало более практичным в расходовании доходов и подключило сберегательные практики, сохранив при этом зависимость от заемных средств. В целом такое поведение можно считать вполне «нормальным», адекватным складывающимся социально-экономическим, политическим, демографическим условиям.

²⁷ См.: Затяжной спад в экономике. Что предпринимают потребители и бизнес // Pw C. 2016. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/consumer-business-report/e-russias-protracted-recession_rus.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

Одно из базовых условий экономического роста страны – отлаженный механизм распределения средств населения на потребление, сбережения и в дальнейшем в инвестиции (в реальные и финансовые активы). Ослабление потребительского спроса и чрезмерные процессы накопления обуславливают снижение темпов роста экономики или даже приводят к его замедлению. Поэтому политические инициативы, предполагающие установление новых обременений на доходы граждан и сокращение их покупательных возможностей, будут провоцировать распространение пессимистичных настроений и сдерживать внутреннее потребление, препятствуя в конечном итоге инвестированию сбереженных населением средств в экономику. Факторами усугубления уровня жизни россиян, ухудшения возможностей для потребления и сбережений, на наш взгляд, являются увеличение налоговой и неналоговой нагрузки на население (повышение НДС, налогов на имущество, акцизов на топливо); изменение пенсионной системы (в части увеличения пенсионного возраста); отсутствие адекватных мер по доплатам и индексациям, а также позитивных изменений в производственной сфере.

В любые периоды экономической жизни страны, включая кризисные, население должно видеть перспективы собственной жизни и развития экономики, иметь свободные средства и уметь их не просто сберечь, но и вкладывать в хозяйственный сектор²⁸. Это сложный процесс, требующий комплексного решения и совместных усилий органов государственной власти и бизнеса. Последний должен стремиться выстраивать партнерские отношения с конечным потребителем, ориентируясь на его интересы, прорабатывая ассортиментный портфель, дистрибьюторскую и коммуникационную стратегию, таким образом работая на лояльность аудитории, причем даже в периоды экономической нестабильности. Со стороны государства необходимым представляется обеспечение условий для развития предприятий (крупных и МСП) через инвестирование проектов модернизационного плана (чтобы поддерживать уровень заработных плат в разных

²⁸ Эта задача уже несколько лет решается в рамках деятельности по повышению финансовой грамотности населения (с 2011 г. в рамках совместного проекта Минфина РФ и Всемирного банка, с 2017 г. – в рамках реализации «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы»), в том числе за счет работы системы финансового просвещения.

отраслях и сферах); проведение однозначной и проработанной пенсионной реформы (как основы долгосрочной уверенности граждан и устойчивости бюджетной политики); усиление адресности поддержки социально-уязвимых групп населения (прежде всего, тех, кто составляет основу демографического потенциала – семей с детьми; тех, чьи расходы зависят от курса национальной валюты – потребители лекарств, высокотехнологичной помощи и др.); продолжение программ опережающего роста зарплат в бюджетном секторе и в целом обеспечение устойчивости бюджетной системы (поскольку бюджетные расходы поддерживают социальную сферу и ряд отраслей экономики).

Литература

Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9. С. 66–84.

Баранов А.О. Оценка глубины и длительности рецессии в России и меры Правительства РФ по ее преодолению // ЭКО. 2015. № 4. С. 72–92.

Барков С.А., Гавриленко О.В., Маркеева А.В., Свердликowa Е.А. Бедность и богатство: восприятие российских интернет-пользователей // ЭКО. 2018. № 3. С. 82–100. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-3-82-100

Белехова Г.В. Потребительское поведение населения: «кризисная» динамика // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 138–153.

Беляевский И.К. Показатели денежных доходов и расходов в изучении уровня и качества жизни населения России // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 57–70. DOI: 10.34023/2313–6383–2016–0–2–57–70

Глазьев С.Ю. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–9–124–135

Глазьев С.Ю. Стабилизация валютно-финансового рынка как необходимое условие перехода к устойчивому развитию // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 28–36. DOI: 10.17059/2016–1–2

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 5–28. DOI: 10.32609/0042–8736–2017–5–5–28

Кузина О.Е., Крупенский Н.А. Перекредитованность россиян: миф или реальность? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 85–104. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–11–85–104

Мау В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности / В.А. Мау. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 488 с.

Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года [Эл. ресурс] / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 41 с. URL: https://isp.hse.ru/data/2018/03/07/1165665342/Мониторинг_ВШЭ_Итоги2017.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России / под общ. ред. А.Г. Аксакова. М.: Издание Государственной думы, 2015. 320 с.

Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. Выпуск 38 / колл. Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015. 336 с.

Anoruo E., Ahmad Y. Causal relationship between domestic savings and economic growth: evidence from seven African countries // *African Development Review*. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 238–249. DOI: 10.1111/1467–8268.00038

Carroll C.D., Weil D.N. Saving and growth: a reinterpretation // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1994. Vol. 40. June. P. 133–192. DOI: 10.1016/0167–2231(94)90006-X

Jappelli T., Pagano M. Savings, growth and liquidity constraint // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. No.1. P. 83–109. DOI: 10.2307/2118429

Levine R., Renelt D. A Sensitivity analysis of cross countries growth regression // *American Economic Review*. 1992. Vol. 82. No. 4. P. 942–963.

Misztal P. The relationship between savings and economic growth in countries with different level of economic development // *Financial Internet Quarterly*. 2011. Vol. 7. Iss. 2. P. 17–29.

Pickson R.B., Enning K.D., Siaw A. Savings-growth nexus in Ghana: cointegration and causal relationship analyses // *Theoretical Economics Letters*. 2017. No. 7. P. 139–153. DOI: 10.4236/tel.2017.72012

Saltz I.S. An examination of the causal relationship between savings and growth in the Third World // *Journal of Economics and Finance*. 1999. Vol. 23. No. 1. P. 90–98.

Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94. DOI: 10.2307/1884513

Статья поступила 01.06.2019.

Статья принята к публикации 20.09.2019.

Для цитирования: *Белехова Г.В.* Потребление vs сбережения: выбор россиян в условиях экономической нестабильности 2015–2017 гг.// ЭКО. 2020. № 6. С. 26–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-26-47.

Summary

Belekhova, G.V., Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda

Consumption vs. Savings: the Choice of Russians in the Conditions of Economic Instability 2015–2017

Abstract. The article analyzes the processes of consumption and savings by the population during the period of unstable economic conditions of 2015–2017. Data of official statistics and national sociological surveys have been used. Appeal to this topic is actualized by the fact that consumer and savings behavior are the primary markers of adaptation of the population to changing external conditions. It is shown that the structure of formation and distribution of income and ratio of income groups have not changed significantly. There is no cardinal reduction in savings in the form of bank deposits and consumption, considered through retail turnover. Self-assessments of consumption possibilities of population and Consumer Sentiment Index haven't critically changed. Despite the protracted decline in real incomes, the population has

become less negative about its life as a whole; the number of those who lack money or who cost cutting has decreased.

Keywords: *real disposable income; deposits; loans; purchase of goods and services; self-assessment of consumption possibilities; cost cutting; economic instability*

References

- Aganbegyan, A.G. (2017). Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *ECO*. No. 9. Pp. 66–84. (In Russ.).
- Anoruo, E., Ahmad, Y. (2001). Causal Relationship between Domestic Savings and Economic Growth: Evidence from Seven African Countries. *African Development Review*. Vol. 13. No.2. Pp. 238–249. DOI: 10.1111/1467-8268.00038
- Baranov, A.O. (2015). Evaluation of the depth and duration of the recession in Russia and the Russian Government's measures to overcome it. *ECO*. No. 4. Pp. 72–92. (In Russ.).
- Barkov, S.A., Gavrilenko, O.V., Markeeva, A.V., Sverdlikova, E.A. (2018). Poverty and wealth: the perception of Russian internet users. *ECO*. No. 3. Pp. 82–100. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-82-100
- Belekhova, G.V. (2016). Population's consumer behavior: «crisis» dynamics. *Problemy razvitiya territorii. Problems of Territory's Development*. No. 4 (84). Pp. 138–153. (In Russ.).
- Belyaevskiy, I. K. (2016). Indicators of money income and expenditures in the study of the living standards the population of Russia. *Voprosy statistiki*. No. 2. Pp. 57–70. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-57-70. (In Russ.).
- Carroll, C.D., Weil, D.N. (1994). Saving and Growth: A Reinterpretation. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. Vol. 40. June. Pp. 133–192. DOI: 10.1016/0167-2231(94)90006-X
- Glazyev, S. Yu. (2015). On inflation targeting. *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. Pp. 124–135. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-9-124-135 (In Russ.).
- Glazyev, S. Yu. (2016). Stabilization of the monetary and financial market as a necessary condition for the transition to sustainable development. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 12. Issue 1. Pp. 28–36. DOI: 10.17059/2016-1-2 (In Russ.).
- Jappelli, T., Pagano, M. (1994). Savings, Growth and Liquidity Constraint. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 109. No.1. Pp. 83–109. DOI: 10.2307/2118429
- Kudrin, A., Goryunov, E., Trunin, P. (2017). Stimulative monetary policy: myths and reality. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. Pp. 5–28. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-5-5-28 (In Russ.).
- Kuzina, O.E., Krupenskiy, N.A. (2018). Over-indebtedness of Russians: myth or reality? *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 85–104. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-85-104 (In Russ.).
- Levine, R., Renelt, D. (1992). A Sensitivity Analysis of Cross Countries Growth Regression. *American Economic Review*. Vol. 82. No. 4. Pp. 942–963.
- Mau, V. (2016). Crises and lessons. Russia's economy in an epoch of turbulence. Moscow: Izdatelstvo Gaidar Institute Publishers. 488 p. (In Russ.).
- Measures to overcome crisis processes in the Russian economy*. (2015). Ed. by A.G. Aksakov. Moscow: The State Duma of the Russian Federation. 320 p. (In Russ.).
- Misztal, P. (2011). The Relationship between Savings and Economic Growth in Countries with Different Level of Economic Development. *Financial Internet Quarterly*. Vol. 7. Iss. 2. Pp. 17–29.

Monitoring of Russian households' poverty, incomes, social well-being, and consumer preferences dynamics. (2018). Ed. by L. N. Ovcharova; Moscow: National Research University Higher School of Economics. 41 p. Available at: https://isp.hse.ru/data/2018/03/07/1165665342/Мониторинг_ВШЭ_Итоги2017.pdf (accessed 02.04.2019). (In Russ.).

Pickson, R.B., Enning, K.D., Siaw, A. (2017). Savings-Growth Nexus in Ghana: Cointegration and Causal Relationship Analyses. *Theoretical Economics Letters*. No. 7. Pp. 139–153. DOI: 10.4236/tel.2017.72012

Russian Economy in 2016. Trends and Outlooks. Issue 38. (2017). V. Mau et al; ed. S. Sinenikov-Murylev, A. Radygin; Moscow: Gaidar Institute Publishers. 520 p. (In Russ.).

Russian society and challenges of the time. Book One. (2015). Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov; Moscow: Izdatelstvo Ves Mir. 432 p. (In Russ.).

Saltz, I.S. (1999). An Examination of the Causal Relationship between Savings and Growth in the Third World. *Journal of Economics and Finance*. Vol. 23. No. 1. Pp. 90–98.

Solow, R.M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94. DOI: 10.2307/1884513

For citation: Belekhoval, G.V. (2020). Consumption vs. Savings: the Choice of Russians in the Conditions of Economic Instability 2015–2017. *ECO*. No. 6. Pp. 26–47. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-26-47.

«ЭКО»-информ

В апреле 2020 г. Food Index, отражающий долю расходов домохозяйств на продукты питания, поднялся в нашей стране до 46%, сообщает РБК со ссылкой на исследование «Ромир». Это почти в полтора раза больше, чем год назад. Резкий рост индекса объясняется как подорожанием продуктов питания, так и сокращением общих расходов в условиях самоизоляции и ограничений, введенных в связи с коронавирусной инфекцией, полагают эксперты «Ромир». Согласно утвержденной ООН методике, уровень жизни в стране, где население направляет на еду 40–50% всех расходов, считается «ниже среднего». Кроме того, по данным ЦБ, в России с 28 до 44% выросла доля тех, кто вынужден был отказаться от привычных покупок или сократить расходы. Ранее руководители организаций производителей и поставщиков продовольствия и объединений торговых сетей призвали власти России из-за COVID-19 незамедлительно приступить к реализации замороженного проекта Минпромторга, в рамках которого наименее обеспеченным гражданам предлагалось раздать продуктовые карточки.

Источник. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/05/2020/5ec7ee0b9a79475f0ecada74>

Принципы реформирования российской потребительской корзины

Б.В. КОРНЕЙЧУК, доктор экономических наук. E-mail: bkorneychuk@hse.ru
Департамент экономики, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

Аннотация. Исследована проблема реформирования российской потребительской корзины в контексте ее запланированного изменения в начале 2021 г. Предложена и обоснована система принципов реформирования, базирующаяся на тенденциях постиндустриального развития, механизмах определения социальных гарантий в развитых странах и с учетом изменений, произошедших в социальной сфере за последние годы в России. Исследованы способы формирования потребительской корзины и расчета прожиточного минимума, в том числе определено соотношение установленной доли услуг в действующей потребительской корзине и стоимости минимального набора инфраструктурных услуг для трудоспособного гражданина (на примере Санкт-Петербурга). На основе анализа статистических данных показано, что главными недостатками действующей потребительской корзины являются заниженный норматив потребления услуг и отсутствие среди ее компонентов подоходного налога, что приводит к увеличению долгов за жилищно-коммунальные услуги и углублению бедности. Автор предлагает увеличить в два раза удельный вес затрат на услуги в потребительской корзине и увеличить стандартный налоговый вычет на величину прожиточного минимума трудоспособного человека.

Ключевые слова: прожиточный минимум; минимальная заработная плата; социальные гарантии; бедность в России; налоговое регулирование; инфраструктурные услуги; потребительская корзина

Введение

Планируемый в начале 2021 г. переход к новой потребительской корзине (Закон № 421-ФЗ от 28.12.2017 г.) является поводом для переосмысления принципов и способов ее формирования. Эта проблема обретает особую актуальность на фоне снижения реальных доходов населения и углубления бедности в последние годы.

Потребительская корзина (ПК) является базисной категорией в системе социальных гарантий государства и определяет величину *прожиточного минимума*, которая равна ее стоимости¹,

¹ Согласно Федеральному закону от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», прожиточный минимум – стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы.

а также минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и некоторые социальные выплаты. Поэтому ее состав и структура непосредственно влияют на уровень благосостояния населения с низкими доходами.

В России состав потребительской корзины неизменен уже девятый год и ныне не отвечает возросшим потребностям населения и новым ценовым пропорциям. Важнейшим на сегодня ее недостатком мы считаем заниженный норматив потребления услуг, который не позволяет большому числу домохозяйств оплачивать существенно подорожавшие жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ), что вызывает неуклонный рост задолженности по их оплате (по состоянию на 1 квартал 2019 г. долги за ЖКХ выросли на 5,3% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и достигли 564 млрд руб.)². Таким образом, нынешнюю задолженность по оплате ЖКУ мы объясняем в первую очередь недостатками структуры потребительской корзины, а не «неразумными» расходами задолжавших семей, которых некоторые авторы предлагают «воспитывать» с помощью коллиторских агентств³. Признание экономическим сообществом наличия системного дефекта в действующей потребительской корзине, по нашему мнению, может стать основой для принципиально иного решения проблемы задолженности, в том числе путем полного или частичного списания долгов. В целом, увеличение доходов населения посредством расширения ПК многие эксперты считают своевременной и необходимой мерой при нынешнем профиците госбюджета [Железовская, 2019].

В статье поставлена цель обоснования основных принципов реформирования и определения структуры новой потребительской корзины, а также выработки практических рекомендаций по ее изменению. Для ее достижения действующая потребительская корзина исследована на степень ее соответствия фактической структуре расходов россиян и сложившейся мировой практике ее формирования. Опираясь на концепцию постиндустриального общества, автор делал акцент на роль услуг в удовлетворении потребностей человека и не затрагивал вопрос о содержании

² URL: <https://iz.ru/914701/evgeniia-pertceva/chuvstvo-dolga-rossiiane-ne-oplatili-uslugi-zhkh-na-poltrilliona-rublei> (дата обращения: 04.03.2020).

³ Самусева С. Коллекторов прописали в коммуналке. Долги за услуги ЖКХ с граждан взыщут профессионалы // Коммерсантъ. 2020. № 10. 22 янв.

продуктовой корзины, который относится к отдельному направлению исследований [Корнейчук, 2017]. Доказано, что удельный вес затрат на услуги в действующей потребительской корзине существенно занижен и должен быть увеличен, как минимум, в два раза. Приведенные в статье статистические данные, которые не снабжены ссылкой на источники, получены с официальных сайтов служб статистики России и других стран.

Категория потребительской корзины в контексте постиндустриального развития

В постиндустриальную эпоху формируется новая система ценностей, в которой услуги играют все более важную роль. С развитием и усложнением человеческих потребностей неуклонно растет удельный вес сектора личных услуг в валовом продукте, при этом проблема выживания, понимаемая как свобода от голода, постепенно теряет свою актуальность. Проблема, стоящая перед человечеством, сводится ныне не к выживанию, но к обеспечению определенного жизненного уровня, не к биологическим нуждам, а к развитию способностей человека и его социальных коммуникаций. В связи с возрастающей ролью услуг в современной экономике многие авторы характеризуют ее как сервисную экономику, а важнейшим компонентом человеческого капитала называют сервисный капитал. Так, М. Хайкин отмечает *сервисный капитал первого порядка*, который связан с потреблением базовых социальных услуг, определяющих жизнеобеспечение человека [Хайкин, 2010].

Закономерно, что в процессе постиндустриального развития претерпевает изменения понятие прожиточного минимума. В социальной и юридической практике развитых стран его ныне связывают не с обеспечением первичных биологических нужд, а созданием условий *достойной жизни* для каждого гражданина [Leijten, 2019]. Однако российская потребительская корзина содержит лишь перечень основных продуктов питания, но не содержит перечня базовых услуг, ограничиваясь установлением их общей стоимости в размере 50% от стоимости продовольственных товаров. В контексте постиндустриального развития такой подход представляется исторически устаревшим. Наметившийся было переход к социальному нормированию

потребления *жилищно-коммунальных услуг*⁴ дальше дифференциации тарифов не продвинулся.

Более того, в условиях возрастающей динамики мирового развития реализуемый *нормативный метод* формирования ПК не способен учитывать появление принципиально новых товаров и технологий, а также изменения ценовых пропорций в течение периодов «замораживания» корзины. Поэтому актуальным представляется вопрос о постепенном переходе к *статистическому методу* формирования потребительской корзины на основе мониторинга данных расходов домохозяйств и установления прожиточного минимума в размере некоторой доли от среднего или медианного дохода.

Международная классификация расходов как методическая основа потребительской корзины

В целях анализа потребления домохозяйств статистические службы развитых стран с 1999 г. используют предложенную ООН классификацию потребительских расходов COICOP (Classification of Individual Consumption by Purpose), которая изначально состояла из одиннадцати групп товаров и услуг и не содержала каких-либо количественных характеристик потребления. В марте 2018 г. на 49-й сессии Комиссии по статистике ООН была принята новая версия классификации, которая отражает две новые тенденции в области статистики потребительских расходов. Во-первых, она отличается большей детализацией и включает новые типы товаров, которые появились в последние годы. Во-вторых, глобальная тенденция возрастания роли услуг была учтена посредством добавления к семи группам услуг (ЖКУ, здравоохранение, транспорт, связь, организация отдыха и туризм, образование, гостиницы, кафе и рестораны) двух новых групп – «Страхование и финансовые услуги» и «Социальная защита».

В российской официальной статистике использование классификации COICOP носит противоречивый характер. С одной стороны, мониторинг потребительских расходов производится в соответствии с этой классификацией. С другой – она фактически

⁴ Законом № 35-ФЗ от 26.03.2003 г. «Об электроэнергетике» были установлены социальные нормативы потребления электрической и теплотенергии, а также дифференциация тарифов для нормативных и сверхнормативных объемов услуг.

не учитывается при формировании российской ПК и расчете прожиточного минимума. В то время как в потребительской корзине образца 2006 г. детально описывались четыре из одиннадцати групп товаров (продукты питания, одежда и обувь, ЖКУ и товары для дома), в действующей корзине детализована лишь одна группа товаров – продукты питания. Такая практика расчета прожиточного минимума ныне характерна лишь для развивающихся стран [Anker et al., 2017].

На практике службы статистики разных стран используют один из трех методов формирования потребительской корзины [Anker et al., 2017].

- *Минимализм* – расчет производится на основе детализированного набора *продуктов питания* из перечня SOICOP; при этом расходы на услуги и непродовольственные товары в ПК устанавливаются в процентах к этой величине. Данный метод известен как *МЕВ* (Minimum Expenditure Basket)⁵, его обычно используют в бедных странах, а также в ряде стран СНГ, включая Россию.

- *Детализация* – увеличение в составе корзины количества норм потребления товаров и услуг. Так, в ПК Украины включены 150 продуктов питания, 100 предметов одежды и обуви, 61 предмет домашнего обихода, 24 вида услуг, а Азербайджана – 12 видов продуктов питания, 10 видов непродовольственных товаров и 10 видов услуг⁶.

Оба этих метода являются разновидностями *нормативно-го подхода*. Их общий недостаток – сложность обоснования многочисленных норм потребления, которые часто становятся объектом критики со стороны гражданского общества. Так, руководитель общественной организации «Открытый суд» С. Батрин обвинил правительство Украины в том, что при формировании корзины оно не провело широкое общественное обсуждение нормативов потребления и поэтому не смогло выяснить реальные потребности населения. В итоге суд удовлетворил его иск

⁵ Minimum Expenditure Baskets. Interim Guidance Note. World Food Program, July 2018. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WPF-0000074198/download/> (дата обращения: 25.12.2019).

⁶ Постановление Кабинета министров Украины № 780 от 11.10.2016 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/780-2016-%D0%BF>; Постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики № 182 от 06.06.2014 г.). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69464 (дата обращения: 27.01.2020).

о признании незаконным и недействительным Постановления Кабинета министров № 780⁷. Кроме того, в силу своей трудоемкости и инертности данный подход не позволяет учитывать региональные особенности, различия между социальными группами, величину и состав домохозяйств.

• *Эмпиризм*. Большинство развитых стран использует *статистический метод* формирования потребительской корзины, основанный на данных о фактическом потреблении домохозяйств. Так, Грузия по рекомендациям ЕС формирует ПК на основе данных о потреблении граждан по *полной классификации* СОICOP. Ее потребительская корзина включает 305 наименований товаров, в том числе 101 вид услуг, при этом ее структура оказывается схожей со структурой фактического потребления населения.

Статистический подход к расчету прожиточного минимума

Статистический подход предполагает постоянный сбор и обработку данных о потреблении и текущих расходах разных типов домохозяйств⁸. Именно эта информация используется для оперативного расчета и прожиточного минимума, и индекса потребительских цен. К преимуществам этого метода относится то, что прожиточный минимум может рассчитываться а) довольно оперативно (ведь нет необходимости учитывать официальные темпы инфляции), б) вне связи с ПК, как установленная доля от среднего или медианного дохода. Кроме того, он позволяет производить межстрановые сравнения уровня социальных гарантий. В частности, в странах ЕС такие сравнения проводятся в двух модификациях.

• *Отношение минимальной заработной платы к ее среднему значению*, или *индекс Кейтца*. Коэффициент показывает уровень социального неравенства по заработной плате. Чем выше индекс (в %), тем достойнее жизнь граждан с минимальным по экономике заработком. В период 2009–2016 гг. индекс превышал 40% в таких развивающихся странах, как Бразилия, Индия, Коста-Рика, Перу. В 2017 г. среди стран ЕС это отношение было

⁷ Решение окружного административного суда Киева № 826/3639/17 от 25.04.2018 г.

⁸ Например, в США при расчете показателя living wage (аналог прожиточного минимума трудоспособного человека) учитывается 614 типов домохозяйств [Anker et al., 2017].

минимальным в Греции (32,8%) и максимальным во Франции (49,9%)⁹. В России в 2017 г. индекс Кейтца составлял лишь 25,7%, что говорит о сравнительно низком уровне социальных гарантий. Кроме того, в России наблюдается негативная тенденция снижения отношения прожиточного минимума к средней заработной плате: в первое пятилетие XXI века оно составляло 43%, во второе – 30,7%, в третье – 27,9%¹⁰.

• *Отношение минимальной заработной платы к ее медианному значению.* Отклонение этого показателя от индекса Кейтца зависит от степени дифференциации трудовых доходов и в развитых странах составляет около 15%. Именно этот измеритель чаще всего используется в межстрановых сравнениях. Однако в России, где неравенство, судя по индексу Кейтца, существенно выше, чем в развитых странах, этот показатель не рассчитывается. Более того, Росстат не приводит данные о медианной заработной плате (только о медианном доходе). Что же касается отношения прожиточного минимума к медианному доходу, в России в 2017 г. оно составляло 42,8%, в то время как во Франции в 2010 г. аналогичное отношение достигало 60% [Eldring, Alsos, 2012. P. 32].

Расходы на услуги в потребительской корзине: история вопроса и последствия

В последние двадцать лет в России одна за другой были приняты три ПК. Корзины образца 1999 г. и 2006 г. включали в себя нормативы потребления жилищно-коммунальных и других услуг, и поэтому прожиточный минимум зависел от цен на эти услуги. При этом удельный вес расходов на эти услуги, по оценкам В. Роика, составлял более трети стоимости каждой из двух корзин и имел тенденцию к росту [Роик, 2006].

⁹ OECD. Earning Database. URL: <https://data.oecd.org/earnwage/average-wages.htm>; Global Wage Report 2016/2017. Wage Inequality in the Workplace. International Labor Office – Geneva: ILO, 2016. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2016/lang-en/index.htm> (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁰ Соотношение с величиной прожиточного минимума (%) среднемесячной номинальной начисленной зарплаты в 2001 г. составляло 199%, т.е. отношение прожиточного минимума к средней зарплате равнялось 50,25%. В 2002 г. – 222% и 45% соответственно и т.д. (см. Российский статистический ежегодник. 2003. Табл. 7.1. [Эл. ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011250r.htm (дата обращения: 06.03.2020).

Действующая корзина образца 2012 г. построена на иных принципах; в ней затраты на услуги установлены в размере 50% от стоимости продуктовой корзины и неизменно составляют четверть стоимости ПК. Учитывая, что фактическая доля затрат российских домохозяйств на услуги превышает 40% (таблица), удельный вес затрат на услуги в действующей корзине представляется необоснованно заниженным. Этот вывод косвенно подтверждается региональной практикой формирования структуры ПК (действующее законодательство дает такую возможность). Так, норматив потребления услуг был увеличен до 60% от стоимости ПК в Краснодарском крае (Закон № 2750 от 09.07.2013 г.) и Республике Саха (Якутия) (Закон № 1237-3 № 29-V от 05.12.2013 г.)

Структура потребительской корзины и фактического потребления в некоторых странах в 2010–2021 гг.,%

Показатель	Страна	Год	Продукты питания	Промтовары	Услуги
Потребительская корзина	Россия	2019	50	25	25
Фактическое потребление	Россия	2017	34,2	21,0	44,8
Потребительская корзина	Грузия	2017	36,5	14,9	48,6
Фактическое потребление	Грузия	2010	41,4	22,8	35,8
Фактическое потребление	Азербайджан	2018	42,4	19,8	37,8
Фактическое потребление	Чехия	2016	22,7	23,0	54,3
Фактическое потребление	Финляндия	2016	13,8	19,6	66,5
Фактическое потребление	Германия	2017	13,8	13,6	72,6
Потребительская корзина (предложение автора)	Россия	2021	40	20	40

Источники: данные официальных сайтов служб статистики России, Грузии, Азербайджана, Чехии, Финляндии, Германии: URL: www.gks.ru, www.geostat.ge, www.stat.gov.az, www.vdb.czco.cz, www.stat.fi, www.destats.de (дата обращения: 25.12.2019).

Переход к новому принципу формирования ПК в 2012 г. фактически означал отказ от политики социального нормирования ЖКУ, заложенной в законе «Об электроэнергетике» (Закон № 35-ФЗ от 26.03.2003 г.). Несмотря на то, что правительству было поручено подготовить переход к установлению социальной нормы потребления коммунальных ресурсов (Указ Президента № 600 от 07.05.2012 г.), нормативы потребления ЖКУ были исключены из состава ПК. Спустя еще два года правительство отказалось от планов введения социальной

нормы водоснабжения, отопления и газоснабжения, отменило запланированные пилотные проекты в регионах и ограничило применение социальных норм лишь сферой поддержки одиноко проживающих пенсионеров (Распоряжение Правительства РФ № 645-р от 21.04.2014 г.).

Исключение нормативов потребления жилищно-коммунальных услуг из ПК образца 2012 г. уничтожило *механизм сдерживания тарифов* на ЖКУ, увеличение которых теперь не вызывает необходимости повышать прожиточный минимум и МРОТ. Прямым следствием этого стал резкий рост тарифов в 2013 г. на электроэнергию (+12,5%) и горячее водоснабжение (+11,7%), который почти в два раза превысил рост потребительских цен. В итоге отношение прожиточного минимума к средней заработной плате в том году достигло минимального значения с начала века (26,4%).

Очевидным следствием заниженной нормы потребления услуг становится неспособность значительного числа семей оплачивать ЖКУ из своего трудового дохода. Так, в 2018 г. объем средств, затраченных на предоставление гражданам социальной поддержки и субсидий на оплату ЖКУ, составил 366,7 млрд руб. Долги по оплате ЖКУ неуклонно растут в последние годы, за период 2016–2018 гг. они составили в среднем 125,6 млрд руб. в год¹¹, что с учетом концентрации задолженности в беднейшей 20%-й группе домохозяйств порождает социальные проблемы. Так, дефицит денежных доходов (отрицательное отклонение от прожиточного минимума) в расчете на одного человека из этой группы в 2018 г. составил 3142,7 руб. в месяц, что сопоставимо со средними затратами на инфраструктурные услуги.

Фактические расходы на услуги и их компоненты

Возрастание значимости сферы услуг в постиндустриальной экономике требует учета расходов домохозяйств на услуги при формировании ПК и потребительского минимума, а именно необходимо следующее.

¹¹ Газета.Ru. Темные времена: россиянам не хватает даже на свет. 26 июня 2019 г. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/26/12443065.shtml> <https://www.gazeta.ru/26.06.2019> г. (дата обращения: 25.12.2019).

- *Адекватно оценивать долю услуг в потреблении.* Удельный вес услуг в действующей потребительской корзине (25%) является существенно заниженным по сравнению с фактической долей затрат на услуги российских домохозяйств. Так, в 2017 г. удельный вес затрат только на важнейшие инфраструктурные услуги (ЖКУ, транспорт, связь) составлял 30%, а ведь современному человеку нужны еще и социально-культурные услуги (здравоохранение, образование, кино, театр и др.). Недооценка этого фактора будет оказывать негативный эффект на российскую социальную сферу в долгосрочной перспективе, поскольку она противоречит глобальной тенденции возрастания удельного веса затрат на услуги с развитием экономики (это, в частности, позволяет использовать статистику потребления развитых стран для прогнозирования структуры потребительских расходов российских домохозяйств) (таблица).

- *Отдельно учитывать расходы на ЖКУ.* По расчетам автора, величина затрат на ЖКУ для жителя Санкт-Петербурга на основе социальных нормативов и тарифов, действующих в конце 2019 г., составила 2452 руб. в месяц без учета взносов на капитальный ремонт, затрат на обслуживание лифта и мусоропровода. Это значит, что из предусмотренных на оплату услуг 3146 руб. (25% стоимости ПК) на «прочие услуги», включая капремонт, обслуживание лифтов, транспорт и связь (в том числе необходимый для большинства работающих и учащихся граждан Интернет), остается менее 700 руб. в месяц. Эту сумму вряд ли можно считать достаточной.

- *Отдельно учитывать транспортные расходы.* В России в 2017 г. они составляли 16% потребительских расходов домохозяйств. В действующей ПК они не учитываются отдельно, в то время как ПК образца 2006 г. включала 52 поездки на общественном транспорте (ФЗ № 44 от 31.03.2006 г.).

Исключение норматива транспортных расходов из ПК препятствует территориальной мобильности трудовых ресурсов, которая увеличивает эффективность их использования в современной экономике, и большинство развитых стран учитывает этот фактор. Так, корзина трудоспособного жителя Украины включает 52 поездки в месяц, из них 44 – на общественном транспорте и восемь на такси (Постановление Кабинета министров № 780 от 11.10.2016 г. № 780). В Азербайджане она включает 58 поездок общественным транспортом в месяц (Постановление Кабинета

министров № 182 от 6.06.2014 г.). В ПК Грузии транспортные расходы выделены отдельной строкой и составляют величину, превосходящую в полтора раза затраты на ЖКУ. В Канаде транспортные расходы учитывают отдельно для регионов с общественным транспортом и без него. Для регионов второго типа транспортные расходы рассчитываются как стоимость обслуживания автомобиля конкретной марки с конкретной датой выпуска [Anker et al., 2017].

Автор рассчитал минимальные транспортные расходы трудоспособного жителя Санкт-Петербурга, используя норму из ПК образца 2006 г. и актуальный для 2019 г. тариф проезда на наземном транспорте. Сумма составила 2080 руб. в месяц без учета затрат на метро, такси, пригородные и междугородные железнодорожные перевозки, авиабилеты,

- *Отдельно учитывать расходы на связь.* По данным Росстата, за период 2017–2018 гг. они выросли с 3,1% до 3,2%, в 2017 г. они составляли 3,1% потребительских расходов россиян, а для пятой части населения с наименьшими располагаемыми доходами – с 4,3% до 4,5%. В Санкт-Петербурге в конце 2019 г. минимальный тариф на использование телефонной связи составлял 263 руб., и в данной статье эта сумма принята в качестве социального норматива потребления услуги связи.

Налоги и прожиточный минимум

Используемый метод расчета прожиточного минимума в России предполагает равенство данного показателя и стоимости ПК. Однако в действующем законе «О прожиточном минимуме в РФ» (№ 134-ФЗ от 24.10.1997 г.) прожиточный минимум определен как сумма стоимости ПК и *величины обязательных платежей и сборов*, т.е. он должен быть больше, как минимум, на величину налогов. Данное определение неизменно включалось в издания Российского статистического ежегодника, однако на практике налоги никогда не учитывались и не учитываются при расчете прожиточного минимума (причем, это характерно для большинства стран СНГ за исключением, например, Кыргызстана). Исключение налогов из перечня важнейших компонентов прожиточного минимума приводит к тому, что располагаемый доход работников, получающих минимальную заработную плату, оказывается меньше прожиточного минимума. Таким образом, сложившаяся

практика противоречит назначению данного макроэкономического индикатора и социальному характеру государства, обязанного гарантировать достойную жизнь гражданам.

Для сравнения: Конституционный суд Польши пришел к заключению, что прожиточный минимум гарантирован Конституцией как неотъемлемая ценность, поэтому обязанность платить налоги *не должна служить причиной для углубления бедности*, а государство обязано при необходимости снижать налоги для малоимущих граждан [Ploszka, 2018]. Ю. А. Перекаренко и В. И. Крышка разделяют в целом эту позицию и считают необходимым включение в российскую потребительскую корзину не только обязательных налогов и платежей, но также выплат по ипотеке и минимальной суммы сбережений [Perekarenkova, Kryshka, 2019].

Рассмотрим два способа учета налогов при формировании системы социальных гарантий.

- *Налоги включаются в величину прожиточного минимума.* Строгое исполнение Закона о прожиточном минимуме требует учитывать при расчете данного показателя *все* обязательные налоги и платежи, в том числе налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Базой для расчета этого компонента прожиточного минимума трудоспособного человека служит минимальная заработная плата. В Санкт-Петербурге этот показатель в конце 2019 г. был равен 12584 руб., отсюда величина НДФЛ для бездетного работника составляла 1636 руб., а для работника, имеющего одного ребенка, – 1454 руб. (с учетом стандартного налогового вычета). То есть рассчитанная с учетом налогов величина прожиточного минимума должна была бы составить 14220 руб. и 14038 руб. соответственно.

- *Используется механизм налоговых вычетов.* В качестве простого решения «налоговой» проблемы при расчете прожиточного минимума часто предлагают отмену НДФЛ для работников, получающих минимальную зарплату. Однако при реализации данной меры те работники, которые получают начисленную заработную плату, хотя бы на рубль превышающую минимальный уровень, по-прежнему будут платить НДФЛ, то есть их реальный доход окажется чуть менее, чем на 13% ниже прожиточного минимума. Такой проблемы не возникнет, если облагать налогом разность начисленной заработной платы и законодательно установленной

величины необлагаемого дохода, которую обычно увязывают с величиной МРОТ и с количеством детей и иных иждивенцев в семье. Такой подход используется в некоторых западных странах. Так, в 2010 г. необлагаемый доход для одинокого работника составлял в Германии 76,6 евро в месяц, в Канаде – 93,4 евро, а при рождении ребенка он возрастал соответственно в 3,4 и в 5,5 раза [Saracoglu et al., 2014].

Планы реформирования налоговой системы на основе принципа необлагаемого дохода активно обсуждаются в развивающихся странах, где система справедливого налогообложения часто не реализована по финансовым соображениям, и социальные факторы не учитываются в полной мере. Так, турецкие экономисты предлагают установить базовую величину необлагаемого дохода в размере половины минимальной заработной платы; в случае потери работы супругой (супругом) эта доля составит 60% и достигнет 75% для семей с двумя детьми. В итоге чистый доход семьи с двумя детьми и безработной супругой (супругом) увеличится на 57,6 долл. США в месяц [Saracoglu et al., 2014].

В России принцип необлагаемого дохода мы предлагаем реализовать на основе статьи 218 Налогового кодекса о стандартных налоговых вычетах. Для этого необходимо предусмотреть право каждого работника на получение налогового вычета в размере прожиточного минимума. В случае реализации этой меры чистый доход работника в Санкт-Петербурге в конце 2019 г. составил бы при заработной плате 12584 руб. 100% ее начисленной величины, а при заработной плате 25000 руб. – 23386 руб. (93,5%) и т.д. Таким образом, реализация концепции необлагаемого дохода обеспечит более справедливое налогообложение с элементами прогрессивной шкалы НДФЛ.

Увеличение стандартного налогового вычета для одного из родителей на величину прожиточного минимума ребенка, на наш взгляд, могло бы стать гораздо более эффективным средством социальной поддержки семей с детьми, чем действующая система выплат детских пособий. Так, в 2017 г. в 80 регионах размер детского пособия не превышал 5% величины прожиточного минимума на ребенка [Малева, Гришина, 2019].

Определение структуры новой потребительской корзины

Итак, по данным нашего исследования, основным недостатком действующей потребительской корзины является заниженный норматив потребления услуг. Справедливый норматив должен учитывать минимальный объем потребления инфраструктурных услуг (ЖКУ, транспорт, связь), а также минимальную величину налогов, которые (помимо вышеназванных способов) могут учитываться в составе ПК в разделе «Финансовые услуги» (классификация СОИСОР) как расходы домохозяйств на оплату государственных услуг.

Предложенный метод реформирования российской ПК можно назвать гибридным, так как он основан на действующем нормативном подходе, но использует также статистические данные о структуре фактического потребления домохозяйств. Таким образом, предлагаемая потребительская корзина является *переходной* на пути от парадигмы нормирования потребления, унаследованного от директивной экономики, к использованию статистического метода расчета прожиточного минимума трудоспособного человека как некоторой доли от средней (минимальной) заработной платы. Последний метод применяется в развитых странах, где ПК используется преимущественно для расчета индекса потребительских цен, а не определения уровня бедности. Предложенный метод реформирования ПК согласуется с методом определения уровня бедности на основе удельного веса *постоянных расходов* в общем доходе [Елизаров, Сеница, 2018].

Автор статьи оценил минимальную стоимость услуг для трудоспособного жителя Санкт-Петербурга по состоянию на конец 2019 г., в 6379 руб., куда вошли расходы на ЖКУ (2400 руб.), транспортные расходы (2080 руб.), затраты на связь (263 руб.), а также НДФЛ для минимальной зарплаты (1636 руб.) как стоимость специфических государственных услуг. Таким образом, стоимость услуг в широком понимании *оказалась равной стоимости продуктовой корзины*. Отсюда следует, что отношение стоимости услуг к стоимости продуктов питания в новой потребительской корзине необходимо как минимум увеличить в два раза. При этом выявленные тенденции динамики отношения стоимости непродовольственных и продовольственных товаров

для двух беднейших групп населения позволяют сохранить это отношение в новой ПК на прежнем уровне – 50%. Действительно, за период 2017–2018 гг. этот показатель резко вырос: для беднейшей пятой части населения – с 37% до 41,6%, а для второй группы с более высокими доходами – с 44,6% до 48,9%.

Итак, по мнению автора, структура новой ПК должна выглядеть следующим образом: продовольственные товары – 40%, непродовольственные товары – 20%, услуги – 40%. Если считать состав и стоимость продуктовой корзины неизменными, переход к новой ПК потребует увеличения ее нынешней стоимости (и, соответственно, величины прожиточного минимума, и МРОТ) не менее чем на 25%.

Заключение

Проблема формирования ПК остается слабо разработанной в отечественной экономической литературе. В большинстве исследований состав ПК и прожиточный минимум рассматриваются как заданные экзогенные параметры [Литвинов, 2010]. Недостаточное внимание ученых и практиков к данной проблеме является одной из причин того, что состав и принципы формирования ПК восемь лет остаются неизменными (при установленном пятилетнем сроке), а в экономическом сообществе до сих пор не сложилось ясного понимания принципов ее реформирования.

Важным препятствием для определения социально-обоснованного прожиточного минимума является отсутствие прозрачной системы мониторинга этого показателя, хотя есть предложения использовать выработанные в международной практике инструменты подобного мониторинга с привлечением экспертного сообщества [Лукиянова, 2018].

Наиболее болезненным вопросом института прожиточного минимума и минимальной заработной платы остается отсутствие простых и понятых процедур расчета этих показателей в *региональном аспекте*, что не позволяет субъектам Федерации оперативно и обоснованно производить их перерасчет в условиях высокой социально-экономической динамики. Опыт развитых стран показывает, что такие процедуры должны включать этап широкого общественного обсуждения, что в нашей стране почти не практикуется [Вишневская, 2016].

Автор статьи стремился определить основные принципы и направления реформирования российской ПК, а именно:

- установленные в действующей корзине пропорции затрат на продовольственные, непродовольственные товары и услуги не отвечают фактической структуре расходов российских домохозяйств и должны быть изменены, например, посредством двукратного увеличения доли услуг;

- отсутствие в потребительской корзине налогов и платежей приводит к тому, что располагаемый доход работника с МРОТ оказывается ниже прожиточного минимума; эта проблема может быть решена включением прожиточного минимума в число компонентов ПК или в число стандартных налоговых вычетов;

- региональный аспект формирования потребительской корзины может быть учтен на основе метода сопоставления затрат на продовольственные товары и инфраструктурные услуги; если в том или ином регионе соответствующие затраты трудоспособного человека равны между собой, это должно найти отражение в структуре ПК;

- мониторинг региональных тарифов ЖКУ и оперативная корректировка структуры ПК обеспечат своевременное увеличение прожиточного минимума при росте тарифов и снижение задолженности по оплате ЖКУ;

- предлагаемое сокращение удельного веса затрат на продукты питания за счет увеличения доли затрат на услуги при неизменном составе продуктовой корзины потребует пропорционального увеличения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда.

Литература

Вишневецкая Н. Т. Регионализация минимальных заработных плат // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 27–44. URL: <https://vgmu.hse.ru/2016-4/199077550.html>. (дата обращения: 27.01.2020).

Елизаров В. В., Сеница А. Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 24–33. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10012.

Железовская Л. А. Государственное регулирование в расширении потребительской корзины населения РФ // Эпоха науки. 2019. № 17. С. 32–36. DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11708.

Корнейчук Б. В. Оптимизация продуктовой корзины: взаимосвязь экономических и медицинских факторов // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 3. С. 236–257. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-3-10.

Литвинов В. А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ. М.: URSS, 2010. 280 с.

Лукьянова А. Л. Минимальная заработная плата и минимальные заработные платы в России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2018. № 1(37). С. 176–186.

Малева Т., Гришина Е. Каким должно быть детское пособие? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 54–69. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-3-54-69.

Роук В. Новая потребительская корзина // Социальное партнерство. 2006. № 2. URL: <http://www.oilru.com/sp/11/> (дата обращения: 25.12.2019).

Хайкин М. М. Сервисный капитал в контексте человеческого капитала // Известия СПбГЭУ. 2010. № 6. С. 7–15. URL: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/archiv-nomerov> (дата обращения: 27.01.2020).

Anker R., Anker M. Living wages around the world: Manual for measurement. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, UK. 2017. 379 p. DOI: 10.4337/9781786431462.

Eldring L., Alsos K. European minimum wage: A Nordic outlook, Fafo-Report. 2012. No. 16. Oslo, Fafo. URL: <http://www.fafo.no/pub/rapp/20243/20243.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).

Leijten I. The right to minimum subsistence and property under ECHR: Never the twain shall meet? // European Journal of Social Security. 2019. Vol. 21. No. 4. Pp. 307–325. Doi: 10.1177/1388262719892466.

Perekarenkova Yu. A., Kryshka V. I. Minimum wage and the subsistence level in Russian economy: Theoretical and Empirical analysis of the main trends // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13.

Ploszka A. The rights to subsistence minimum and its role in the protection of people living in extreme poverty. The Polish experience // Comparative Law Review. 2018. Vol. 24. Pp. 225–248. Doi: 10.12775/CLR.2018.19.

Saracoglu O. F., Caskurlu E., Ejder H. L. Minimum subsistence allowance and family taxation: Examining of the efficiency comparison with some country experiences and Turkish case // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 5. No. 2. Pp. 525–533. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n2p525.

Статья поступила 17.01.2020.

Статья принята к публикации 03.02.2020.

Для цитирования: *Корнейчук Б. В.* Принципы реформирования российской потребительской корзины // ЭКО. 2020. № 6. С. 48–66. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66.

Summary

Korneychuk, B. V., *Doct. Sci. (Econ.), National Research University Higher School of Economics, St-Petersburg*

Principles of Reforming the Russian Consumer Basket

Abstract. The paper deals with the problem of reforming the Russian consumer basket in the light of its planned change in the beginning of 2021. The author puts

forward a justified system of principles for its reform based on trends of post-industrial development, approaches for determining social guarantees in developed countries and consideration of changes that took place in the Russian social sphere over the last years. The research considered ways of forming the consumer basket, calculation of the minimum cost of living including a portion of established services as a share of existing consumer basket and the cost of minimal set of infrastructure services for an able-bodied citizen (for a St-Petersburg case). Based on the statistical data analysis, the author has shown that the main drawbacks of the current consumer basket is lower consumption of services and absence of obligatory payments and fees among its components, which lead to growing debt for housing and communal services and deeper poverty. The author proposes doubling the share of cost of services in the consumer basket and increasing the level of non-taxable income by the cost of living of an able-bodied person.

Keywords: *cost of living; minimum wage; social guarantees; poverty in Russia; tax regulation; infrastructure services; consumer basket*

References

- Anker, R., Anker, M. (2017). *Living wages around the world: Manual for measurement*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK. 379 p. DOI: 10.4337/9781786431462.
- Eldring, L., Alsos, K. (2012). European minimum wage: A Nordic outlook, *Fafo-Report*. No. 16. Oslo, Fafo. Available at: <http://www.fafo.no/pub/rapp/20243/20243.pdf> (accessed 25.12.2019).
- Khaikin, M.M. (2010). Service capital in the context of human capital. *Izvestiya SPbGEU*. No. 6. Pp. 7–15. (In Russ.). Available at: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/archiv-nomerov> (accessed 27.01.2020).
- Korneychuk, B.V. (2017). Optimization of food basket: Interconnection of medical and economic factors. *Ekonomicheskaya Politika. Economic Policy*. Vol. 12. No. 3. Pp. 236–257. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2017–3–10.
- Leijten, I. (2019). The right to minimum subsistence and property under ECHR: Never the twain shall meet? *European Journal of Social Security*. Vol. 21. No. 4. Pp. 307–325. DOI: 10.1177/1388262719892466.
- Litvinov, V.A. (2010). *Cost of living: History, methodology, analysis*. Moscow, URSS Publ. 280 p. (In Russ.).
- Lukiyanova, A.L. (2018). Minimum wage and minimum wages in Russia. *The Journal of the New Economic Association*. No. 1(37). Pp. 176–186. (In Russ.).
- Maleva, T., Grishina, E. (2019). What should child benefit like? *Ekonomicheskaya Politika. Economic Policy*. Vol. 14. No. 3. Pp. 54–69. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2019–3–54–69.
- Perekarenkova, Yu.A., Kryshka, V.I. (2019). Minimum wage and the subsistence level in Russian economy: Theoretical and Empirical analysis of the main trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 2. Pp. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13.
- Ploszka, A. (2018). The rights to subsistence minimum and its role in the protection of people living in extreme poverty. The Polish experience. *Comparative Law Review*. Vol. 24. Pp. 225–248. DOI: 10.12775/CLR.2018.19.

Roik, V. (2006). New consumer basket. *Sotsialnoye Partnerstvo*. No. 2. (In Russ.). Available at: <http://www.oilru.com/sp/11/> (accessed 25.12.2019).

Saracoglu, O.F., Caskurlu, E., Ejder, H.L. (2014). Minimum subsistence allowance and family taxation: Examining of the efficiency comparison with some country experiences and Turkish case. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 5. No. 2. Pp. 525–533. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n2p525.

Vishnevskaya, N.T. (2016). Regionalization of minimum wages. *Public Administration Issues*. No. 4. Pp. 27–44. (In Russ.). Available at: <http://vgmu.hse.ru/2016-4/199077550.html> (accessed 27.01.2020).

Elizarov, V.V., Sinita, A.L. (2018). Poverty of families with children: Problems of definition and measurement, regional characteristics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 2(208). Pp. 24–33. (In Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10012.

Zhelezovskaya, L.A. (2019). State regulation in expanding the consumer basket of the population of the Russian Federation. *Epokha nauki*. No. 17. Pp. 32–36. (In Russ.). DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11708.

For citation: Korneychuk, B.V. (2020). Principles of Reforming the Russian Consumer Basket. *ECO*. No. 6. Pp. 48-66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66.

Текущее состояние продовольственной безопасности в странах ЕАЭС¹

Д. А. ПОЛЗИКОВ, кандидат экономических наук.

E-mail: dmitry.polzikov@gmail.com

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва

ORCID ID: 0000-0003-4054-1955

Аннотация. В статье рассматриваются принятые концепции продовольственной безопасности и оценивается её актуальное состояние в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Представлен анализ экономической и физической доступности продовольствия, зависимости внутреннего рынка от импорта. Приводятся данные о среднедушевом потреблении продуктов питания (в сравнении с установленными нормативами), энергетической ценности рациона, доле расходов на продовольствие в структуре потребительских расходов населения, а также авторские оценки относительно фактических и нормативных потребительских расходов домашних хозяйств в разрезе 10%-х доходных групп. На основе данных балансов ресурсов и использования основных видов агропродовольственной продукции рассчитана доля импорта в их внутреннем потреблении. Автор делает вывод о том, что действующие критерии продовольственной безопасности формально выполняются по большинству продуктов питания во всех странах ЕАЭС, кроме Кыргызстана. Вместе с тем сохраняется проблема недостаточной экономической доступности продовольствия в требуемых объёмах и ассортименте для значительной части населения. Показано, что основную часть импорта сельхозсырья и продовольствия составляют поставки из стран-партнёров по ЕАЭС. Это уменьшает риски внешних шоков предложения агропродовольственной продукции и создаёт предпосылки для смягчения целевых установок концепции продовольственной безопасности в странах ЕАЭС в отношении минимальных уровней продовольственного самообеспечения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; продовольственная независимость; Евразийский экономический союз; среднедушевое потребление; самообеспечение продовольствием; экономическая доступность; импорт продовольствия

Формирование единого агропродовольственного рынка является одним из ключевых процессов экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Динамика и особенности его реализации будут в значительной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-01075 А.

степени определять перспективы развития агропромышленного комплекса в странах – участницах ЕАЭС. В то же время сами параметры интеграции аграрных рынков сильно зависят от целевых установок и текущей ситуации в сфере продовольственного обеспечения. Эта статья посвящена оценке современного состояния продовольственной безопасности стран ЕАЭС, что представляется актуальной задачей в контексте разработки национальной и коллективной политики продовольственной безопасности.

Концепция продовольственной безопасности в странах ЕАЭС. Анализ нормативно-правовых документов в данной сфере показывает, что в настоящее время в странах ЕАЭС сформировалось в целом схожее представление о ключевых элементах концепции продовольственной безопасности. Например, в России под продовольственной безопасностью понимается такое состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается её продовольственная независимость и гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина качественных продуктов питания в объёмах, не меньше установленных рациональных норм потребления. Продовольственная независимость определяется как самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия².

В Кыргызстане принятая концепция продовольственной безопасности предполагает обеспечение продовольственной независимости страны, наряду с физической и экономической доступностью продовольствия для населения в соответствии с установленными *минимальными* нормами потребления

² Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Отметим, что Доктрина продовольственной безопасности РФ была впервые принята в 2010 г. и была основополагающим документом в рассматриваемой сфере. В 2020 г. утверждена её новая редакция. В целом изменения в ней оказались малозначительны: скорректированы прежние и добавлены новые пороговые уровни самообеспечения по отдельным продуктам, а также изменены детали определения продовольственной независимости. В старой редакции под ней понималось устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объёмах, не меньше установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка, а в новой редакции – уровень самообеспечения (рассчитываемый как отношение объёма отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к соответствующему объёму их внутреннего потребления), превышающий пороговые значения.

продуктов питания³. Условием независимости страны от импортных поставок продуктов питания является их низкий удельный вес в потреблении⁴.

В Армении под продовольственной безопасностью понимается «полноценное обеспечение продовольствием необходимого качества и достаточного количества, безопасного для здоровья, приемлемого с точки зрения социально-культурных и исторических особенностей общества, доступным для каждого члена общества, которое может потребляться им в любой момент и в любой ситуации (в том числе – во время чрезвычайных ситуаций и военного положения) для ведения здорового и обеспеченного образа жизни». При этом одним из основных направлений политики продовольственной безопасности признаётся обеспечение продовольственной независимости страны⁵.

В Беларуси продовольственная безопасность определяется как состояние экономики, при котором независимо от влияния конъюнктуры мировых рынков и других внешних факторов жителям на всей территории гарантируется доступность продовольствия в количестве, необходимом для активной, здоровой жизни, а также создаются социально-экономические условия для поддержания потребления основных продуктов питания на рациональном уровне. Производство базовых продуктов питания, удовлетворяющее нужды внутреннего рынка менее чем на 80%, считается недостаточным⁶.

В Казахстане продовольственная безопасность признаётся одним из элементов экономической безопасности и предполагает состояние защищенности экономики, при котором государство способно обеспечить физическую и экономическую доступность населению качественных и безопасных продовольственных товаров, достаточных для удовлетворения физиологических норм потребления и демографического роста.

³ Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 года № 183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики».

⁴ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 3 марта 2009 г. № 138 «Об утверждении Положения о мониторинге и индикаторах продовольственной безопасности Кыргызской Республики».

⁵ Распоряжение Президента Республики Армения от 18 мая 2011 г. «Об утверждении концепции обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения».

⁶ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года».

Продовольственная независимость не включается напрямую в определение продовольственной безопасности страны, но рассматривается в качестве ключевого условия достижения её экономической безопасности⁷.

Доступность продовольствия в странах ЕАЭС. Традиционный подход к оценке текущего состояния продовольственной безопасности заключается в сопоставлении показателей среднедушевого потребления базовых продуктов питания, а также самообеспечения продовольствием с принятыми нормативными (пороговыми) значениями. Эти сравнения могут дополняться анализом показателей энергетической ценности рациона питания, покупательной способности доходов населения, доли расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов [Мониторинг., 2015; Шагайда, Узун, 2015; Кожухметова, Лашкарева, 2015; Алтухов, 2017].

Ключевой характеристикой экономической и физической доступности продовольствия остаётся среднедушевое потребление базовых продуктов питания. В таблице 1 представлены соответствующие данные⁸ для стран ЕАЭС за 2018 г., а также нормативные уровни потребления. Их сопоставление показывает, что в целом ситуацию в сфере продовольственного обеспечения в странах ЕАЭС (за исключением Кыргызстана) можно характеризовать как довольно благополучную. В частности, в России среднедушевое потребление большинства продуктов питания соответствует или даже превышает целевые уровни рациональных норм. Недостаточные уровни потребления отмечаются лишь по молочной продукции, рыбе, фруктам и ягодам, овощам и бахчевым.

⁷ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан».

⁸ Существует неоднозначность в оценках среднедушевого потребления продуктов питания. В таблице 1 приведены оценки, полученные балансовым методом, т.е. делением фонда личного потребления (определённого в рамках баланса ресурсов и использования продовольствия через показатели внутреннего производства, импорта, экспорта, прироста запасов и производственного потребления) на численность населения. Альтернативным источником данных о потреблении являются выборочные обследования домашних хозяйств, при этом расхождение в оценках по отдельным продуктам может оказываться значительным. В частности, среднедушевое потребление молочных продуктов в России, по результатам выборочных обследований, в 2018 г. составило 266 кг/год, а по оценкам, полученным балансовым методом, – 229 кг/год.

Таблица 1. Фактические и нормативные показатели среднедушевого потребления базовых продуктов питания в странах ЕАЭС в 2018 г., кг/год

Продукт	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан*
Хлеб и другие продукты переработки зерна	116 (96)	80 (105)	138 (109)	174 (130)	122 115 (89)
Картофель	89 (90)	170 (170)	49 (100)	67 (91)	41 99 (57)
Овощи и бахчевые	107 (140)	150 (124)	94 (149)	198 (110)	80 114 (150)
Фрукты и ягоды	61 (100)	92 (78)	75 (132)	103 (73)	32 124 (112)
Мясо и мясoproductы	75 (73)	94 (80)	78 (78)	58 (37)	22 61 (39)
Рыба и рыбопродукты	20,2 (22,0)	12,8 (18,2)	13,2 (14,0)	5,2 (11,0)	1,4 9,1 (7,7)
Молоко и молокопродукты	229 (325)	247 (393)	261 (301)	261 (312)	89 200 (185)
Яйца (штук в год)	280 (260)	259 (294)	193 (265)	204 (183)	79 183 (166)
Сахар	39 (24)	39 (33)	46 (17)	26 (18)	13 26 (–)
Масло растительное	14,0 (12,0)	18,0 (13,2)	19,2 (12,0)	10,3 (7,3)	11,2 9,3 (9,6)

Примечание. * Для Кыргызстана приведены среднефизиологические нормы и (в скобках) минимальные нормы потребления; для других стран ЕАЭС – фактические и (в скобках) среднефизиологические нормы.

Источник: URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614; URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/429/429ae6b65d2b59e6e9f9e108ce690fbf.pdf> (С. 201); Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 (С. 21); URL: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT096804>; Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 9 декабря 2016 г. № 503; URL: https://armstatbank.am/pxweb/en/ArmStatBank/ArmStatBank_7%20Food%20Security/FS-1-2018.px/?rid=602c2fcf-531f-4ed9-b9ad-42a1c546a1b6.602c2fcf-531f-4ed9-b9ad-42a1c546a1b6; URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_03_17r_6200.pdf (С. 312); Постановление Правительства Кыргызской Республики от 19 февраля 2010 г. № 111; Постановление Правительства Кыргызской Республики от 30 января 2006 г. № 53; URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/539/>

В Беларуси показатели фактического потребления также превышают нормативы по большинству продуктов, кроме молочной продукции, рыбы, яиц и продуктов переработки зерна. Здесь следует отметить сравнительно высокие уровни потребления картофеля, овощей, фруктов и мяса, обусловленные структурой аграрного производства, занятостью местного населения в личных

подсобных хозяйствах и сложившимися стереотипами питания. В Казахстане ситуация в сфере продовольственного обеспечения более напряжённая. Сохраняется заметное отставание фактических показателей от нормативов по потреблению молочной продукции, яиц, фруктов, овощей и картофеля – при значимом их превышении по продуктам переработки зерна, сахару и растительным маслам. Подобные отклонения от рекомендуемых (физиологических) норм потребления продовольствия могут объясняться как недостаточной экономической доступностью для населения относительно дорогих продуктов, так и местными традициями питания.

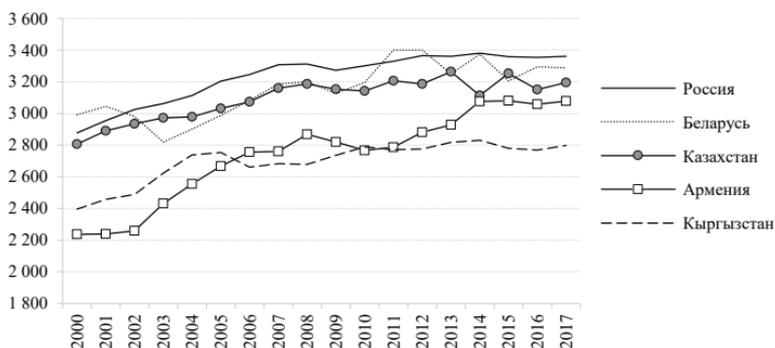
В Армении установлены относительно низкие нормативы потребления мясной продукции, яиц и растительного масла. В связи с этим фактическое потребление данных продуктов превышает пороговые значения, но остаётся меньшим по сравнению с показателями России или Беларуси. Сохраняется также недостаточное потребление молочной продукции, рыбы и картофеля при высоком потреблении овощей, фруктов и продуктов переработки зерна.

Для Кыргызстана характерны довольно скромные уровни потребления практически всех базовых продуктов питания, что свидетельствует о низкой доступности продовольствия для населения. Фактические показатели остаются меньше не только целевых (среднефизиологических) норм потребления, но и минимальных уровней. Относительно высокое потребление сохраняется только по хлебу и прочим продуктам переработки зерна, что лишь отчасти компенсирует недостаточное потребление других видов продовольствия.

Анализ показателей энергетической ценности рациона питания в странах ЕАЭС свидетельствует о том, что Россия, Беларусь, Казахстан и Армения в последние годы достигли уровней потребления, характерных для развитых стран – свыше 3000 ккал/сутки (рис. 1)⁹. Это означает, что ресурсы продовольствия достаточны для стабильного удовлетворения потребностей, хотя сохраняется несбалансированность рациона питания. Средняя энергетическая

⁹ Здесь указаны оценки Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. При этом, по данным выборочных обследований домашних хозяйств, проводимых национальными статистическими агентствами, энергетическая ценность рациона питания в странах ЕАЭС заметно ниже: в РФ в 2018 г. – 2652 ккал/сутки, в Беларуси – 2579, в Армении – 2117, в Кыргызстане – 2239 ккал/сутки.

ценность рациона питания в Кыргызстане, по оценкам ФАО, балансирует на уровне 2800 ккал/сутки, соответствующем верхней границе состояния продовольственного благополучия, при котором минимизируются риски голода.

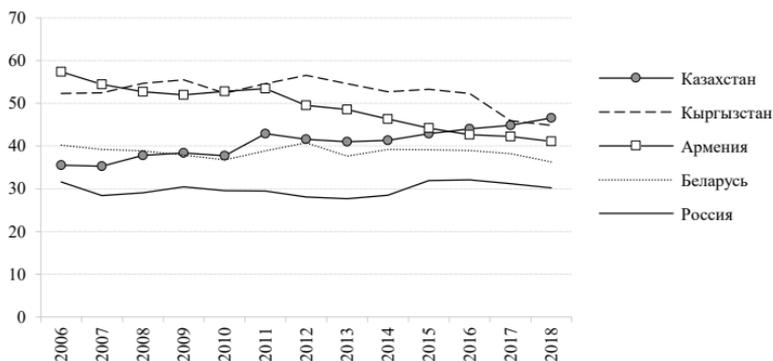

Источник: Faostat. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

Рис. 1. Средняя энергетическая ценность рациона питания в странах ЕАЭС в 2000–2017 гг., на душу населения, ккал/сутки

Описанные показатели важны для оценки обеспеченности населения продовольствием, но плохо характеризуют его экономическую доступность. Целевые уровни потребления могут достигаться при высокой доле расходов на продукты питания в общем объеме потребительских расходов. В странах ЕАЭС она составляет 30–50% (рис. 2) против 10–15% в развитых странах.

Отметим, что доля расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов также не является адекватной характеристикой экономической доступности продовольствия. Во-первых, фактические расходы домашних хозяйств на продукты питания, как правило, ниже нормативного уровня, соответствующего целевым показателям потребления. Из-за этого доля продовольственных расходов в потребительских расходах оказывается заниженной. Во-вторых, оценка доступности продуктов питания на основе агрегированных (среднедушевых) показателей не позволяет учесть феномен социального расслоения, т.е. более низкую доступность продовольствия в малообеспеченных группах при меньших бюджетных ограничениях в верхних доходных группах населения.

Источник: Статистические бюллетени «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» за 2007–2018 годы. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13271>; URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/dokhody-i-potreblenie-domashnikh-khozyaystv/godovye-dannye/potrebitelskie-raskhody-domashnikh-khozyaystv/>; Сборники «Уровень жизни населения в Казахстане» за 2006–2010, 2010–2014 и 2014–2018 годы; Сборники «Статистический ежегодник Армении» за 2009, 2014, 2019 гг. (раздел «Уровень жизни населения»). URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=586>; URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/534/>; расчёты автора.

Рис. 2. Доля расходов на продукты питания в потребительских расходах в странах ЕАЭС (без учёта расходов на алкоголь и табак, питание вне дома) в 2006–2018 гг.,%

На наш взгляд, наиболее адекватным показателем, характеризующим экономическую доступность продовольствия с учётом дифференциации населения по доходам, является доля населения с доходами (или потребительскими расходами) ниже целевого уровня. Такой подход активно применяется в развитых странах, например, в США – не только для мониторинга состояния продовольственной безопасности страны, но и для оказания адресной социальной помощи малообеспеченным слоям населения. В странах ЕАЭС данный подход тоже используется – при оценке показателей бедности (в частности, доли населения с доходами ниже прожиточного минимума). С небольшой корректировкой он может быть применён и при анализе состояния продовольственной безопасности.

В таблице 2 приведены результаты расчётов, позволяющие сравнить фактические потребительские расходы в разрезе 10%-х групп населения в различных странах ЕАЭС в 2018 г. (по данным выборочных обследований домашних хозяйств) с нормативными потребительскими расходами. Последние были определены исходя из целевых уровней потребления базовых продуктов питания

(при условии, что расходы на продукты питания не превысят 50% от общих потребительских расходов)¹⁰.

Таблица 2. Фактические и нормативные потребительские расходы в различных доходных группах домашних хозяйств в 2018 г. (на 1 члена хозяйства)

Потребительские расходы	Россия, руб./мес.	Беларусь*, бел. руб./мес.	Казахстан**, тенге/мес.	Армения**, драм/мес.	Кыргызстан**, сом/мес.
Фактические					
дециль 1	5 085	338	19 894	9 047	1 081
дециль 2	7 434		25 748	16 166	1 712
дециль 3	9 148	399	30 008	21 811	2 207
дециль 4	10 737		33 773	27 185	2 703
дециль 5	12 492	433	37 934	33 030	3 243
дециль 6	14 693		43 046	39 024	3 874
дециль 7	17 587	513	49 426	46 925	4 640
дециль 8	21 096		58 268	55 796	5 676
дециль 9	26 659	745	72 636	70 254	7 298
дециль 10	50 052		119 327	139 152	12 613
Нормативные	13 385	415	55 907	49 594	5 376

* Для Беларуси данные о дифференциации потребительских расходов публикуются в разрезе 20%-х групп и в расчёте на 1 домашнее хозяйство; для их перевода в потребительские расходы на 1 члена домашнего хозяйства для всех доходных групп использовался коэффициент, равный отношению среднедушевых денежных доходов к средним денежным доходам на 1 домашнее хозяйство.

** Для Казахстана, Армении и Кыргызстана публикуются данные о дифференциации среднедушевых доходов населения; для их перевода в потребительские расходы для всех доходных групп использовался коэффициент, равный отношению среднедушевых потребительских расходов к среднедушевым денежным доходам.

Источник: Статистический бюллетень «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2018 году». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_101/Main.htm; сборник «Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь» за 2019 год. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3ca/3ca69293e9fc0e931e4e14c3301208a0.pdf>; Статистический бюллетень «Основные показатели дифференциации доходов населения», 2018 г.; сборник «Бедность и социальная панорама Армении, 2019». (раздел «Armenia: Household Income, Expenditures and Basic Food Consumption»). URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=81&id=2217>; <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/809/>

Представленные оценки свидетельствуют о том, что в 2018 г. в России средние доходы оставались недостаточными для приобретения нормативной потребительской корзины для 45–50%

¹⁰ В одной из наших предыдущих работ [Ксенофонтов и др., 2017] были представлены подобные расчёты для России за 2006–2015 гг. Это довольно грубые оценки, которые могут быть уточнены с учётом потребностей домашних хозяйств из различных доходных групп и регионов.

домашних хозяйств, в Беларуси – для 40–45%, в Армении – для 65–70%, в Казахстане и Кыргызстане – для 70–75% (с учётом более низких нормативов потребления в Армении и Кыргызстане). Можно констатировать сохранение в странах ЕАЭС проблемы ограниченной доступности продовольствия для очень значительной части населения.

Продовольственное самообеспечение в странах ЕАЭС. Другой часто используемый индикатор национальной продовольственной безопасности – уровень самообеспечения продовольствием, характеризующий чувствительность страны к различным внешним шокам предложения. Предполагается, что чем меньше доля импорта продовольствия в обеспечении внутренних нужд, тем менее значимы риски ограничения внешних поставок агропродовольственной продукции и роста цен на неё по экономическим, техническим, политическим и другим причинам. Эта логика рациональна, но при этом она порождает конфликт целевых установок на продовольственную независимость страны и на экономическую и физическую доступность продовольствия в требуемых объёмах и ассортименте, которая может ограничиваться мерами внешнеторгового регулирования [Ксенофонтов и др., 2018].

Как бы то ни было, в сложившейся практике уровень самообеспечения продовольствием рассматривается в качестве основного показателя, характеризующего текущее состояние продовольственной безопасности. При этом возможны различные подходы к оценке продовольственной независимости. Первый из них состоит в сравнении объёмов внутреннего производства и внутреннего потребления базовых видов агропродовольственной продукции. В таблице 3 приведены оценки уровня самообеспечения в странах ЕАЭС за 2018 г. (для Кыргызстана – за 2017 г.). Их можно сопоставлять с принятыми нормативами самообеспечения. В частности, в России в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ указаны следующие пороговые значения¹¹: для зерна и картофеля – 95%, для овощей и бахчевых культур, для молочной продукции, сахара и растительных масел – 90%, для мяса – 85%, для фруктов – 60%¹².

¹¹ Далее указаны нормативные уровни для процентного отношения отечественного производства агропродовольственной продукции из сырья, произведенного в России, к объёму её внутреннего потребления.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

Таблица 3. Производство и внутреннее потребление (в скобках) основных видов агропродовольственной продукции в странах ЕАЭС в 2018 г., млн т

Продукция	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан*
Зерно	113,30 (76,97)	8,52 (9,12)	20,27 (13,76)	0,33 (0,83)	1,82 (2,32)
Производство/потребление, %	147	93	147	40	78
Картофель	22,40 (23,49)	5,87 (5,51)	3,80 (3,71)	0,42 (0,53)	1,42 (1,37)
Производство/потребление, %	95	107	102	79	104
Овощи и бахчевые	15,66 (17,94)	1,75 (1,75)	6,22 (6,20)	0,76 (0,84)	1,35 (1,28)
Производство/потребление, %	87	100	100	90	105
Фрукты и ягоды	3,96 (10,21)	0,99 (1,22)	0,39 (1,20)	0,52 (0,49)	0,25 (0,30)
Производство/потребление, %	39	81	33	106	83
Мясо всех видов	10,63 (11,11)	1,23 (0,91)	1,06 (1,30)	0,11 (0,16)	0,22 (0,23)
Производство/потребление, %	96	135	82	69	96
Молоко сырое	30,61 (36,49)	7,35 (3,12)	5,69 (6,12)	0,70 (0,81)	1,56 (1,53)
Производство/потребление, %	84	236	93	86	102
Яйца	44,90 (45,44)	3,36 (2,72)	5,59 (5,09)	0,04 (0,04)	0,51 (0,52)
Производство/потребление, %	99	124	110	100	98
Сахар	6,27 (5,79)	0,64 (0,37)	0,28 (0,51)	0,06 (0,07)	0,10 (0,14)
Производство/потребление, %	108	173	55	86	71
Масло растительное	5,75 (3,74)	0,39 (0,23)	0,39 (0,39)	0,00 (0,03)	0,01 (0,06)
Производство/потребление, %	154	170	100	0	17

*Для Кыргызстана представлены показатели 2017 г.

Источник: Балансы продовольственных ресурсов. URL: https://www.gks.ru/enterprise_economy; URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/429/429ae6b65d2b59e6e9f9e108ce690fbf.pdf> (с. 198–201); Сборник «Сельское, лесное и рыбное хозяйство в Республике Казахстан, 2014–2018» (С. 196–201); URL: https://armstatbank.am/pkweb/en/ArmStatBank/ArmStatBank_7%20Food%20Security/FS-1-2018.px/?rxid=602c2fcf-531f-4ed9-b9ad-42a1c546a1b6_602c2fcf-531f-4ed9-b9ad-42a1c546a1b6; Сборник «Статистический ежегодник Кыргызской Республики, 2013–2017». URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/dde27f81-3272-44bc-ad5b-cc7647fea167.pdf> (С. 278–281); URL: <https://agro.eaeunion.org/ForecastIndicatorsAPC/Pages/SummaryIndicators.aspx>

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что критерии продовольственной независимости РФ пока не выполняются по фруктам и ягодам, молочной продукции и овощам.

В Беларуси недостаточным признаётся такой уровень производства, который обеспечивает потребности внутреннего рынка менее чем на 80%¹³. В соответствии с этим критерием её продовольственная независимость поддерживается по всем основным видам агропродовольственной продукции. Более того, производство ряда продуктов (молочной продукции, мяса, яиц, сахара, растительного масла) значительно превышает ёмкость внутреннего рынка – существенная часть их отправляется на экспорт, прежде всего, в Россию.

В Казахстане продовольственная независимость считается не обеспеченной, если годовое производство основных продовольственных товаров составляет менее 80% от годовой потребности населения в соответствии с физиологическими нормами потребления¹⁴. В 2018 г. внутреннее производство превышало 80% от текущего потребления по всем базовым продуктам, кроме фруктов и сахара. Но с учётом различий между сложившимися показателями среднедушевого потребления и физиологическими нормами критерий самообеспечения не выполнялся по картофелю, овощам и фруктам. По молочной и мясной продукции, яйцам национальное производство составляло 80–82% от нормативных потребностей, а по зерну, сахару и растительным маслам – свыше 150%. При этом следует отметить, что основная часть сахара в Казахстане производится из импортного тростникового сахара-сырца.

В Армении концепция продовольственной независимости предполагает самообеспечение базовыми пищевыми продуктами на уровне 84% в 2020 г. (в пересчёте на энергетическую ценность). В настоящее время наблюдаются сравнительно низкие уровни самообеспечения по зерну (40%), мясу (69%), картофелю (79%) и растительным маслам (0%). Уровень самообеспечения страны продовольствием в целом оценивается в 60–65%.

В Кыргызстане пороговое значение продовольственной независимости составляет 80% (по аналогии с концепцией, принятой

¹³ Постановление Совета министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года».

¹⁴ Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66-III «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий».

в Беларуси). В 2017 г. этот критерий не выполнялся по зерну, сахару и растительным маслам.

Альтернативный подход к оценке текущего уровня продовольственной независимости заключается в рассмотрении доли импорта продуктов питания во внутреннем потреблении (или в общих / товарных ресурсах внутреннего рынка). Этот подход представляется нам более адекватным, поскольку он позволяет напрямую определить зависимость страны от внешних поставок. В данном случае учитываются риски экспортной ориентации, при которой значительная часть агропродовольственной продукции поставляется на внешние рынки, в то время как потребности внутреннего рынка обеспечиваются либо в недостаточных объёмах, либо за счёт импорта. Таким образом, даже при высоких показателях самообеспечения фактическая зависимость внутреннего рынка от аграрного импорта может оказываться существенной в контексте поддержания стабильности системы продовольственного снабжения.

В таблице 4 собраны оценки доли импорта во внутреннем потреблении базовых видов агропродовольственной продукции в странах ЕАЭС за 2018 г. (для Кыргызстана – за 2017 г.). Анализ показывает, что в России сохраняется высокая зависимость не только от импорта фруктов, молочной продукции и овощей, но и от импорта растительных масел¹⁵. Для Беларуси необходимо отметить высокие показатели относительного импорта и экспорта фруктов, овощей и растительных масел¹⁶.

Для Казахстана характерна высокая доля импорта во внутреннем потреблении сахара (с учётом импорта как белого сахара, так и тростникового сахара-сырца) и растительных масел. В Армении

¹⁵ В Россию импортируются в основном тропические масла (в т.ч. пальмовое), которые используются преимущественно при производстве кондитерских изделий, а также – зачастую – для замены молочных жиров на растительные в молокоперерабатывающей промышленности. Ужесточение правил реализации молокосодержащих продуктов (изменения в их маркировке и размещении в розничной торговле, борьба с оборотом фальсифицированной продукции) способны снизить спрос на тропические масла внутри страны и тем самым – при прочих равных условиях – улучшить показатели продовольственной независимости.

¹⁶ Высокая зависимость внутреннего рынка Беларуси от чистого импорта наблюдается только по фруктам. При этом можно говорить о больших объёмах реэкспорта овощей и фруктов из стран ЕС и Украины в условиях санкций России в отношении этих стран.

наблюдается аналогичная картина¹⁷. Также следует обратить внимание на достаточно высокие показатели относительного импорта и экспорта фруктов и ягод из Армении и Кыргызстана.

Таблица 4. Доля совокупного импорта и импорта из третьих стран во внутреннем потреблении агропродовольственной продукции, а также отношение экспорта ко внутреннему потреблению в 2018 г., %

Продукция	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан
Зерно					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	0,5 (0,2)	1,2 (0,9)	1,3 (0,2)	63,2 (0,6)	19,1 (0,3)
Экспорт	71,2	0,0	61,1	3,3	3,0
Картофель					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	5,4 (2,6)	1,8 (0,4)	3,9 (1,3)	1,6 (0,8)	0,8 (0,1)
Экспорт	1,1	8,7	4,2	3,6	1,0
Овощи и бахчевые					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	13,8 (9,9)	28,5 (26,3)	9,4 (8,1)	4,6 (2,6)	3,5 (2,3)
Экспорт	1,6	29,7	1,7	8,7	3,0
Фрукты и ягоды					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	65,5 (57,8)	112,5 (106,3)	72,4 (60,0)	19,5 (7,0)	24,9 (21,5)
Экспорт	2,3	43,5	8,5	27,0	12,0
Мясо и мясопродукты					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	7,9 (6,4)	5,5 (4,4)	20,2 (5,4)	35,3 (12,3)	14,9 (1,7)
Экспорт	3,2	45,5	1,5	1,9	8,9
Молоко					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	17,8 (4,1)	2,0 (0,0)	8,8 (1,8)	17,9 (14,5)	7,3 (0,3)
Экспорт	1,6	140,4	1,7	4,8	8,6
Яйца и яйцепродукты					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	2,8 (0,6)	1,6 (0,6)	0,9 (0,0)	0,5 (0,1)	2,7 (0,0)
Экспорт	1,7	25,2	11,2	0,0	0,1
Сахар (с учётом сырца)					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	5,5 (0,2)	15,5 (0,0)	102,9 (68,6)	120,5 (88,8)	29,4 (1,8)
Экспорт	6,4	116,8	4,9	5,1	0,1
Масла растительные					
Импорт (в т.ч. из третьих стран)	26,6 (26,3)	47,6 (11,4)	44,2 (1,0)	99,7 (6,9)	82,7 (6,0)
Экспорт	79,8	117,5	29,0	0,0	0,0

Примечание: для Кыргызстана представлены оценки по итогам 2017 г.

Источник. В расчётах использованы оценки, приведённые в таблице 3, а также данные Евразийской экономической комиссии об объёмах импорта (в т.ч. из третьих стран).

¹⁷ Отметим, что крайне высокая доля импорта во внутреннем потреблении сахара в Армении при низком уровне экспорта обусловлена заметным приростом запасов в 2018 г.

Учёт показателей взаимной торговли стран ЕАЭС агропродовольственной продукцией позволяет выделить из общего объёма внешних поставок импорт из третьих стран. Анализ его доли во внутреннем потреблении базовых видов продукции АПК (табл. 4) показывает, что зависимость России от импорта из стран, не входящих в ЕАЭС, является высокой только по фруктам (вследствие ввоза экзотических фруктов) и растительным маслам (из-за ввоза тропических масел). Беларусь имеет высокую долю импорта из третьих стран во внутреннем потреблении овощей и фруктов (это статистический феномен, обусловленный реэкспортом в Россию). Казахстан сильно зависит от импорта из третьих стран по фруктам (прежде всего, экзотическим) и по сахару (преимущественно тростниковому сахару-сырцу), Армения – по сахару и – в меньшей степени – по молочной и мясной продукции, а Кыргызстан – по фруктам и ягодам.

На наш взгляд, *разделение импорта агропродовольственной продукции на импорт из стран ЕАЭС и импорт из третьих стран при оценке текущего состояния продовольственной безопасности принципиально важно*, особенно в контексте построения единого экономического пространства. Риски шоков предложения (связанных, например, с валютными колебаниями или политическими ограничениями) при поставках продовольствия из стран ЕАЭС на порядок ниже, чем аналогичные риски при поставках из третьих стран. Это означает, что *критерии продовольственной независимости можно смягчить в отношении импорта продукции АПК из стран-партнёров по ЕАЭС*. Такой подход снизит вероятность возникновения конфликтов во взаимной торговле агропродовольственной продукцией между странами ЕАЭС (в частности, между Россией и Беларусью) и позволит сосредоточить усилия на решении проблемы недостаточной экономической доступности продовольствия для значительной части населения и на снижении зависимости от поставок из третьих стран. Успех на этих направлениях существенно увеличит ёмкость внутренних рынков сбыта аграрной продукции и тем самым минимизирует риски деструктивной конкуренции между производителями стран ЕАЭС.

Вместе с тем эти возможности пока почти не учитываются в практике агропродовольственной политики в ЕАЭС. Национальные интересы в этой сфере продолжают превалировать над задачами интеграции. Это выражается в стремлении стран ЕАЭС защитить свои внутренние рынки от поставщиков из стран – партнёров по союзу (за счёт технических ограничений аграрного импорта, бюджетной поддержки местных производителей и предоставления им различных льгот). Основная работа по аграрному направлению в рамках ЕАЭС ведётся в сфере формирования единой нормативно-правовой базы, унификации технических стандартов, определения общих правил поддержки АПК [Обзор., 2019; Шагайда и др., 2015; Шкуренко, 2015]. Больше внимание уделяется не механизмам повышения экономической доступности продовольствия для населения, а выравниванию условий конкуренции между производителями стран ЕАЭС. Таким образом, в первую очередь учитываются риски перепроизводства в условиях слабого платёжеспособного спроса на продовольствие в странах ЕАЭС и растущего аграрного выпуска, а не позитивный потенциал экономической интеграции в сценарии поддержки спроса со стороны низкодоходных групп населения.

Переход к согласованной политике развития сельского хозяйства в странах ЕАЭС, безусловно, важен и необходим – в связи с постепенным приближением внутреннего производства отдельных видов продукции АПК к пределам физического насыщения традиционных рынков сбыта. Но в то же время гармонизация аграрной политики (принятие ограничений сверху на объёмы господдержки АПК) может сдерживать рост таких «проблемных» секторов, как молочное скотоводство, садоводство или овощеводство. Более эффективным подходом представляется активизация в странах ЕАЭС политики социальной поддержки малообеспеченных слоёв населения, которая сформирует дополнительный платёжеспособный спрос на внутреннем рынке и тем самым снизит риски перепроизводства. В этих новых обстоятельствах жёсткое регулирование взаимной торговли продовольственной продукцией и/или выравнивание условий конкуренции между сельхозпроизводителями стран ЕАЭС будут оказываться факторами, ограничивающими внутреннее производство и доступность продовольствия для населения. Эти механизмы могут быть заменены более мягкими альтернативами (например, усилением

контроля качества и происхождения продуктов питания с помощью систем прослеживаемости и маркировки товаров, в том числе системы «Меркурий»).

Снятие существующих разногласий между странами ЕАЭС в вопросах взаимной торговли и поддержки сельского хозяйства позволило бы перейти к разработке и проведению политики *коллективной продовольственной безопасности* (в частности, к формированию общих резервов продовольствия и единому регулированию сельскохозяйственных рынков ЕАЭС, реализации совместных проектов в АПК и логистике, трансферу агротехнологий и т.д.).

Основные выводы

1. Анализ показателей среднедушевого потребления базовых видов продовольствия в странах ЕАЭС показывает, что в 2018 г. принятые критерии доступности его для населения не выполнялись: в России – по фруктам, молочной продукции, овощам и рыбе; в Беларуси – по молочной продукции, рыбе, яйцам и продуктам переработки зерна; в Казахстане – по молочной продукции, яйцам, фруктам, овощам и картофелю; в Армении – по молочной продукции, рыбе и картофелю; в Кыргызстане – по мясной и молочной продукции, яйцам, фруктам, овощам и картофелю, сахару. Достигнутые уровни энергетической ценности рациона питания указывают на то, что во всех странах ЕАЭС, кроме Кыргызстана, продовольственные ресурсы достаточны для стабильного удовлетворения потребностей, хотя при этом сохраняется несбалансированность рациона (с преобладанием более дешёвых продуктов растительного происхождения). В Кыргызстане энергетическая ценность рациона питания соответствует верхней границе состояния продовольственного благополучия, при котором минимизируются риски голода.

2. Средние расходы на продукты питания в структуре потребительских расходов населения стран ЕАЭС превышают 30% (даже с учётом того, что фактические показатели потребления продовольствия ниже нормативов). Это свидетельствует о низкой покупательной способности располагаемых доходов населения и о недостаточной экономической доступности продуктов питания в требуемых объёмах и ассортименте. В России доля домохозяйств с потребительскими расходами ниже нормативного

уровня (соответствующего целевым показателям потребления продовольствия) оценивается в 45–50%, в Беларуси – в 40–45%, в Армении – в 65–70%, в Казахстане и Кыргызстане – в 70–75% (при более низких нормах потребления в Армении и Кыргызстане).

3. Относительно высокая зависимость внутреннего рынка от импорта сохраняется: в России – по фруктам, молочной продукции, растительным маслам и овощам; в Беларуси – по фруктам, растительным маслам и овощам; в Казахстане – по сахару (с учётом сырца), фруктам, растительным маслам и мясной продукции; в Армении – по зерну, растительным маслам, сахару (с учётом сырца), мясной и молочной продукции, фруктам; в Кыргызстане – по растительным маслам, сахару, фруктам. При этом основная часть импорта приходится на поставки из стран ЕАЭС. Сравнительно высокая зависимость от импорта из третьих стран наблюдается только по фруктам, а также по растительным маслам (для России и Беларуси) и сахару (для Казахстана и Армении). Это означает, что значимость проблем продовольственной независимости стран ЕАЭС несколько преувеличена. В связи с этим необходимо сосредоточить усилия, прежде всего, на повышении экономической доступности продуктов питания для населения – как за счёт стимулирования структурно-технологической модернизации внутреннего сельскохозяйственного производства, так и за счёт реализации программ стимулирования экономического роста и адресной социальной помощи малообеспеченным группам населения.

Литература

Алтухов А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве – основа межгосударственной интеграции в аграрной сфере экономики Евразийского экономического союза // *Агропродовольственная политика России*. 2017. № 10 (70). С. 2–10.

Кожухметова Г. А., Лашкарева О. В. Современное состояние продовольственной безопасности в Республике Казахстан // *Успехи современного естествознания*. 2015. № 1–5. С. 831–838.

Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Гольденберг И. А., Ситников П. В. Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 5. С. 127–136.

Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Небреев Н. В., Ситников П. В. К оценке текущего состояния продовольственной безопасности РФ // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2017. Т. 15. С. 11–29.

Мониторинг продовольственной безопасности ЕАЭС: 2014 [Эл. ресурс] Евразийская экономическая комиссия. М., 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг%20продовольственной%20безопасности%20Союза%202014.pdf

Обзор государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств-членов Евразийского экономического союза за 2012–2018 годы / Евразийская экономическая комиссия. М., 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/Обзор%20по%20согласованной%20агропромышленной%20политике.pdf

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность России: мониторинг, тенденции, угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с.

Шагайда Н.И., Узун В.Я., Янбых Р.Г., Гатаулина Е.А., Сарайкин В.А., Карлова Н.А. Оценка рисков реализации соглашения ЕЭП по сельскому хозяйству для России [Эл. ресурс]. РАНХиГС. 2015. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2624599

Шкуренко А.В. Формирование общего аграрного рынка в ЕС: уроки для Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 4. С. 73–94.

Статья поступила 31.12.2019.

Статья принята к публикации 03.02.2020.

Для цитирования: *Ползиков Д.А.* Текущее состояние продовольственной безопасности в странах ЕАЭС // ЭКО. 2020. № 6. С. 67-86/ DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-67-86.

Summary

Polzikov, D., Cand. Sci. (Econ.), VEB of the Russian Federation, Moscow

Current State of Food Security in the Eurasian Economic Union Countries

Abstract. The paper aims at assessing a current state of food security in the Eurasian Economic Union (EAEU) countries. The author considers key aspects of food security: economic and physical access to food, and food self-sufficiency. This includes analysis of official data on average per capita consumption of basic foods (in comparison with established nutrition standards), the dietary energy value, and a share of food expenses in consumer spending structure. The author also presents his estimates of actual and normative consumer spending by households in various 10% income groups (based on data of sample household surveys), as well as estimates of imports share in domestic consumption of basic agricultural products. The analysis shows that accepted food security criteria are formally fulfilled for most products in all EAEU countries except Kyrgyzstan. At the same time, a significant part of households has limited ability to purchase food in required volumes and assortment. In addition, it is shown that the bulk of food imports comes from the other EAEU countries. This implies lower risks of external shocks in agricultural products supply and makes it possible to mitigate the criteria of food self-sufficiency in the EAEU countries.

Keywords: *food security; food self-sufficiency; Eurasian Economic Union; per capita food consumption; affordability of food; economic accessibility; agricultural imports*

References

Altukhov, A. (2017). Territorial and sectoral division of labor in agricultural production is the basis of interstate integration in the agricultural sector of the Eurasian Economic Union. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii*. No. 10 (70). Pp. 2–10. (In Russ.).

EAEU Food Security Monitoring: 2014. (2015). Moscow, Eurasian Economic Commission. (In Russ.). Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг%20продовольственной%20безопасности%20Союза%202014.pdf (accessed 17.02.2020).

Kozhakhmetova, G., Lashkaryova, O. (2015). The current state of the food security in Republic of Kazakhstan. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya*. No. 1–5. Pp. 831–838. (In Russ.).

Ksenofontov, M., Polzиков, D., Goldenberg, I., Sitnikov, P. (2018). Methodological problems of the food security concept formation in Russia. *Problemy prognozirovaniya*. No. 5. Pp. 127–136. (In Russ.).

Ksenofontov, M., Polzиков, D., Nebreev, N., Sitnikov, P. (2017). To the assessment of the current state of food security in the Russian Federation. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. Vol. 15. Pp. 11–29. (In Russ.).

Overview of state policy in the field of agriculture of the member states of the Eurasian Economic Union for 2012–2018. (2019). Moscow, Eurasian Economic Commission (In Russ.). Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/Обзор%20по%20согласованной%20агропромышленной%20политике.pdf (accessed 17.02.2020).

Shagaida, N., Uzun, V. (2015). *Food security in Russia: monitoring, tendencies, threats*. Moscow, Publishing house “Delo” RANEPА. 110 p. (In Russ.).

Shagaida, N., Uzun, V., Yanbykh, R., Gataulina, E., Saraikin, V., Karlova, N. (2015). *Risk assessment of the implementation of the EAEU Agreement on agriculture for Russia*. DOI: 10.2139/ssrn.2624599. (In Russ.). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2624599 (accessed 17.02.2020).

Shkurenko, A. (2015). The formation of a common agricultural market in the EU: lessons for the Eurasian Economic Union. *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya*. No. 4. Pp. 73–94. (In Russ.).

For citation: Polzиков, D. (2020). Current State of Food Security in the Eurasian Economic Union Countries. *ECO*. No. 6. Pp. 67–86. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECC00131-7652-2020-6-67-86.

Производительность труда и возможности роста экономики

Е.С. УЗЯКОВА, кандидат экономических наук. E-mail: mironova_helen@mail.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва

Аннотация. В статье анализируются ограничения российской экономики по трудовым ресурсам, состав неиспользуемых ресурсов труда и возможности по привлечению их в эффективный производственный процесс. Рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на производительность труда (уровень и динамика технологического развития и оплаты труда, структурный фактор роста экономики), анализируются возможности их роста и влияние на эффективность использования труда. Определяются секторы экономики с существенными резервами роста производительности труда. Приведены оценки производительности труда условно эффективно занятых работников в сфере материального производства в зависимости от уровня и динамики технологических изменений в отдельных секторах экономики. Темпы прироста производства раскладываются на прирост производительности труда и прирост численности занятых с использованием рядов номинальной (среднегодовой, статистика Росстата) и условно эффективной (оценки автора) занятости. Описывается прогнозно-аналитический инструментарий, позволяющий получать оценки производительности труда в зависимости от динамики валовых выпусков, продуктивности использования первичных ресурсов, фактора времени. Поставленные задачи решаются с применением методов корреляционно-регрессионного анализа. Приводятся оценки ключевых характеристик прогноза развития российской экономики и перспектив роста производительности труда (базовый сценарий и инвестиционный – предусматривающий значительное ускорение инвестиционной динамики).

Ключевые слова: экономический рост; производительность труда; затраты труда; сфера материального производства; трудовые ресурсы; ограничения по трудовым ресурсам; продуктивность экономики; эффективность; условно эффективная занятость; прогноз

Проблема повышения темпов экономического роста не теряет своей актуальности. Прогнозируемые на среднесрочную перспективу достаточно низкие темпы роста не позволяют рассчитывать на качественное изменение экономики и значимое повышение уровня жизни населения. В свою очередь ускорение экономической динамики требует активизации неиспользованных факторов экономического роста. Для этого необходимо оценить их качество и количество и определить способы увеличения эффективности их участия в производственном процессе.

Распространенной является точка зрения [Широв, 2018; Восстановление..., 2016], согласно которой «все базовые факторы роста в России имеются, а значимые ресурсные ограничения

отсутствуют» [Широв, 2018. С. 4]. Однако, на наш взгляд, проблема определения и оценки ограничений экономического роста нуждается в более детальной проработке.

Например, какие существуют ограничения по трудовым ресурсам? Казалось бы, в экономике имеются определенные резервы труда, которые при благоприятных экономических условиях могут быть вовлечены в реальный процесс производства. К таким резервам обычно относят:

- работников, занятых неполное рабочее время. Уровень неполной занятости¹ на производстве в последние несколько лет стабильно составляет 10–12% списочной численности работников организаций по всем наблюдаемым статистикой видам, а для промышленности в 2018 г. – 22%²;

- население, занятое низкоквалифицированным и низкооплачиваемым трудом – около 25% среднегодового числа занятых в 2017 г. В определенной степени малоквалифицированную рабочую силу можно считать «массовым» ресурсом [Яременко, 1997]. Однако во многом такой труд – результат низкого технического уровня производства и недостатка инвестиций;

- экономически неактивное население³, численность которого в трудоспособном возрасте составила 14,6 млн чел. в 2018 г. Несмотря на то, что все составляющие экономически неактивного населения чрезвычайно инертны, за счет комплекса мер по повышению уровня жизни и степени занятости населения возможно определенное повышение уровня экономической активности;

- лица, остающиеся в трудоспособном возрасте в результате реформирования пенсионной системы, ежегодный прирост которых, согласно некоторым оценкам⁴, может составить

¹ К неполно занятым Росстат относит работников, занятых неполное рабочее время по инициативе работодателя или по соглашению между работником и работодателем, работников, которые имели отпуска без сохранения заработной платы, находились в простое как по вине работодателя, так и по причинам, не зависящим от работодателя и работника.

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/form/10082>

³ Согласно методологии Обследований рабочей силы Росстата, в категорию экономически неактивного населения входят занятые в домашнем хозяйстве, студенты, пенсионеры в трудоспособном возрасте, другие. К экономически неактивному населению относится потенциальная рабочая сила, а также лица, желающие работать, но не ищущие работу и не готовые приступить к ней.

⁴ Для расчетов принималась гипотеза 50% участия в рабочей силе возрастных групп населения 55–59, 60–64 и 65+ лет.

до 0,43 млн чел. в период до 2028 г. [Потапенко, 2018]. Далее ожидается период нулевого прироста числа лиц трудоспособного возраста за счет этой категории населения по сравнению с вариантом неповышения пенсионного возраста.

То есть, действительно, на рынке имеются дополнительные (не полностью использованные) ресурсы труда. Однако вовлечь их в эффективный производственный процесс чрезвычайно сложно, по крайней мере, в условиях стагнации экономики. Так, за 2008–2017 гг. при среднегодовом темпе прироста экономики 0,7% среднегодовая численность занятых в целом по экономике сокращалась на 0,07% в год.

Таким образом, текущее снижение экономической активности (и занятости), на наш взгляд, обусловлено общей макроэкономической ситуацией – низкими темпами роста экономики, которые, помимо прочего, препятствуют и росту производительности труда.

Рост экономики в решающей степени зависит от увеличения производительности труда. Однако, согласно расчетам автора [Узякова, 2016], возможности роста производительности труда также ограничены; и даже высокие темпы роста инвестиций в основной капитал не всегда могут преломить сложившиеся тенденции. Например, период 1999–2008 гг. характеризовался двузначными темпами прироста инвестиций (норма накопления – 22%), но прирост производительности труда *условно эффективно занятых работников*⁵ в сфере материального производства (величина, полученная расчетным образом с учетом

⁵ Здесь и далее под условной эффективной занятостью понимается минимальная величина занятости, необходимая для выпуска данного количества продукции при существующих технологиях. «Условный» при этом отражает то обстоятельство, что вводимое понятие представляет собой ненаблюдаемую, расчетную переменную, значения которой соответствуют некоторым теоретическим условиям, в частности, условию «нормального» уровня загрузки труда (средние для данной экономики и данной отрасли интенсивность труда и продолжительность рабочего дня) и капитала [Узякова, 2016]. Для расчетов здесь и далее использовалась статистика межотраслевых балансов (МОБ) за 1980–2017 гг., разрабатываемых в ИНП РАН в структуре 44 видов экономической деятельности; статистика МОБ зарубежных стран представлена на основе данных WIOD [URL: <http://www.wiod.org/home>]; статистика Росстата в части среднегодовой численности занятого населения (без внешних совместителей и работников нечислового состава) по видам экономической деятельности; данные ОЭСР [URL: <https://data.oecd.org/>]. Ряды численности условно эффективно занятых были рассчитаны в структуре 44 видов экономической деятельности, сопоставимой со структурой МОБ ИНП.

оценки *действительных затрат труда*⁶) составил не более 3,0% в год [Узякова, 2016]. Зафиксированный Росстатом прирост производительности труда среднегодовым темпом 6,5% в этот период отражал лишь увеличение загрузки избыточно занятого населения, которое накопилось на производстве в предшествующий период экономического спада 1990–1998 гг.

Динамика производительности труда, безусловно, зависит от объема инвестиций (валового накопления основного капитала) и интенсивности обновления капитала в экономике. В то же время более высокий рост производительности труда обуславливается существенно более высокой нормой накопления: например, Китаю для среднегодового прироста производительности в 7,0% в период 1999–2008 гг. понадобилось нарастить норму накопления до 40%⁷. В советский период 1981–1989 гг. относительно невысокий рост производительности – 102,7% в год (в целом по экономике) потребовал нормы накопления около 33%. Понятно, что при норме накопления в 22% в период 1999–2008 гг. темпы роста производительности труда в России не могли превышать 103%.

В последние годы (2015–2017 гг.), когда уровень загрузки мощностей нормализовался, темп роста производительности труда в России в целом по экономике, по данным Росстата, не превышает 101,9%.

Рассмотрим основные факторы, оказывающие влияние на рост производительности труда.

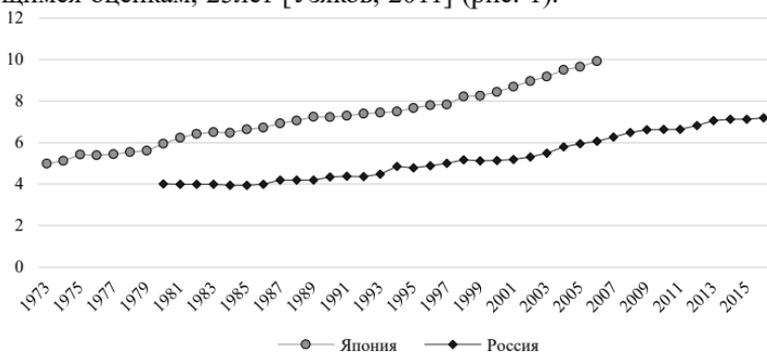
1. Уровень и динамика технологического развития.

Известно, что производительность труда зависит от технологических возможностей производства. Низкий уровень производительности труда в России (в 2018 г. это всего 38% от уровня этого

⁶ Оценки действительных затрат труда (или условно эффективно занятых работников) получены в результате моделирования производительности труда в зависимости от продуктивности использования первичных ресурсов. Последняя представляет собой величину, *обратную материалоемкости по первичным ресурсам* и отражает динамику стоимости, добавленной обработкой [Узяков, 2011]. В состав первичных ресурсов включена продукция следующих видов деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обработка древесины и производство изделий из дерева; производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов; химическое производство; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; металлургическое производство; производство электроэнергии, газа и воды.

⁷ См. базу данных WIOD, (World Input-Output Database). URL: <http://www.wiod.org/home> и базу данных ОЭСР URL: <https://data.oecd.org/>

показателя в США, 49% – от Японии и 55% – от Чехии⁸) является следствием низкого уровня технологического развития страны. Если в качестве измерителя технологического уровня производства рассматривать продуктивность использования первичных ресурсов, как предлагает М. Узяков [Узяков, 2011], то в России в 2017 г. продуктивность экономики была равна 5,5 (цены 2010 г.), доля первичных ресурсов в валовом выпуске – 18%, тогда как в США и в Германии в 2014 г. продуктивность экономики равнялась 9,3 и 9,9 соответственно, в Японии – 9,5 (цены 2010 г.). Технологическое отставание России, например, от Японии⁹, составляет, по имеющимся оценкам, 25 лет [Узяков, 2011] (рис. 1).

Источник: расчеты ИНП РАН.

Рис. 1. Производительность по первичным ресурсам России и Японии в 1973–2016 гг., рассчитаны для МОБ в ценах 2000 г.

По расчетам ИНП, в период 1990–2008 гг. динамика технологических улучшений¹⁰ в России была в три раза выше, чем в Японии, что объясняется традиционным преимуществом стран догоняющих, которым достаточно заимствовать, а не создавать

⁸ Данные рассчитаны с использованием статистики ОЭСР. URL: <https://data.oecd.org/>

⁹ Для корректных межстрановых сопоставлений необходимо иметь балансы в сходной номенклатуре и сделанные в аналогичной методологии. В этом смысле ряд как общеэкономических, так и отраслевых сопоставлений с японской экономикой становится возможным в силу наличия для этих стран длинных (за 1976–2006 гг.) динамических рядов межотраслевых балансов в постоянных ценах 2000 г.

¹⁰ В данном случае речь идет о материалоемкости по первичным ресурсам, изменяющейся за счет именно технологических факторов (без учета структурных изменений). Для России именно они наиболее значимы, тогда как в Японии «основная часть снижения материалоемкости объясняется сдвигами в структуре производства» [Узяков, 2011. С. 10].

технологические новации. Прирост продуктивности по первичным ресурсам в целом по экономике в 1999–2008 гг. составлял около 3,0% в год (для МОБ в ценах 2010 г.), в последние 10 лет мы наблюдаем рост продуктивности в 101,3%.

Итак, производительность труда возрастает при повышении технологического уровня производства, проявляющемся в первую очередь в росте продуктивности использования первичных ресурсов. При этом производительность, измеренная через удельные затраты труда на производство продукции, всегда растет быстрее, чем продуктивность, что доказано автором ранее [Узякова, 2016]. Это подтверждается статистическими данными не только для отечественной экономики, но и для экономик других стран. Соотношение динамики производительности труда и продуктивности для экономики России на ретроспективе оценивается в 1,008 за 2000–2017 гг. То есть, например, при росте продуктивности использования первичных ресурсов на 1% можно рассчитывать на рост производительности труда на 1,8%.

Таким образом, ключевым фактором ускорения роста производительности труда являются обновление капитала и технологическое переоснащение производства, обеспечивающие повышение эффективности использования задействованных ресурсов.

2. Уровень и динамика оплаты труда.

Сохранение низких темпов роста производительности труда в значительной степени задается недостаточным ростом заработной платы, поскольку именно низкая цена рабочей силы является одним из факторов, стимулирующих накопление скрытой безработицы (неполной и неэффективной занятости) [Экономика труда..., 1996]. Напротив, рост оплаты труда стимулирует предприятия более эффективно организовывать рабочий процесс, повышать фондовооруженность рабочих мест и производительность труда [Ивантер, 2019].

Действительно, как видно из таблицы 1, рост производительности труда существенно превосходит средние показатели в тех секторах экономики, в которых заработная плата растет достаточно высокими темпами. К таким секторам можно отнести сельское хозяйство (среднегодовой темп роста оплаты труда в 2010–2017 гг., равный 103,96%, обеспечил рост среднегодовой производительности в 105,27% за аналогичный период), обрабатывающую промышленность (102,31% и 103,45% соответственно), деятельность

финансовую и страховую (104,03% и 102,62% соответственно) и деятельность профессиональную, научную и техническую (102,79% и 105,57% соответственно). Всего по экономике годовой темп роста оплаты труда составил 100,9%, производительности – 101,8%.

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста производительности труда (выпуск/среднегодового занятого) и заработной платы в 2010–2017 гг., %

Раздел	Отрасль	Среднемесячная начисленная заработная плата (цены 2009 г., дефлятор ВВП)	Производительность труда (цены 2010 г.)
A	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	103,96	105,27
B	Добыча полезных ископаемых	97,14	101,64
Раздел C	Обрабатывающие производства	102,31	103,45
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	100,61	99,42
Раздел F	Строительство	99,68	99,73
Раздел G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	100,46	99,18
Раздел H	Транспортировка и хранение	100,41	101,66
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	99,22	100,02
Раздел J	Деятельность в области информации и связи	100,84	101,68
Раздел K	Деятельность финансовая и страховая	104,03	102,62
Раздел L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	102,85	100,90
Раздел M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	102,79	105,57
Раздел N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	100,14	101,00
Раздел O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	98,95	101,54
Раздел P	Образование	101,44	100,05
Раздел Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	100,20	101,01
Раздел S	Предоставление прочих видов услуг	100,16	100,65
ВСЕГО		100,87	101,77

Источник табл. 1, 4-7: Росстат, расчеты автора.

Наши расчеты (для периода 2010–2017 гг.) показывают, что при прочих равных условиях увеличение заработной платы в среднем по экономике на 1% приводит к увеличению производительности труда как минимум на 0,1%.

3. Структурный фактор роста экономики.

На динамику производительности труда в целом по экономике определенное влияние оказывает структурный фактор. Потенциал и направление воздействия структурных сдвигов зависят от соотношения отраслевой производительности труда и изменения структуры производства (валовых выпусков). При этом существенным фактором является также исходная структура базового года.

В целом структура занятого населения в России за период с 1980 г. по 2017 г. менялась в соответствии с движением занятых в экономиках развитых стран [Трансформация..., 2018]. Доля занятых в обрабатывающих производствах снизилась на 16 п.п., в сельском хозяйстве – на 6 п.п., доля занятых в сфере услуг выросла на 21 п.п.

Изменения структуры занятости и соответствующие перемены в структуре производства на ретроспективе 1980–2017 гг. (применительно к ценовым пропорциям последнего десятилетия) являлись фактором снижения динамики суммарной по экономике производительности труда (по нашим оценкам, на –0,13 п.п. в год), поскольку результатом этих сдвигов было увеличение в валовом выпуске доли отраслей с относительно низкой производительностью труда, в первую очередь, торговли и отраслей социальных услуг (табл. 2).

Таблица 2. Рост производительности труда и вклад структурного фактора в рост производительности по периодам 1981–2017 гг., %

Показатель	1981–2017	1981–1990	1991–1998	1999–2008	2009–2017
Рост производительности труда (фактический)	101,07	102,39	94,76	105,57	100,78
Рост производительности труда (структура 1980 г.)	101,19	102,75	94,45	106,01	100,79
Вклад структурного фактора	-0,13	-0,36	0,31	-0,44	-0,02
Рост производительности труда (структура 1990 г.)	101,21	102,84	94,50	106,00	100,69
Вклад структурного фактора	-0,14	-0,45	0,26	-0,43	0,09
Рост производительности труда (структура 1998 г.)	101,21	102,60	95,63	105,25	100,47
Вклад структурного фактора	-0,14	-0,21	-0,87	0,31	0,30

Источник табл. 2, рис. 2–4: расчеты автора.

Примечание. Вклад структурного фактора в рост производительности имеет смысл рассматривать только для последующих периодов (отмечено курсивом).

В таблице 2 вклад структурного фактора – это изменение в темпах роста производительности труда в целом по экономике в результате изменений в структуре производства по сравнению со структурой базового года при фактической динамике валового выпуска и фактическом уровне производительности труда по видам экономической деятельности.

Вклад структурного фактора в среднегодовой рост производительности будет различаться, в том числе в зависимости от того, структуру производства какого года мы используем в качестве базовой. Если возьмем в качестве таковой 1980 г., влияние структурного фактора будет отрицательным как для всего периода 1981–2017 гг. (–0,13 п.п. в год), так и для подпериодов 1981–1990 гг. и 1999–2017 гг. Как уже было отмечено, это следствие увеличения в валовом выпуске доли отраслей с относительно низкой производительностью труда. В то же время для подпериода 1991–1998 гг. мы наблюдаем положительный вклад структурного фактора в общий рост производительности труда (+0,31 п.п. в год), несмотря на сохранение общей тенденции роста доли сферы услуг и снижения доли промышленности в выпуске. Данный результат связан с влиянием на итоговую оценку резкого снижения производительности труда в 1991–1998 гг., в особенности в торговле и сфере услуг.

Если взять за базу структуру 1998 г., сформировавшуюся по итогам многолетнего спада производства, вклад структурного фактора будет оказывать положительное влияние на среднегодовой рост производительности труда по периодам 1999–2008 гг. (+0,31 п.п. в год увеличения производительности) и 2009–2017 гг. (+0,30 п.п.). Это означает, что в рамках рассматриваемых периодов структура экономики, характерная для 1998 г., порождала меньшее приращение производительности труда, чем фактически складывающаяся в этот период структура производства. Как известно, в эти годы удалось восстановить значительную часть оборонного производства, а также ряд других отраслей обрабатывающей промышленности.

Сырьевая ориентация экономики означает относительно низкие возможности увеличения производительности труда из-за ресурсных ограничений роста производства. Секторы сферы услуг обладают несколько большим потенциалом роста производительности, но реализация этого потенциала во многом

зависит от роста производительности и заработной платы в сфере материального производства, доходы которого они обслуживают. Таким образом, совокупный эффект роста производительности труда связан с целым рядом структурных, инвестиционных и институциональных факторов роста экономики.

По нашим оценкам¹¹, изменение структуры производства за счет повышения доли машиностроительных и нефтехимических производств и снижения доли сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли может добавить к росту производительности труда до 0,5 п.п. в периоде до 2035 г.

При оценке влияния изменений в структуре экономики на производительность труда важно учитывать относительные цены. Структура относительных цен в России и за рубежом сильно отличается (из-за значительных несоответствий курса национальной валюты и паритета покупательной способности), что обуславливает недооцененность выпуска и труда во многих секторах сферы услуг (образование, здравоохранение), а также приводит к отраслевым диспропорциям в уровне производительности труда.

При текущей структуре относительных цен наибольший разрыв в уровне производительности соответствует секторам с наибольшим числом избыточно занятого населения, в первую очередь, это некоторые сектора сферы услуг.

Исходя из межстрановых сопоставлений (табл. 3) понятно, что рост числа занятых в сфере услуг, в том числе за счет перераспределения занятых из сельского хозяйства (для России это 15,7% занятых), может продолжиться. Однако уже сейчас избыточным с точки зрения уровня занятости в сравнении с развитыми странами можно признать сектор розничной торговли (где трудятся 12,7% занятых) и образование (9,7%), и явно недостаточным – здравоохранение (7,2% занятых для РФ против более чем 12% в развитых странах).

Если рассмотреть отраслевую динамику производительности труда, то видно, что в секторе услуг она значительно отстает от среднероссийских темпов, при этом уровень производительности существенно ниже, чем в целом по экономике: гостиницы и рестораны – 46% от средней по экономике, образование – 23%, здравоохранение – 43%, другие услуги – 34% (табл. 4). Во многом такой результат связан с динамикой оплаты труда: за период

¹¹ Выполненным на основе данных межотраслевых балансов ИНП РАН.

2010–2017 гг. среднегодовой рост реальной заработной платы в этих секторах отставал от роста средней зарплаты по экономике (см. табл. 1). При этом и сам уровень среднемесячной начисленной заработной платы был значительно ниже среднего: в гостиницах и ресторанах – около 60% от среднего в 2017–2019 гг., в образовании – 80%, в здравоохранении – 90%.

Таблица 3. Структура численности занятого населения по странам в 2014 г., %

Отрасль	Германия	Япония	США	Россия
ВСЕГО	100	100	100	100
Сфера материального производства, в том числе	26,3	25,8	15,1	39,9
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	0,9	1,6	1,0	15,7
Добывающая промышленность	0,2	0,1	0,5	1,7
Обрабатывающая промышленность, в том числе	18,9	16,9	8,7	13,5
Производство машин и оборудования	2,9	1,6	0,8	2,2
Обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,3	0,7	0,6	2,3
Строительство	5,0	6,6	4,3	6,7
Сфера услуг, в том числе	73,7	74,2	84,9	60,1
Оптовая торговля и ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6,4	6,8	5,8	4,9
Розничная торговля	7,4	9,9	9,3	12,7
Транспорт наземный	2,1	4,2	1,5	4,6
Деятельность административная и сопутствующие услуги	7,2	0,7	7,9	4,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	6,6	6,3	16,6	6,4
Образование	5,8	3,7	2,3	9,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	12,6	13,5	12,5	7,2
Прочие услуги	25,6	29,1	28,9	10,1

Источник: база данных WIOD, расчеты автора.

В таблице 4 приведен анализ структурных составляющих показателей эффективности использования труда, который позволяет обнаружить дополнительные резервы роста производительности труда и понять значимость количественного увеличения производства.

Таблица 4. Динамика численности занятых и производительности труда в отдельных секторах экономики в 2009-2017 гг., %

Отрасль	Доля в суммарной величине занятых	Среднегодовой темп прироста производительности труда, 2009-2017	Производительность труда	
			в 2017 г., тыс. руб./чел.	от средней по экономике
Быстрый рост производительности труда				
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	7,8	4,98	898,91	71
Добыча угля	0,2	6,48	4142,96	330
Пищевая промышленность	2,5	2,95	2540,55	202
Текстильное и швейное производство	0,8	2,13	630,45	50
Обработка древесины и производство изделий из дерева	0,5	2,56	1257,26	100
Химическое производство	0,6	7,21	4366,25	347
Фармацевтика	0,1	7,81	2861,72	228
Производство резиновых и пластиковых изделий	0,5	4,87	2372,85	189
Производство транспортных средств и оборудования	0,5	9,97	4393,14	349
Производство железнодорожного транспорта и транспортного оборудования	0,5	6,67	1620,45	129
Финансы и страхование	1,9	2,61	2433,03	194
Медленный рост производительности труда				
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,8	-0,80	2080,66	165
Строительство	8,8	-1,37	887,89	71
Оптовая и розничная торговля, ремонт	18,4	-1,24	901,10	72
Гостиницы и рестораны	2,1	-1,60	583,36	46
Транспортировка и хранение	6,7	0,27	1335,43	106
Другие предпринимательские услуги	4,5	-0,67	905,62	72
Государственное управление, оборона и обязательное социальное страхование	5,3	1,04	1351,38	107
Образование	8,0	-0,05	284,92	23
Здравоохранение	6,5	0,70	539,45	43
Другие общественные, социальные и частные услуги	4,4	-1,87	422,01	34

Окончание табл. 4

Отрасль	Доля в суммарной величине занятых	Среднегодовой темп прироста производительности труда, 2009-2017	Производительность труда	
			в 2017 г., тыс. руб./чел.	от средней по экономике
Производство металлических продуктов, за исключением машин и оборудования	1,0	0,76	944,96	75
Производство машин и оборудования	1,7	-2,37	887,72	71
ВСЕГО		0,78	1257,25	100

Резервы роста производительности труда связаны, как правило, с устранением избыточной (или неэффективной) занятости работников. По данным Росстата, величина неполно занятых работников на предприятиях (по всем исследуемым статистикой видам) в 2017 г. составляла для отдельных секторов экономики от 7 до 28%. Однако, по нашим оценкам, полученным с учетом динамики действительных затрат труда, зависящей от технологических возможностей отраслей [Узякова, 2016], величина неэффективно занятых работников существенно выше (табл. 5). В целом по экономике - 34% от среднегодовой численности занятых в 2017 г.

Оценки, представленные в таблице 5, имеют отношение к секторам сферы материального производства, поскольку в основании нашего подхода к формированию действительных затрат труда – использование такой технологической характеристики деятельности секторов экономики, как продуктивность использования первичных ресурсов [Узякова, 2016]. Аналогичные результаты для сферы услуг носят дискуссионный характер. Так, например, рассчитанные действительные затраты труда для торговли и сферы управления позволяют сделать вывод о наличии в настоящее время избыточной занятости в торговле в размере 7,2 млн чел., а в сфере управления, обороны и обязательного страхования – 3,1 млн чел. Можно сказать, однако, что в данных секторах величина условно эффективной занятости, согласно ее определению, соотносится с минимальной «технологической» занятостью.

Таблица 5. Доля неэффективно занятых работников по видам экономической деятельности в 2017 г., %

Отрасль	Оценка Росстата: относительно списочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)	Оценка автора: относительно среднегодо- вой численности занятых, сфера материального производства
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбо- водство	8,5	5,1
Добыча полезных ископаемых	8,0	28,0
Производство пищевых продуктов	17,2	3,6
Производство текстильных изделий	19,8	36,2
Обработка древесины и про- изводство изделий из дерева	20,7	14,6
Производство нефтепродуктов	9,1	18,5
Химическое производство за исключением фармацев- тики	15,9	2,2
Фармацевтическое произ- водство	15,7	35,3
Производство резиновых и пластиковых изделий	19,4	14,0
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	21,9	13,8
Металлургическое произ- водство	20,6	16,1
Производство металлических продуктов, за исключением машин и оборудования	24,0	20,2
Производство электрообору- дования	28,9	32,5
Строительство	17,2	12,8
В целом по экономике	10,5*	18,7**

Примечание: * – % от списочной численности, ** – % от среднегодового количества занятых в сфере материального производства.

Предпосылкой расчета действительных затрат труда стало сопоставление рядов среднегодовой численности занятого населения

и скорректированных¹² затрат труда в эквиваленте полной занятости (ЭПЗ) на периоде¹³ с 1995 г. Данные рисунка 2 показывают, что в период 1995–1998 гг. затраты труда в эквиваленте полной занятости были существенно ниже, чем фиксировала статистика среднегодовой численности занятых, а в период 2000-х годов – выше. Соотношение затрат труда в ЭПЗ работников, отраженных в статистике балансовой численности занятых, и среднегодовой численности занятых (по сути это сопоставление численности занятых и затрат их труда) в 2018 г. равнялось 103,5%.

Рис. 2. Сопоставление затрат труда в эквиваленте полной занятости для разных категорий работ и среднегодовой численности занятых в 1995–2017 гг., млн чел. (методология 2015 г.)

¹² Затраты труда работников, отраженных в статистике среднегодовой численности занятых (по балансу трудовых ресурсов), представляют собой суммарный объем затрат труда, за исключением затрат в домашних хозяйствах по производству продукции для собственного потребления, поскольку Росстат не включает в категорию занятого населения лиц, не имеющих оплачиваемой работы или доходного занятия и занятых только производством в домашнем хозяйстве продукции, предназначенной для собственного конечного использования [Методологические рекомендации по расчетам совокупных затрат труд по производству товаров и услуг на всех видах работ и показателя производительности труда по видам экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД, С. 5]. Такая коррекция была произведена с целью обеспечения сопоставимости балансовой численности занятых и затрат труда этих же занятых работников в ЭПЗ.

¹³ В связи с отсутствием официальных статистических данных на периоде до 2005 г. возникла необходимость разработки ретроспективных показателей затрат труда расчетным образом. Оценка совокупных затрат труда в эквиваленте полной занятости по видам работ на ретроспективном периоде с 1995 г. по 2004 г. была проведена с использованием публикаций Росстата «Труд и занятость в России, 2001–2019 гг.», «Обследования населения по проблемам занятости» (WEB – доступ с 2006 г.), работы [Кузьмин и др., 2012]. За период после 2015 г. (когда изменились методология учета и оценки затрат труда) сопоставимость данных была обеспечена за счет коррекции количества фактически отработанного рабочего времени на основной работе и в домашних хозяйствах с использованием методик Росстата (URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/pr647-17.pdf>) и [Кузьмин и др., 2012].

И показатель среднегодовой численности занятого населения, и скорректированный показатель затрат труда в эквиваленте полной занятости отражают затраты труда в экономике. Но, как мы видим на рисунке, не только уровень, но и, самое главное, динамика этих показателей существенно различаются.

Разрабатываемая Росстатом оценка совокупных затрат труда в эквиваленте полной занятости – один из подходов к формированию динамики действительных затрат труда. Однако сложности использования этого показателя в расчетах обусловлены, во-первых, отсутствием официальных статистических данных на периоде до 2005 г., а во-вторых, тем фактом, что количественные оценки затрат труда, формируемые Росстатом в рамках соответствующей методологии, существенно недооценены [Узякова, 2016]. В этой связи возникла необходимость расчета альтернативных рядов численности занятого населения по видам экономической деятельности, более достоверно отражающих реальные затраты труда в разных периодах экономической истории.

Динамика действительных затрат труда (или условной эффективной занятости) построена по аналогии с динамикой загрузки капитала и учитывает технологические возможности производства [Узякова, 2016]. Концепция расчета этой величины опирается на оценку производительности труда условно эффективно занятых работников в зависимости от уровня и динамики технологических изменений в отдельных секторах экономики, что подразумевает измерение технологического уровня производства, например (в нашем случае), через продуктивность использования первичных ресурсов. В связи с тем, что производительность труда зависит от объема инвестиций (валовое накопление основного капитала) и скорости обновления капитала в экономике, динамика производительности условно эффективно занятых работников (строка 5, табл. 6) имеет достаточно высокую взаимосвязь с нормой накопления (коэффициент детерминации (R^2) равен 0,94) (табл. 6).

В период экономического спада 1990-х гг. производительность труда условно эффективно занятых работников не снижалась, но сокращалась интенсивность труда задействованных работников и, следовательно, снижались затраты их труда (подробнее об этом см. в работах [Узякова, Узяков, 2011; Узякова, 2015, 2016; Кейнс, 2002]). Следовательно, вместо снижения производительности в сфере материального производства в 1990–1998 гг.

на $-3,7\%$ в год (по данным Росстата) мы имели ее прирост (за счет снижения труда, действительно затрачиваемого на производство единицы продукции), в среднем на $2,0\%$ в год (оценки автора) (рис. 3). Затраты труда при этом сокращались примерно в той же мере, что и снижение производства.

Таблица 6. Динамика и соотношение производительности труда и нормы накопления (сфера материального производства) в 1981–2017 гг.

№	Показатель	1981-1989	1990-1998	1999-2008	1999-2013	2009-2017
Среднегодовой темп прироста производительности труда за период, %						
1	Рассчитанный на основе среднегодовой численности занятых	2,6	-3,7	6,5	4,9	1,6
2	Рассчитанный на основе действительных затрат труда (оценка автора)	2,6	2,0	3,0	2,9	1,8
3	Норма накопления, в целом по экономике	33,0	18,0	22,0	23,0	23,0
Соотношение нормы накопления и динамики производительности труда, рассчитанной на основе:						
4	среднегодовой численности занятых	12,7	-4,9	3,4	4,7	14,3
5	действительных затрат труда (оценка автора)	12,7	8,9	7,4	7,9	12,9

В период 2009–2017 гг. прирост производительности условно эффективно занятых работников был выше ($1,8\%$ в год), чем прирост производительности, оцененной на основе среднегодовой численности занятых ($1,6\%$ в год) (рис. 3).

Рис. 3. Производительность труда в сфере материального производства, рассчитанная для номинальной (среднегодовой) и условно эффективной занятости, темп роста в 1980–2016 гг., 1980 г. = 1.

Главная причина – в том, что в этот период, период стагнации (аналогично периоду спада производства 1990-х годов), сокращение затрат труда оказалось более значительным, чем было измерено в терминах среднегодовой численности занятых (рис. 4).

Рис. 4. Численность занятых (в среднем за год) и численность условно эффективно занятых в сфере материального производства в 1980–2016 гг., тыс. чел.

Разложение темпов прироста производства в материальной сфере на прирост численности занятых и прирост производительности труда – по оценкам, выполненным на основе среднегодовой численности занятого населения (данные Росстата) и на основе действительных затрат труда (оценка автора), представлено в таблице 7.

Таблица 7. Разложение темпов прироста производства в материальной сфере на прирост численности занятых и производительности труда в 1999-2008 гг., в среднем за год, %

Показатель	1999-2008	Вклад в рост производства	2009-2017	Вклад в рост производства
Среднегодовая численность занятых – данные Росстата	-0,67	-11	-1,16	-258
Производительность труда (выпуск/среднегодового занятого по данным Росстата)	6,51	111	1,61	358
Валовой выпуск	5,84		0,45	
Действительные затраты труда (условно эффективная занятость) – оценка автора	2,83	48	-1,33	-292
Производительность условно эффективно занятых работников	3,01	52	1,78	392
Валовой выпуск	5,84		0,45	

В период 1999–2008 гг. наблюдался не столько рост производительности труда, сколько количественный рост затрат труда за счет повышения его интенсивности [Узякова, Узяков, 2011; Узякова, 2015]. Следовательно, прирост производительности в сфере материального производства, по нашим оценкам, составил 3,0% в год (против 6,5% – по оценкам Росстата), а прирост действительных затрат труда – 2,8%.

В период 2009–2017 гг. сокращение действительных затрат труда было более значительным, чем фиксирует официальная статистика в терминах среднегодовой численности занятых или в терминах не полностью занятых работников. Прирост производительности в 2009–2017 гг. равен 1,8% в год, против 1,6% по оценкам Росстата. Снижение же затрат труда оценивается в –1,3% в год (против –1,16%, по оценкам Росстата) (табл. 7).

Как видим, в связи с относительным исчерпанием резервов производственных мощностей и трудовых ресурсов динамика численности занятых (статистика Росстата) и оценки затрат труда (расчеты автора) существенно сблизились в последние годы. Это означает, что в средне- и долгосрочной перспективе с учетом прогнозной динамики демографических факторов возможности роста производства будут все в большей степени определяться возможностями роста производительности труда, которые, в свою очередь, будут зависеть от динамики технологического развития.

Сохранение стагнационной инерции (рост ВВП на уровне до 1% в год и соответствующая динамика доходов населения) консервирует технологический уровень производства (продуктивность использования первичных ресурсов в целом по экономике последние 10 лет стагнирует), а также блокирует действие мотивационных механизмов роста производительности труда, в число которых входит повышение заработной платы. В результате неизбежно дальнейшее замедление темпов роста производительности труда в целом по экономике – до 0,5% в год к 2035 г.

Базовый прогноз производительности труда по видам деятельности был рассчитан на основе регрессионных уравнений вида: $Labprod_ef[i][t] = a_0 + a_1 * Del_fdVT[i][t] + a_2 * Productivity[i][t] + a_3 * time$,

где i – вид экономической деятельности, $i = 1, \dots, 44$;

t – период расчета (год);

$Labprod_ef[i][t]$ – производительность труда условно эффективно занятых работников в i -м виде экономической деятельности (руб/чел.) в году t ;

$Del_fdVT[i][t]$ – прирост валового выпуска соответствующего вида деятельности в году t , в сопоставимых ценах (руб.);

$Productivity[i][t]$ – продуктивность по первичным ресурсам в году t (раз);

$time$ – фактор времени (год), a_0, \dots, a_3 – коэффициенты уравнения.

Уравнения оценивались на периоде 1998–2017 гг.

Прогнозные оценки валового выпуска были рассчитаны с использованием динамической межотраслевой модели CONTO (более подробно см. URL: <http://macroforecast.ru/>). Прогнозные характеристики продуктивности были сформированы в соответствии с принципом экономических и технологических аналогий, на основе динамики продуктивности использования первичных ресурсов в соответствующих видах деятельности японской экономики для того периода ее развития, который соответствует современному и будущему технологическому развитию экономики России [Узяков, 2011].

При сохранении тенденций последнего десятилетия среднегодовой темп роста производительности труда в перспективе до 2035 г. не превысит 0,9% в год.

Существенное же увеличение инвестиционной активности, рост на этой основе производства и реальной зарплаты должны запустить процесс технологического обновления производства, разблокировать действие мотивационных механизмов и существенно повысить динамику производительности труда.

При росте инвестиций в долгосрочной перспективе на 8–9% в год рост продуктивности по первичным ресурсам в целом по экономике составит около 2,0% в год. В результате только за счет технологического фактора дополнительный рост производительности труда может достичь примерно 2,8% в год (исходя из соотношения динамики производительности труда и продуктивности на ретроспективе 2000–2017 гг. в 1,008).

Разблокирование мотивационных механизмов добавит еще до 0,3 процентных пункта в год к росту производительности труда (эластичность роста производительности по росту реальной заработной платы в 2010–2017 гг. составляла около 0,1).

Изменение структуры экономики, в первую очередь – повышение доли в промышленности машиностроения и нефтехимических производств, может добавить еще около 0,2 пункта роста производительности труда.

Итого, в качестве верхней границы для рассматриваемого варианта развития мы имеем 4,2% в год роста производительности труда по экономике в целом.

С точки зрения оценки перспективной динамики предложения труда источники роста числа занятых могут быть следующие:

– сокращение неполной и неэффективной занятости (потенциал сокращения неполной занятости, по нашим оценкам, может

составить не более 6% от списочной численности – до 4–5% к 2035 г.);

– прирост международной миграции (согласно верхнему сценарию демографического прогноза Росстата миграционный прирост населения может возрасти до 0,3 млн чел. к 2035 г., тогда прирост населения также может составить ежегодно 0,3 млн чел., прирост занятых – 0,2 млн чел.);

– повышение границ возраста выхода на пенсию (в результате реформирования пенсионной системы) может обеспечить прирост числа занятых в среднем до 0,43 млн чел. ежегодно до 2028 г.

По нашим оценкам, исходя из предположения о 70%-м уровне занятости в миграционном приросте, а также о снижении численности безработного населения в силу только демографических причин (уровень безработицы сейчас близок к естественному), с учетом увеличения¹⁴ численности населения в трудоспособном возрасте (от 7,5 до 5,5 млн чел. за 2018–2035 гг. в зависимости от варианта демографического прогноза Росстата), количество занятых работников возрастет на 4,4 млн чел. за 2018–2035 гг. (или на 0,3% ежегодно)¹⁵.

Это означает, в свою очередь, что максимально возможный темп роста экономики с учетом ограничений по темпам роста производительности труда и полученной оценки сокращения числа занятого населения составит 4,5%.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

¹⁴ После пересмотра демографического прогноза Росстата (от 26.12.2019 г.) с учетом увеличения численности населения в трудоспособном возрасте в результате пенсионной реформы. До этого прогнозируемая численность населения в трудоспособном возрасте сокращалась от 4,2 до 1,8 млн чел. за 2018–2035 гг. в зависимости от прогнозного варианта (средний и высокий вариант соответственно). В случае реализации самого благоприятного, высокого, сценария количество занятых работников снизилось бы за этот период на 1,1 млн чел. (по -0,09% ежегодно) под влиянием негативной демографической динамики, однако с учетом устранения части неполной занятости, миграционного прироста и прироста числа занятых в результате пенсионной реформы на основе оценок автора.

¹⁵ Рассматривался средний вариант демографического прогноза Росстата. Для оценки числа занятого населения применялась гипотеза 50%-го участия в рабочей силе возрастных групп населения 55–59, 60–64 и 65+ лет, а также гипотеза устранения части неполной занятости.

1. В экономике имеются значительные неиспользуемые ресурсы (неполная занятость (скрытая безработица), занятость на рабочих местах с низкой квалификацией (низкоквалифицированная рабочая сила), экономически неактивное население), которые сложно вовлечь в эффективный производственный процесс, по крайней мере, в условиях стагнации экономики.

2. Расчеты действительных затрат труда (условно эффективной занятости) показывают, что доля неэффективно занятых работников значительно выше, чем фиксирует статистика Росстата в терминах неполной занятости. По нашим оценкам, в 2017 г. доля неэффективно занятых работников в целом по экономике составляла около 34% от среднегодовой численности занятых.

3. Базовый прогноз роста производительности труда в перспективе до 2035 г. не превысит 100,9% в год.

4. К основным факторам, влияющим на рост производительности труда, можно отнести уровень и динамику технологического развития, уровень и динамику оплаты труда, изменение структуры экономики. В совокупности при благоприятных экономических условиях действие перечисленных факторов может добавить к росту производительности труда 3,3 п.п.

5. Максимально возможный средний темп роста экономики России на период до 2035 г. с учетом ограничений по темпам роста производительности труда и полученной оценки увеличения числа занятого населения, составляет 104,5%.

Литература

Восстановление экономического роста в России. Научный доклад ИНП РАН. 2016. 32 с.

Ивантер В. В. Рецепт Обломова – меньше работаешь – лучше живешь// Эксперт. 2019. № 36 (1132). [Эл. ресурс]. URL <https://expert.ru/expert/2019/36/retsept-oblomova-menshe-rabotaesh—luchshe-zhivesh/>

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. XX век Классики экономической науки. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.

Кузьмин В. В., Кузнецов С. Г., Мухина И. И., Мисюряев С. Г. Моделирование и инструментальные средства прогнозирования отработанного рабочего времени. Научные труды ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 148–174.

Потапенко В. В. Пенсионная система в структуре российской экономики. Дисс. 2018. 150 с.

Трансформация структуры экономики: механизмы и управление. Монография/ Под науч. ред. А. А. Широва. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.

Узяков М. Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. М.: Наука/Интерпериодика, 2011. № 2. 3–18 с.

Узякова Е. С., Узяков М. Н. Занятость и эффективная занятость в российской экономике // Проблемы прогнозирования. М.: Наука/Интерпериодика, 2011. № 6 (129). С. 89–101.

Узякова Е. С. Альтернативные подходы к оценке возможностей роста сферы материального производства в условиях ограничений со стороны трудовых ресурсов. Дисс. 2016. 201 с.

Узякова Е. С. Анализ и прогнозирование занятости и затрат труда в российской экономике // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика, 2015. № 4 (151). С. 58–70.

Широв А. А. Система мер по восстановлению экономического роста в России. Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика, 2018. № 1. С. 3–9.

Экономика труда и социально-трудовые отношения. Под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М.: Изд-во МГУ, Изд-во ЧЕРО, 1996. 623 с.

Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Книга 1. М.: Наука, 1997. 400 с.

Статья поступила 09.12.2019.

Статья принята к публикации 22.03.2020.

Для цитирования: Узякова Е. С. Производительность труда и возможности роста экономики // ЭКО. 2020. № 6. С. 87–110. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-87-110.

Summary

Uzyakova, E.S., Ph. D. (Econ.), Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow
Labor Productivity and Opportunities for Economic Growth

Abstract. The paper analyzes labor resource limitations in Russian economy, the composition of unused labor resources and opportunities to attract them to an effective production process. The main factors that influence labor productivity (the level and dynamics of technological development and wages, the structural factor of economic growth) are considered, the possibilities of their growth and their impact on labor use efficiency are analyzed. Sectors of economy with significant reserves of labor productivity growth are identified. Estimates of labor productivity of conditionally effectively employed workers in the field of material production are given, depending on the level and dynamics of technological changes in certain sectors of economy. Production growth rates are divided into productivity growth and employment growth using a series of nominal (average annual, Rosstat statistics) and conditionally effective (author's estimate) employment. The predictive and analytical tool that allows obtaining estimates of labor productivity depending on dynamics of gross output, productivity of primary resources, and the time factor are described in the paper. The tasks are solved using the methods of correlation and regression analysis. Estimates of key characteristics of the Russian economy forecast and the prospects for labor productivity growth (the base scenario and the

investment scenario, which provides for a significant acceleration of investment dynamics) are given.

Keywords: *economic growth; labor productivity; labor costs; sphere of material production; labor resources; restrictions on labor resources; productivity of the economy; efficiency; conditionally effective employment; forecast*

References

- Ivanter, V.V. Oblomov's Recipe-less work – better life. *Expert*. No. 36 (1132). (In Russ.). Available at: <https://expert.ru/expert/2019/36/retsept-oblomova-menshe-rabotaesh—luchshe-zhivesh/>
- Keynes, John. M. (2002). *General theory of employment, interest and money. XX century of Classics of economic science*. Moscow. "Helios ARV" Publ. 352 p. (In Russ.).
- Kuz'min, V.V., Kuznetsov, S.G., Mukhina, I.I., Misyuryaev, S.G., (2012). *Modeling and tools for forecasting working hours. Scientific works as a senior researcher*. Moscow: MAKS Press Publ. Pp. 148–174. (In Russ.).
- Labor Economics and social and labor relations*. (1996). Edited by G. G. Melikyan, R. P. Kolosova. Moscow: MSU Publishing house, CHERO Publishing house, 623 p. (In Russ.).
- Potapenko, V.V. (2018). *Pension system in the structure of the Russian economy*. Dissertation. 150 p. (In Russ.).
- Recovery of economic growth in Russia. Scientific report of IEF RAS*. (2016). 32 p. (In Russ.).
- Shirov, A.A. (2018). System of measures to restore economic growth in Russia. *Problems of forecasting*. Moscow. Nauka / Interperiodika Publ. No. 1. Pp. 3–9. (In Russ.).
- Transformation of the structure of the economy: mechanisms and management*. (2018). A monograph on the scientific. Edited by A.A. Shirov. Moscow. MAKS Press Publ. 264 p. (In Russ.).
- Uzyakov, M.N. (2011). Efficiency of primary resource use as an indicator of technological development: retrospective analysis and forecast. *Problems of forecasting*. Moscow. Nauka / Interperiodika Publ. No. 2. Pp. 3–18. (In Russ.).
- Uzyakova, E.S. (2015). Analysis and forecasting of employment and labor costs in the Russian economy. *Problems of forecasting*. Moscow. Nauka / Interperiodika Publ. No. 4 (151). Pp. 58–70. (In Russ.).
- Uzyakova, E.S. (2016). *Alternative approaches to assessing opportunities for growth in the sphere of material production in conditions of restrictions on the part of labor resources*. Dissertation. 201 p. (In Russ.).
- Uzyakova, E.S., Uzyakov, M.N. (2011). Employment and effective employment in the Russian economy. *Problems of forecasting*. Moscow. Nauka / Interperiodika Publ. No. 6 (129). Pp. 89–101. (In Russ.).
- Yaremenko, Yu.V. (1997). *Theory and methodology of multilevel economy research*. (Book 1). Moscow: Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).
- For citation:** Uzyakova, E.S. (2020). Labor Productivity and Opportunities for Economic Growth. *ECO*. No. 6. Pp. 87-110. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-87-110.

О производительности труда и одноименном национальном проекте¹

Б.Л. ЛАВРОВСКИЙ, доктор экономических наук.

E-mail: boris.lavrovski@gmail.com

Новосибирский государственный технический университет, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

М.В. ХАЙРУЛЛИНА, доктор экономических наук,

Новосибирский государственный технический университет

К.Н. ВОЛОССКАЯ, директор Регионального центра компетенций (РЦК) в сфере производительности труда

А. В. ЧУБАЕВ, кандидат экономических наук,

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Аннотация. Контекст национальных проектов, судя по структуре их финансирования, состоит в мобилизации накопленных резервов по возможности без серьезных инвестиций. Иначе говоря, добиться повышения уровня жизни предполагается за счет относительно скромных вложений в источники экономического роста. Теоретически это возможно. В рамках восстановительного периода (по окончании 1990-х гг.) такая схема была успешно осуществлена. В промышленности в течение 2000–2004 гг. повсеместно наблюдалось вовлечение резервов накопленных мощностей, заметное систематическое нарастание их нагрузки – с 42,1% до 50,8%. Но возможно ли повторить подобный маневр в современных условиях? По данным Росстата, средняя нагрузка мощностей в промышленности в течение 2010–2016 гг. оставалась практически неизменной (чуть более 50%). С учетом застойного характера развития последних лет прирост средней нагрузки мощностей за период действия нацпроекта при благоприятной спросовой конъюнктуре может составить 2–3 п.п. Отсутствие достаточного спроса не превращает потенциал сколь угодно больших объемов свободных мощностей в реальный источник экономического роста. И наоборот. Возрастающее год от года значение национальных проектов для наращивания совокупного спроса не является критически значимым. Скажем, в 2022 г. их финансирование из федерального бюджета будет находиться в пределах 12,5% от общей величины расходов. Сколько-нибудь заметного эффекта от расширения совокупного спроса к настоящему времени не просматривается.

Ключевые слова: нацпроекты; производительность труда; мобилизация резервов; расходы бюджета на проекты; маневр в течение восстановительного периода; роль спроса; производственные мощности

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19–010–00604.

Введение

В правительстве России национальные проекты и государственные программы рассматриваются в качестве инструментов реализации национальных целей. Понять смысл и подлинное назначение нацпроектов не в социально-политическом, а в сугубо экономическом измерении не так просто. В соответствии с указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» они направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышения уровня жизни²... Однако согласно структуре финансирования проектов очевидный приоритет отдается социальным задачам.

Казалось бы, ключевой для научно-технологического прорыва нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости» концентрирует только 0,2–0,3% расходов федерального бюджета на все 13 проектов. Проекты «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика Российской Федерации» добавляют еще почти 14%. Даже с учетом проекта «Комплексный план модернизации инфраструктуры» расходы здесь существенно не дотягивают до половины.

Иначе говоря, добиться повышения уровня жизни предполагается за счет относительно скромных вложений в источники экономического роста. Не случайно по поводу концепции нацпроектов высказываются подчас серьезные критические замечания: «достижение и выполнение национальных проектов не приведет к достижению национальных целей»³.

Придать дополнительный импульс развитию (пусть краткосрочный) в условиях, когда не удастся сколько-нибудь заметно улучшить инвестиционную и инновационную деятельность в стране, за счет мобилизации накопленных резервов теоретически возможно. В статье этот источник обсуждается на примере нацпроекта «Производительность труда...».

² Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

³ Кудрин: выполнение нацпроектов не приведет к достижению национальных целей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/420733225.12.2019>

О парадоксах производительности

Парадокс производительности труда, о котором много пишут в мировой литературе [Goos et al., 2014; Baily, 2019; Haskel, Westlake, 2017], может быть приблизительно охарактеризован следующим образом: при очевидном техническом прогрессе, бурном развитии информационно-коммуникационных технологий в последние десятилетия адекватного отображения этих процессов в статистике производительности труда не наблюдается. Мы предлагаем рассмотреть другой парадокс производительности.

Из того обстоятельства, что показатель производительности претендует на роль сводной (по крайней мере, первой среди равных) оценки технологического развития национальной экономики, отнюдь не следует, что на уровне отдельных хозяйствующих субъектов его рост является ключевой задачей. В этом и состоит парадокс. В парадигме ценовой конкуренции капитал стремится экономить на всех элементах затрат. В стратегии распределения инвестиций, предназначенных для экономии ресурсов, сокращение издержек живого труда не становится приоритетом по отношению, скажем, к материальным, энергетическим затратам⁴.

Более того, соотношение цели и средств ее достижения, оценка деятельности компании, ее конкурентоспособности и эффективности не всегда являются очевидными. Дискуссии здесь приобретают подчас острый характер, выходят на политический уровень.

В письме главы «Роснефти» на имя главы государства, написанном в конце декабря 2019 г., рекомендуется изменить методику оценки эффективности менеджмента госкомпаний. По мнению И. Сечина, концентрация усилий исключительно на сокращении операционных затрат может привести к снижению темпов реализации программ технологического развития и модернизации производства, а также развития кадрового потенциала и требований в области охраны труда. Вместо этого он предлагает измерять операционную эффективность через

⁴ Особый разговор об интеллектуальных инвестициях, рост которых способен сократить эксплуатационные расходы и затраты физического капитала, тем самым – совокупные издержки.

показатель прибыли до вычета расходов по выплате процентов, налога на прибыль, износа и амортизации (ЕБИТДА)⁵.

Производительность труда в мире и России

Результаты межстрановых сопоставлений в определенном аспекте, как известно, могут существенно зависеть от используемых измерителей. За четверть века (1992–2017 гг.) среднегодовые темпы прироста производительности труда в целом по миру с учетом ППС составили 2,0%, без учета ППС – 1,4%; в РФ – 0,82% и 0,80% соответственно (табл. 1).

Таблица 1. Оценки производительности труда России в глобальном контексте в 1991–2017 гг.

Цены	Показатель	1991	1995	2000	2005	2010	2013	2017
Постоянные цены 2011 г., международные доллары (с учетом ППС)	Производительность в РФ по отношению к среднемировому уровню, %	191,6	132,9	128,5	149,1	153,3	153,8	141,7
	Место России по уровню производительности труда среди 189 стран мира	51-е	70-е	73-е	67-е	62-е	60-е	63-е
Постоянные цены 2010 г., долл. США	Производительность в РФ по отношению к среднемировому уровню, %	109,9	76,4	74,8	89,9	97,7	100,3	94,3
	Место России по уровню производительности труда среди 189 стран мира	64-е	75-е	80-е	72-е	72-е	67-е	70-е

Источник: рассчитано по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/products/wdi>

Как видно, благодаря тренду, сформировавшемуся с начала нулевых годов, удалось в определенной степени преодолеть кризисные явления 1990-х годов и к 2013 г. приблизиться (заметно по одному из индикаторов) к показателям 1991 г. В последующие три года преимущественного роста относительно среднемирового показателя производительности не произошло. Но и в 1991 г. присутствие России в шестой-седьмой десятке стран мира по показателю производительности труда едва ли может считаться достижением.

⁵ Сечин попросил Путина по-новому оценивать эффективность глав госкомпаний. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/392963-sechin-poprosil-putina-po-novomu-ocenivat-effektivnost-glav-goskompaniy>

Наряду с глобальным фоном имеет смысл сопоставить показатели производительности России со странами, выросшими с ней «из одной социалистической шинели». Речь идет о некоторых бывших государствах соцлагеря и советских республиках. Всего рассмотрено 22 страны⁶.

В 1991 г. среди всех рассмотренных стран производительность в России была наибольшей. К концу периода российское преимущество:

- применительно к трем странам (Кыргызстан, Таджикистан, Украина) возросло;
- относительно большинства стран заметно сократилось;
- по отношению к значительному числу стран (Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Эстония, Латвия, Литва) превратилось в отставание.

В этом рейтинге из 22 позиций Россия последовательно переместилась с первого места в 1991 г. на седьмое к 2013 г. и девятое – к 2017 г.

Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» – общий замысел

Проект базируется на успешном опыте реализации в 2017–2018 гг. приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости», которая реализовывалась на 200 предприятиях 16 субъектов Федерации.

Основная задача нацпроекта – ускорение темпов роста производительности на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей с 1,4% в 2018 г. до не менее 5% к 2024 г. В целом за шесть лет рост производительности труда должен превысить 20%, т.е. среднегодовой темп должен быть на уровне около 3%. «По результатам реализации нацпроекта к 2024 году мы должны обеспечить выход на ежегодный рост производительности труда в 5% на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей»⁷. Интрига в том, относится ли эта фраза А.Г. Силуанова к периоду после 2024 г.

⁶ Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Венгрия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Польша, Республика Молдова, Республика Чехия, Российская Федерация, Румыния, Словакия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония.

⁷ Выступление А. Г. Силуанова на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам. 24 октября 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58894>

В соответствии с расчетами Центрального банка РФ существенный эффект от нацпроектов начнет сказываться в основном после 2022 г.⁸

В конце 2018 г. Минэкономразвития РФ утвердило список 15 новых регионов, которые были включены в 2019 г. в национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» (уже участвующие в программе повышения производительности 16 регионов переходят в национальный проект автоматически). Таким образом, в прошедшем году специальными мерами воспользовался 31 регион. Речь идет о льготных займах на перевооружение под 1%, льготных кредитах, налоговых преференциях, программе поддержки автоматизации и использования цифровых технологий, экспортному акселератору для выхода на новые рынки сбыта, а также адресной поддержке в оптимизации производственных процессов и переобучении сотрудников по лучшим мировым методикам повышения производительности. Условия и порядок отбора проектов для финансирования подробно изложены в специальном стандарте⁹.

Все регионы, участвующие в нацпроекте, получают индивидуальные цели по повышению производительности труда для целевой группы компаний региона. Эти индикаторы рассчитываются на основе метода анализа «больших данных» системы ФНС. Методика расчета позволяет обеспечить единый набор данных для всех участников проекта, прозрачность расчетов. Предприятиям не придется предоставлять о себе статистику – она будет выгружаться из системы ФНС¹⁰. К слову сказать, судя по этим данным, в дискуссии относительно методики и алгоритма расчета производительности труда между Росстатом и ФНС верх одержало налоговое ведомство¹¹.

⁸ «Издания Банка России / Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики» на сайте Банка России (URL: <http://www.cbr.ru/publ/ondkr/>).

⁹ Стандарт Фонда условия и порядок отбора проектов для финансирования по программе «Повышение производительности труда». Редакция 2.3, № СФ-И-117, Москва, 2019.

¹⁰ МЭР утвердило регионы для включения в нацпроект по производительности труда на 2019 год. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5941549>; Минэкономразвития РФ включило Томскую область в нацпроект по производительности труда. URL: <https://tv2.today/News/Minekonomrazvitiya-rf-vklyuchilo-tomskuuyu-oblast-v-nacproekt-po-proizvoditelnosti-truda#ixzzz6E6MMLEJO>; Новосибирская область досрочно стартовала в нацпроекте повышения производительности труда. URL: <https://ksonline.ru/362224/novosibirskaya-oblast-dosrochno-startovala-v-natsproekte-povysheniya-proizvoditelnosti-truda/>

¹¹ Росстат и ФНС поспорили о производительности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4018749>

Бюджет нацпроекта – около 52 млрд руб. (0,2% от совокупного финансирования всех нацпроектов)¹², из них 5,6 млрд – внебюджетные источники. Нацпроект содержит три федеральных проекта, из которых на реализацию первого – «Системные меры по повышению производительности труда» – планируется направить 5,5 млрд руб. Здесь предусмотрены меры по снижению административных барьеров, улучшению доступа предприятий к финансированию, поддержке экспорта.

На второй проект – «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» – планируется выделить 12,7 млрд руб. Повышать эффективность рынка предполагается за счет планирования спроса на трудовые ресурсы, обеспечения переподготовки высвободившихся кадров и поддержки граждан в трудоустройстве.

На «Адресную поддержку повышения производительности труда на предприятиях» в рамках третьего проекта будет израсходовано почти 34 млрд руб. Оказываться эта поддержка будет непосредственно на предприятии, где «создаются индивидуальные решения по росту производительности труда за счет устранения различных видов потерь»¹³. В программе адресной поддержки должны принять участие не менее 10 тыс. средних и крупных предприятий.

Разработан Стандарт, который определяет условия финансового обеспечения проектов со стороны «Российского фонда технологического развития» (Фонд развития промышленности) по Программе «Повышение производительности труда». В соответствии со стандартом целевые проекты, направленные на повышение производительности труда на промышленных предприятиях, могут претендовать на льготное заемное финансирование при выполнении следующих условий: срок займа – не более пяти лет; общий бюджет проекта – не менее 62,5 млн руб.; сумма займа – от 50 до 300 млн руб.; наличие обязательств по софинансированию со стороны Заявителя,

¹² URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOWAt2dzCIAietQih.pdf>

¹³ Производительность труда в стране хотят поднять при помощи бюрократии. URL: http://www.ng.ru/economics/2019-03-28/4_7543_trud.html

частных инвесторов или банковских кредитов в объеме не менее 20% общего бюджета проекта¹⁴.

Участники проекта должны соответствовать определенным критериям. В частности, объем годовой выручки должен составлять от 400 млн до 30 млрд руб.; потенциал роста производительности труда на предприятии должен быть не ниже 10%¹⁵; они должны принадлежать к одной из пяти базовых несырьевых отраслей (обрабатывающие производства, сельское хозяйство, транспорт, строительство, ЖКХ); доля иностранного капитала не должна превышать 25%. За первый год вхождения в программу предприятия-участники должны увеличить производительность труда на 10%, за второй – на 15%, за третий – на 30% (накопленным итогом).

Отбор компаний проводит оператор нацпроекта – АНО «Федеральный центр компетенций», действующий с конца 2017 г. Его миссия чрезвычайно амбициозна и состоит «в повышении качества товаров и услуг и росте конкурентоспособности российской экономики путем создания культуры высокой производительности и эффективности...». Заявленная деятельность много скромнее: реализует проекты, направленные на устранение потерь в средних и крупных организациях за счет передачи сотрудникам этих организаций своего опыта, знаний и навыков; создание экосистемы для запуска цепной реакции роста производительности в организациях, в регионах и в стране в целом¹⁶.

Для осуществления целей рассматриваемого нацпроекта используется не только пряник. Для компаний с государственным участием правительство подготовило директивы по принятию планов повышения производительности труда. При этом условием предоставления мер государственной поддержки будет

¹⁴ Стандарт Фонда условия и порядок отбора проектов для финансирования по программе «Повышение производительности труда». Редакция 2.3, № СФ-И-117, Москва. 2019.

¹⁵ Сотрудниками предприятия – кандидатами в проект заполняется так называемый оценочный лист отбора предприятий в проект. Один из критериев – наличие потенциала быстрых улучшений на потоке по производству выбранного продукта. Включает в себя следующие показатели: длительность цикла производства, количество неавтоматизированных рабочих мест, простой оборудования, качество продукции, запасы между операциями и на складах, неоптимальная расстановка оборудования и др.

¹⁶ Оператор национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в части адресной поддержки предприятий. URL: <https://xn--blaedfedwqdbdfbnzkf0oe.xn--p1ai/ru/about-fcc/generalinfo/>

являться выполнение этих планов¹⁷. Можно предположить, что письмо И. Сечина, о котором упоминалось выше, связано как раз с этими идеями.

По состоянию на декабрь 2019 г. в проекте участвует около 500 предприятий. У 58% из них уже отмечен рост производительности труда на 10% и выше¹⁸.

В сложившихся условиях замысел проекта, направленного на мобилизацию накопленных резервов, устранения очевидных диспропорций и потерь на уровне отдельных промышленных предприятий, представляется вполне обоснованным. Стоит, правда, обратить внимание на традиционные «институциональные» трудности, касающиеся оценки достижения индивидуальных целей, имея в виду особенности национального бизнеса и возможности маневрирования. Речь идет, например, о возможности перераспределения издержек в сторону увеличения косвенных затрат; росте оплаты труда административно-управленческого персонала и прочих сотрудников, чью зарплату не относят к прямым затратам, и т.д.

Проект в Новосибирской области

Занимая 32-е место по уровню производительности труда в 2017 г. среди 82 регионов России, Новосибирская область должна была подключиться к нацпроекту только в 2020 г. Однако «был предпринят ряд мер», в результате чего область вошла в проект досрочно. Первые три предприятия – АО «Экран-оптические системы», ПАО «Сиблитмаш» и АО «ЭПМ-Новосибирский электродный завод» – начали работу по повышению производительности труда уже в 2019 г. О результатах говорить еще рано.

Для реализации федерального проекта по адресной поддержке повышения производительности труда на предприятиях на базе Агентства инвестиционного развития региона (АИР) летом 2018 г. был создан Региональный центр компетенций в сфере производительности труда (РЦК). Центр нашел партнеров для проведения бесплатных образовательных программ: ими стали НГТУ и Сбербанк. На базе НГТУ работает лин-лаборатория

¹⁷ Из выступления А. Силуанова на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам 25 декабря 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62411>

¹⁸ Не лучше, не выше, не быстрее. Низкая производительность труда в России: кто виноват и что делать? URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10909508>

(от английского Lean Production) «Фабрика процессов», совместно с университетом агентство провело обучение основам бережливого производства специалистов 23 компаний. С банкирами АИР организовало тренинг по основам бережливого производства и инструментам Lean Six Sigma (концепция «шесть сигм») для представителей 12 новосибирских предприятий.

Содержание поддержки предприятиям, касающейся повышения производительности труда в рамках проекта, сводится в основном к следующим направлениям.

1. Выявление резерва роста производительности труда, снижение уровня потерь и, как итог, увеличение прибыли.

2. Доступ к наиболее прогрессивным методикам повышения производительности труда, безвозмездное консультирование экспертов, выстраивание бизнес-процессов с использованием принципов «бережливого производства».

3. Поддержка инвестиционных проектов предприятий, направленных на технологическое развитие, модернизацию оборудования, приобретение новейших программных продуктов.

4. Помощь в организации экспортной деятельности предприятия.

5. Обучение инструментам «бережливого производства», подготовка внутренних тренеров.

6. Возможность получения финансирования на льготных условиях.

В 2020 г. к нацпроекту в НСО должны подключиться не менее 23 предприятий региона¹⁹. Согласно целевым показателям за пять лет их число должно вырасти до 205, в том числе 44 – будут сопровождать эксперты ФЦК, 70 – РЦК, 91 будут работать самостоятельно с консультантами или партнерами.

За пять лет реализации регионального проекта планируется обучить бережливым технологиям 2 тыс. специалистов предприятий-участников (целевой показатель 1720 человек). Это позволит создать квалифицированные проектные команды в организациях, повысить вовлеченность персонала и приведет к формированию собственных управленческих систем по повышению производительности труда.

¹⁹ Новосибирская область досрочно стартовала в нацпроекте повышения производительности труда. URL: <https://ksonline.ru/362224/novosibirskaya-oblast-dosrochno-startovala-v-natsproekte-povysheniya-proizvoditelnosti-truda/>

Свободные мощности и резервы роста

Насколько можно понять, контекст «бережливого производства», как и рассматриваемого нацпроекта, состоит в перегруппировке усилий, подтягивании тылов, мобилизации накопленных резервов по возможности без серьезных инвестиций. Такая постановка вопроса в современных условиях – известном инвестиционном климате и известной геополитической обстановке – представляется вполне обоснованной. Тем более что сравнительно недавно подобный маневр уже был совершен.

Речь идет о так называемом восстановительном периоде. К концу 1990-х в России по известным причинам были (принудительно) накоплены значительные объемы неиспользуемых мощностей. И в первые годы экономического подъема удалось во многом эти резервы мобилизовать (табл. 2).

Таблица 2. Уровень использования среднегодовой мощности по отраслям промышленности в России в 2000–2004 гг., %

Отрасль*	2000	2001	2002	2003	2004
Топливная промышленность (2)	77,5	79,5	75	79	82,5
Металлургия (4)	70,5	73,5	73	77,75	80
Химическая и нефтехимическая промышленность (8)	53,0	55,3	57,8	59,5	61,9
Машиностроение (21)	31,1	36,6	34,4	37,1	38,3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (6)	51,0	49,4	53,1	56,0	56,6
Промышленность строительных материалов (11)	33,7	37,2	38,6	43,8	47,5
Легкая промышленность (6)	34,3	37,3	39,8	46,0	47,3
Пищевая промышленность (18)	45,3	48,2	50,5	51,8	53,3
Мукомольно-крупяная промышленность (2)	34,5	36	31,5	32,5	35,5
Итого (78)	42,1	45,3	45,9	48,9	50,8

* В скобках - число видов промышленной продукции.

Источник: Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B05_48/lssWWW.exe/Stg/06-07.htm

В целом по промышленности (78 видов промышленной продукции) уровень использования производственных мощностей в течение рассматриваемого периода систематически возрастал: с 42,1% в 2000 г. до 50,8% в 2004 г. Во всех девяти отраслях промышленности наблюдалась та же картина – вовлечение резервов накопленных мощностей, заметное нарастание их нагрузки.

Специфика восстановительного периода отчетливо проявляется и на макроэкономическом фоне (табл. 3).

Таблица 3. Динамика ВВП и объем инвестиций в России по периодам в 2001–2008 гг., в пост. долл. 2010 г.

Показатель	2001–2003	2004–2006	2007–2008
Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	5,7	7,2	6,9
Объем инвестиций в среднегодовом выражении, млрд долл.	215,7	295,3	433,3
Инвестиции в расчете на один процент прироста ВВП, млрд долл.	37,8	40,8	63,1

Источник: рассчитано по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/products/wdi>

В таблице 3 приведены данные, связывающие инвестиции и обусловленную ими макроэкономическую динамику; затраты и результаты. Здесь важно подчеркнуть следующее. Само по себе увеличение инвестиций в расчете на единицу прироста ВВП является естественным процессом. Мировая тенденция роста удельных инвестиций сопряжена с системным технологическим усложнением производственного аппарата, ужесточающимися социальными и экологическими ограничениями, а главное – усиливающейся конкурентной борьбой в глобальном масштабе. Препятствовать этой тенденции, к слову, может только инновационная деятельность.

В данном случае качественный скачок, касающийся удельных инвестиций, произошел на рубеже середины нулевых годов. Едва ли это свидетельствует о том, что уровень производственного аппарата в России в 2007–2008 гг. заметно вырос по отношению к предыдущему периоду. Скорее – о наращивании в эти годы дополнительных мощностей в связи с исчерпанием их резервов; неизбежном в этой связи существенном ухудшении в соотношении инвестиционных затрат и результатов.

Возможно ли повторить в современных условиях маневр, успешно осуществленный в начале нулевых годов? Росстат публикует данные об использовании производственных мощностей почти по 250 видам промышленной продукции за период 2010–2016 гг.²⁰ По 206 видам продукции данные полностью унифицированы. Обобщенные сведения приведены на рис. 1.

²⁰ Уровень использования среднегодовой производственной мощности с 2010 г. по 2016 г. (в соответствии с ОКПД). URL: <https://fedstat.ru/indicator/40641>

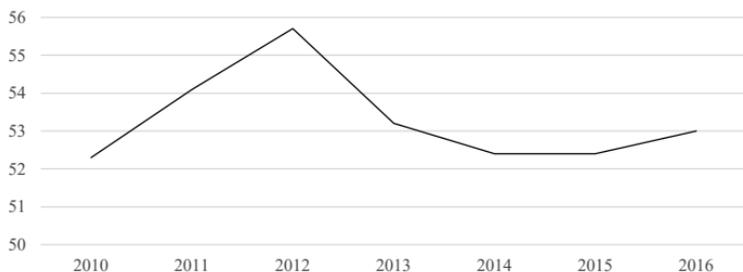

Рис. 1. Средний уровень использования среднегодовой мощности в России (206 видов промышленной продукции),%

Как видно, средняя нагрузка мощностей в промышленности несколько повысилась в 2011–2012 гг. (примерно на 3,5 п.п.), затем обозначилась тенденция к понижению (составила в течение рассматриваемого периода чуть более половины). Определенная стабильность была характерна по многим (если не большинству) отдельным видам продукции. В ряде случаев наблюдались характерные в течение периода тенденции – повышение или понижение коэффициента использования мощностей.

В 2016 г. разброс нагрузки по видам мощностей был весьма значительным. С точки зрения резервов роста особенно интересными являются виды продукции с коэффициентом использования мощностей менее 40%. Таких производств насчитывается около 70.

С учетом застойного характера развития последних лет нет никаких оснований считать, что к 2020 г. по отношению к 2016 г. произошли сколько-нибудь существенные позитивные системные изменения в характере нагрузки мощностей.

Устойчивое многолетнее использование системы производственных мощностей на уровне чуть более половины мы не склонны связывать буквально с удручающим состоянием производственного аппарата (характеристиками износа, возраста, превышением предельных сроков службы, пр.). Его деградация не является настолько фатальной, чтобы нельзя было что-то еще «выжать» в течение нескольких лет. Ключевая причина – конъюнктура рынка, интенсивность совокупного спроса.

Отсутствие достаточного спроса не превращает потенциал сколь угодно больших объемов свободных мощностей в реальный источник экономического роста; приводит к замораживанию инвестиций, обращает неиспользуемые производственные объекты

в руины. И наоборот. Проиллюстрируем влияние спросовой компоненты на объемы производства и использование мощностей на примере грузовых вагонов (рис. 2).

Источник: Росстат. Уровень использования среднегодовой производственной мощности с 2010 г. по 2016 г. (в соответствии с ОКПД). URL: [https://fedstat.ru/indicator/40641\\$](https://fedstat.ru/indicator/40641$); Промышленное производство в России. Производство основных видов транспортных средств и оборудования.

Рис. 2. Некоторые характеристики развития отрасли по производству грузовых магистральных вагонов в 2012–2019 гг.

Резкий спад спроса в течение нескольких лет на грузовые магистральные вагоны, выраженный в данном случае через показатели выпуска, привело к катастрофическому снижению уровня использования мощностей к 2015 г. Повысить спрос на новые вагоны правительство решает за счет введения экономических ограничений – повышенного коэффициента на порожний пробег для вагонов, эксплуатирующихся за пределами назначенного срока службы. В результате этой меры эксплуатация вагонов с запредельными сроками службы становится заметно дороже и побуждает операторов избавляться от них. Одновременно по аналогии с программой утилизации в автомобилестроении, со справкой о списании старого вагона в утиль можно получить скидку в размере 130 тыс. руб., но только при условии покупки инновационного вагона с завода-изготовителя. Кроме того, в 2015–2016 гг. сохранились субсидии на модернизацию заводов для завершения проектов техпервооружения в отрасли²¹.

²¹ Пора в утиль // Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ» № 5. 31 марта 2015 г. URL: www.kommersant.ru

Эти и другие меры позволили заметно повысить спрос, за кратчайшее время резко нарастить масштабы выпуска. Использование мощностей, по оценкам, к настоящему времени приблизилось к уровню 2012 г.

Успешный маневр начала нулевых годов, когда за 2001–2004 гг. среднюю нагрузку мощностей удалось повысить примерно на 8 п.п., едва ли удастся повторить в полной мере. Тем не менее прирост средней нагрузки мощностей за период действия нацпроекта при благоприятной спросовой конъюнктуре может составить, по нашему мнению, 2–3 п.п.

Значение нацпроектов в нарастании совокупного спроса

Расширение совокупного спроса (которое, как уже было сказано, является лимитирующим фактором роста производительности) тесно связано с увеличением бюджетных расходов. Что касается нацпроектов, то, по данным Минфина РФ на 17 января 2020 г., расходы федерального бюджета на реализацию национальных проектов по итогам 2019 г. составили 91,4% от плана, неосвоенными остались 150 млрд руб. По данным портала «Электронный бюджет», отставание от плана еще выше – около 190 млрд руб. Уровень исполнения – 89,3%²². **Исполнение** нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости» находится ниже 90%.

Роль нацпроектов в наращивании совокупного спроса, хотя по плану и возрастает, но преувеличивать его не стоит (табл. 5).

Таблица 5. Некоторые характеристики расходов на национальные проекты в 2020–2022 гг., %

Показатель	2020	2021	2022
Увеличение расходов относительно объемов, заложенных в паспортах национальных проектов	4,6	4,4	5,3
Увеличение расходов к предыдущему году	13,6	11,9	21,4
Финансирование национальных проектов всего (от ВВП*)	1,76	1,84	2,10
Финансирование национальных проектов из ФБ (от суммы расходов ФБ*)	10,17	10,75	12,37

* В соответствии с проектом закона «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

Источник: [Идрисов, Плескачев, 2019].

²² РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/01/2020/5e21994a9a794745151f4b8b>

Расходы на национальные проекты, заложенные в проекте федерального бюджета на 2020–2022 гг., выше соответствующих расходов, заложенных в паспортах национальных проектов, в среднем на 4,8%. В нацпроекте «Производительность труда...» соответствующего превышения не предусмотрено – в обоих документах фигурирует сумма в 21 млрд руб. из 6893 млрд руб., направляемых на реализацию всех национальных проектов в период 2020–2022 гг.

Темпы прироста расходов на национальные проекты в тенденции ускоряются, достигая в 2022 г. 21,4%. Тем не менее финансирование национальных проектов из федерального бюджета в 2022 г. находится в пределах 12,5% от общей величины расходов.

Пока видимого эффекта от расширения совокупного спроса не видно. Первая оценка Росстата относительно темпа прироста ВВП в 2019 г., сделанная 3 февраля 2020 г., составила 1,3%²³. Это минимальный показатель за последние три года. Одновременно, по данным Минтруда РФ, в ноябре 2019 г. по сравнению с ноябрём 2018 г. численность занятого населения в возрасте 15 лет и старше увеличилась на 0,1%²⁴. Это означает прирост производительности труда в 2019 г. не выше 1,3%.

Правительственные прогнозы на 2020 г. также не внушают оптимизма. На заседании правительства А.Г. Силуанов назвал прогнозную оценку роста ВВП России на 2020 г., равную 1,9%²⁵. Напомним, что в соответствии с разработанным Минэкономразвития РФ прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. (до формирования национальных проектов) темп прироста ВВП (по базовому варианту) в 2019 г. должен составить 2,2%, в 2020 г. – 2,3%, производительности труда – 2,4% и 2,6% соответственно.

²³ Рост ВВП РФ в 2019 году замедлился до 1,3%. URL: <https://www.interfax.ru/business/693841>

²⁴ Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/inform/1>

²⁵ Министр финансов Антон Силуанов на заседании Правительства РФ представил поправки в федеральный бюджет на 2020–2022 годы. URL: https://www.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=36955ministr_finansov_anton_siluanov_na_zasedanii_pravitelstva_rf_predstavil_popravki_v_federalnyi_byudzhet_na_2020-2022_gody

Стоит напомнить, что все эти прогнозы сделаны до пандемии. В целом затраты по нацпроектам к текущем году будут сокращены на 200 млрд руб.

Вместо заключения

Далеко отставая по уровню производительности труда от стран, развитых и не только, Россия действительно имеет возможность выйти на темпы прироста производительности 4–5%. Фундаментальное условие – значимые масштабы реконструкции на инновационных началах. В силу особых причин, о которых нужно говорить специально, это условие долгое время оказывается несовместимым с реальной институциональной тканью общества, системой сложившихся мотиваций²⁶.

В этих едва ли не роковых обстоятельствах требуются специальные мероприятия по мобилизации накопленных резервов с малым инвестиционным напряжением. Перегруппировка сил в среднесрочной перспективе позволит без особой потери темпа создать за разумное время мощный инвестиционный и инновационный задел уже для стратегического рывка.

Возрастающее год от года значение национальных проектов для наращивания совокупного спроса, вовлечения накопленных резервов все же отнюдь не является критически значимым [Аганбегян, 2019]. По данным Альфа-банка, чистый прямой эффект от расходов на реализацию национальных проектов для роста экономики России эквивалентен всего 0,2% ВВП в год в 2019–2021 гг.²⁷ Эта оценка не является неожиданной, если сопоставить приведенные выше прогнозные данные о темпах прироста ВВП (менее 2%) и доле национальных проектов в расходах федерального бюджета (около 10%). Впрочем, по расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, все бюджетные

²⁶ По данным аналитического центра при Правительстве РФ, 80% российских предприятий не могут модернизироваться, потому что им никто не дает на это кредиты. По данным исследования, проведенного Центром мониторинга развития промышленности на базе опроса 500 собственников и руководителей предприятий, лишь 14% респондентов отметили готовность инвестировать дополнительную прибыль в первую очередь в повышение производительности труда (Вечерний звон // Российская газета. 2017. № 152. Июль). URL: <https://rg.ru/2017/07/12/pochemu-rabochij-den-udlinaetsia-a-proizvoditelnost-truda-padaet.html> 02.07.2017

²⁷ Экономисты оценили влияние нацпроектов на рост ВВП. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/04/2019/5cbda5859a794737baaced81>

инвестиции в рамках нацпроектов добавляют к темпу экономического роста чуть больше – примерно 0,3–0,4 п.п. [Широв, 2018].

Не случайно, видимо, в конце 2019 г. в самый разгар работы над нацпроектами, Д. Медведев, будучи премьер-министром, дал 28 поручений различным ведомствам, причем, проблематика некоторых (или даже большинства из них) не привязана непосредственно к проектам, имеет «надпроектный» характер, повторяется год от года. Это касается, например, снижения административного давления на бизнес. Кроме того, поручено договориться о способах стимулирования частных инвестиций с помощью софинансирования из фонда национального благосостояния. Предлагается также разработать меры, касающиеся увеличения доли закупок отечественных товаров при реализации нацпроектов и сократить масштабы фальсификата в российской экономике²⁸.

Настораживает возрастающее число контролирующих ведомств. Помимо правоохранительных органов (Генпрокуратура, МВД и ФСБ), ход реализации нацпроектов на местах проверяют и другие контролирующие органы – Роструд, Федеральное казначейство, Росстат, Минэкономики, а также Счетная палата. Премьер-министр предложил ввести комплексный подход к проверкам исполнения нацпроектов на местах – чтобы исключить дублирование действий²⁹.

Пройдет два-три года, появятся свежие идеи и новые амбициозные проекты.

Литература/References

Аганбегян А. Г. Для выхода из стагнации нужны коренные изменения. Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 217. М., 2019. С. 28–40.

Aganbegyan, A.G. (2019). *Fundamental changes needed to break stagnation*. Scientific works of the Free Economic Society of Russia, Vol. 217. Moscow. Pp. 28–40. (In Russ.).

Идрисов Г., Плескачев Ю. Бюджетирование национальных проектов в условиях низкого кассового исполнения. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития.

²⁸ Медведев подписал поручения для ускорения экономического роста. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2019/10/29/814984-medvedev-podpisal-porucheniya>

²⁹ Крючкова Евгения. Сшит контроль не по-королевски // «Коммерсантъ». 2020. 29 февраля.

2019. № 17 (100). Ноябрь / Божечкова А., Зайцев Ю., Зубов С., Идрисов Г., Кнобель А., Плескачев Ю., Трунин П., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурyleва С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 23 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_17-100_November.pdf

Idrisov, G., Pleskachev, Yu. (2019), Budgeting of national projects in conditions of low cash execution. Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development, no. 17 (100), November. Ed. by Gurevich V.S., Drobyshevskiy S.M., Kolesnikov A.V., Mau V.A., Sinel'nikov-Murylev S.G. Gaidar Institute for Economic Policy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23 p. Available at: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_17-100_November.pdf (In Russ.).

Широв А. «Денег в экономике завались» // Эксперт. 2018. 24 декабря. № 1–3 (1103). URL: <https://ecfor.ru/publication/vremya-skeptikov/>

Shirov, A. (2018). There are pots of money in the economy. Expert. No. 1–3 (1103). 24 dez Available at: <https://ecfor.ru/publication/vremya-skeptikov/>. (In Russ.).

Baily, M. (2019). Slow Productivity Growth in the US, Japan and Advanced Economies. Business Leaders' Forum on Productivity. Japan Productivity Center. The Conference Board. New York City, April 11–12.

Goos, M., Manning, A., Salomons, A. (2014). Explaining Job Polarization: Routine-Biased Technological Change and Offshoring. *American Economic Review*, 104(8), 2509–2526.

Haskel, J., Westlake, S. (2017). Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy. *Princeton University Press*. 238 p.

Статья поступила 05.03.2020

Статья принята к публикации 16.03.2020.

Для цитирования: Лавровский Б.Л., Хайруллина М.В., Волоская К.Н., Чуваев А.В. О производительности труда и одноименном национальном проекте // ЭКО. 2020. № 6. С. 111-130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130.

Summary

Lavrovskii, B.L., *Doct. Sci. (Econ.)*, *Novosibirsk State Technical University, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS*, **Khayrullina, M.V.**, *Doct. Sci. (Econ.)*, *Novosibirsk State Technical University*, **Voloskaya, K.N.**, *Director of the Regional Competence Center (RCC) in the field of labor productivity*, **Chuvaev, A.V.**, *Cand. Sci. (Econ.)*, *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk*

On Labor Productivity and the Homonymous National Project

Abstract. The context of national projects, judging by the structure of their financing, involves mobilization of accumulated reserves. In other words, an increase in the standard of living is supposed to be achieved by means of relatively modest investments in sources of economic growth.

It is theoretically possible to augment development by mobilizing accumulated reserves when investment and innovation activity in the country may not be significantly improved. Within the recovery period (at the end of the 1990s), such a scheme was successfully carried out. In the industry the accumulated capacity reserves were widely engaged during 2000–2004, a noticeable systematic increase in their load was observed – from 42.1% to 50.8%.

The paper addresses the following question: is it possible to repeat such a maneuver in conditions of today? According to the Federal State Statistics Service, the average capacity load in industry remained almost the same (just over half) during 2010–2016. Considering the stagnant nature of the development in recent years, an increase in the average capacity load during the period of the national project with a favorable demand environment may reach 2–3 percentage points.

The lack of sufficient demand does not turn the potential of arbitrary large volumes of free capacity into a real source of economic growth. And vice versa. The growing importance of national projects from year to year is not critical for expanding the aggregate demand. In 2022 their financing from the federal budget will be within 12.5% of the total spending. Meanwhile, no visible effect of expanded aggregate demand has been noted.

Keywords: *national projects; labor productivity; mobilization of reserves; budget spending on projects; maneuver during the recovery period; role of demand; production capacity*

For citation: Lavrovskii, B.L., Khayrullina, M.V., Voloskaya, K.N., Chuvaev, A.V. (2020). On Labor Productivity and the Homonymous National Project. *ECO*. No. 6. Pp. 111-130. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130.

Влияние структурных изменений в экономике на динамику рабочих мест

Е.А. ЕДИНАК, кандидат экономических наук. E-mail: e_edinak@ecfor.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва

Аннотация. В статье исследуется влияние процессов цифровизации на российский рынок труда. Проанализированы факторы, в наибольшей степени определяющие вектор этих изменений (отраслевая и по группам занятий структура занятости, изменение структуры производства и межотраслевых связей). Показано, как и почему снижалась с 2000-х гг. усредненная по отраслям потребность в занятых для производства единицы конечной продукции. Доказано, что изменение спроса на работников на уровне экономики в целом определяется в большей степени внутриотраслевыми технологическими изменениями, нежели изменением структуры производства (структурная компонента). Рассчитаны прямые и косвенные мультипликаторы занятости в разрезе отраслей. На базе межотраслевого подхода получены количественные оценки сокращения и создания рабочих мест в экономике к 2030 г. в результате процессов цифровизации. Их величина показала, что процессы цифровизации не приведут к резкому (обвальному) сокращению рабочих мест на российском рынке труда.

Ключевые слова: занятость; цифровизация; рынок труда; рабочие места; структура; межотраслевые связи; производство; структурные изменения

Современные тенденции в области развития новых технологий, их активного проникновения как в производственные отношения, так и в повседневную жизнь граждан изменяют сложившиеся устои в экономической, социальной, политической сферах различных стран.

Развитие технологий происходит по довольно широкому спектру направлений, но наиболее массовым из них, декларируемым в качестве приоритетного на государственном уровне, является цифровизация – внедрение цифровых технологий в разные сферы деятельности. Ожидается, что вследствие интенсификации этих процессов будут трансформироваться экономические связи между различными субъектами и секторами экономики, изменится структура производства, отраслевая номенклатура выпуска, появятся новые отрасли и т.д. В той или иной степени все это можно наблюдать уже сейчас.

Не останется в стороне и рынок труда, чутко реагирующий на изменения в структуре экономики: устаревают одни

профессии и специальности, появляются новые, изменяются отраслевые и квалификационные пропорции занятости и безработицы, время поиска работы и пр. Каким станет будущий облик рынка труда, какие профессии и специальности будут на нем востребованы, а какие исчезнут в связи с сокращением спроса, каков масштаб ожидаемого высвобождения рабочей силы – эти и многие другие вопросы беспокоят и население, и бизнес, и государство. Абитуриенты должны иметь представление о перспективах выбираемых ими специальностей, бизнес – о качестве и структуре поступающей на рынок рабочей силы (образовательной, возрастной, профессионально-квалификационной), государство – о том, какой должна быть система образования и какие специальности в первую очередь должны финансироваться бюджетом как наиболее важные и перспективные.

В этой связи вопросы о влиянии на рынок труда структурных и технологических изменений, вызванных процессами автоматизации и цифровизации, широко обсуждаются на различных площадках мирового и национального уровней. Так, например, по оценкам ОЭСР, более 40% рабочих мест, созданных в странах-участницах за 2005–2016 гг., появились в высокотехнологичных видах деятельности. По современным оценкам, около 14% рабочих мест в странах организации уже в ближайшем будущем могут быть автоматизированы, с последующим сокращением персонала, а 32% ожидают радикальные изменения¹ (оценки приведены без учета потенциала создания рабочих мест). В другом исследовании [Frey, Osborne, 2017] прогнозируется сокращение до 47% существующих рабочих мест в США в результате алгоритмизации и компьютеризации в ближайшие 10–20 лет.

В России, по оценкам некоторых экспертов, рост безработицы в связи с технологической модернизацией составит от 20 до 42 млн чел.² к 2030 г. Компания McKinsey в своих исследованиях приводит оценки экономии трудозатрат (выраженных в чел./ч) в результате автоматизации в размере от 2 до 50%,

¹ OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work. [Эл. ресурс] URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9ee00155-en/index.html?itemId=/content/publication/9ee00155-en> (дата обращения: 18.02.2020).

² РБК ТВ: Земцов Степан: Автоматизация экономики. Выпуск от 30.12.2018.

в зависимости от сферы деятельности. По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), под воздействием цифровизации в России могут попасть под сокращение 12,5 млн занятых [Белоусов, 2018].

Методология и понятийный аппарат

Очевидно, что перспективная структура и динамика рабочих мест (отраслевая, профессиональная, квалификационная и др.) будут определяться целым рядом факторов, которыми понятие «цифровизации» далеко не исчерпывается. Так, на наш взгляд, несколько однобоким выглядит подход, используемый в исследованиях ОЭСР, когда для получения прогнозной оценки потенциального числа сокращаемых рабочих мест оценивается только один фактор – вероятность автоматизации рабочего места исходя из вероятности автоматизации выполняемого на нем круга задач [OECD Employment Outlook, 2019]. Кроме всего прочего, данный подход ограничен с точки зрения оценки потенциала создания новых рабочих мест, индуцируемых высокотехнологичными секторами. Широкий обзор исследований, говорящих в пользу сильного положительного влияния современных технологических инноваций на занятость, представлен в работе Р. Капелюшников [Капелюшников, 2017].

Оценить влияние каждого фактора в отдельности на рынок труда чрезвычайно сложно. В том числе потому, что зачастую они воздействуют комплексно. Тем не менее обозначить и проанализировать наиболее важные из них представляется вполне возможным в рамках журнальной статьи.

Кроме того, несмотря на свое активное использование, четкого и устоявшегося значения понятия «цифровизация» не существует, равно как и единой методики количественной оценки этого явления как статистического агрегата [Ганичев, Кошовец, 2020], что представляет собой определенную сложность. Чаще всего для этих целей используются показатели уровня и динамики роботизации или автоматизации рабочих мест. В данной работе под цифровизацией понимается внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различные сферы деятельности и секторы экономики, которое сказывается на изменении технологий производства и, следовательно, изменении отраслевой структуры затрат. Так, внедрение

ИКТ, расширение использования Интернета, облачных технологий и др. ожидаемо снизит удельные торгово-транспортные затраты в отдельных видах деятельности, что отразится на экономической динамике отраслей транспорта и торговли. Безусловно, ИКТ являются результатом производства нескольких секторов экономики, но в наибольшей степени – отрасли «связь и телекоммуникации».

Факторы, влияющие на структуру занятости

Текущая отраслевая и по группам занятий структура занятости в экономике является одним из факторов, определяющих возможные масштабы движения рабочих мест под воздействием цифровизации. Логично ожидать, что высокая доля в составе занятых того или иного вида деятельности работников низкой и средней квалификации увеличивает вероятность их интенсивного высвобождения в перспективе, так как именно эти группы работников подвержены высокому риску увольнения в результате углубления процессов автоматизации [OECD Employment Outlook, 2019].

Можно предположить, что в большей или меньшей степени в зоне риска находятся работники следующих групп занятий: неквалифицированные рабочие (9), операторы производственных установок и машин, сборщики и водители (8), работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности (5), служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием (4) (табл. 1). В России суммарно на эти группы в 2018 г. приходилось 40% занятых в экономике, что на первый взгляд создает высокие риски роста безработицы в будущем. Для сравнения: во Франции доля работников этих групп занятий составляет 44%; в Германии – 43%; в США – 44,3%.

Кроме того, большое значение имеет распределение работников определенных групп занятий по секторам экономики. Сокращение удельного веса в ВВП отраслей с высокой долей низкоквалифицированных работников приведет к сокращению низкопроизводительных рабочих мест, равно как увеличение веса отраслей с большой долей высококвалифицированных работников обернется наращиванием рабочих мест с высоким потенциалом производительности труда.

Таблица 1. Структура занятого населения по группам занятий по странам в 2018 г., %

	Показатель	Россия	Франция	Германия	США
1	Руководители	6,6	6,8	3,8	10,3
2	Специалисты высшего уровня квалификации	24,6	17,6	16,3	22,6
3	Специалисты среднего уровня квалификации	12,9	20,9	23,0	14,3
4	Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,3	9,0	13,9	10,3
5	Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	16,0	15,8	14,1	18,2
6	Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	2,5	1,6	0,8	0,1
7	Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных видов занятий	13,4	7,8	12,5	8,4
8	Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	12,6	8,2	6,6	6,0
9	Неквалифицированные рабочие	8,1	12,3	8,4	9,8
	Итого:	100	100	100	100

Источник: Росстат. Для стран, кроме России, использованы данные, опубликованные на сайте Международной организации труда. URL: <https://www.ilo.org>

Для России высокая доля занятых низкоквалифицированным трудом (более 50% занятых в отрасли) характерна для «добычи полезных ископаемых», а также отраслей сферы услуг (торговли, транспорта, гостиничного и ресторанного сервиса, административной деятельности и пр.), деятельности домашних хозяйств и экстерриториальных органов и организаций (табл. 2).

В секторе «транспортировка и хранение» 50% занятых составляют операторы производственных установок и машин, сборщики и водители; в секторе «торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» почти 50% работников – продавцы и охранники.

Наименьшая доля работников, находящихся в зоне риска, наблюдается в отраслях «деятельность профессиональная, научная и техническая» (8,9%), «деятельность в области информации и связи» (14,6%) и «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (21,4%). Для сравнения: во Франции, Германии и США в отраслях сферы услуг также наблюдается высокая (>50%) доля занятых в зоне риска.

Таблица 2. Отраслевое распределение работников, находящихся в зоне риска в 2018 г., % от совокупной численности занятого населения в отрасли по странам

	Показатель	Россия	Франция	Германия	США
1	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	39,8	17,9	40,4	62,1
2	Добыча полезных ископаемых	52,3	47,9	47,1	46,3
3	Обрабатывающие производства	32,5	37,3	37,7	36,8
4	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	29,1	11,4	24,7	25,8
5	Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	45,0	59,9	58,2	53,3
6	Строительство	24,1	18,4	26,8	31,0
7	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	61,9	56,3	67,4	72,4
8	Транспортировка и хранение	69,0	72,6	79,4	66,4
9	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	68,1	82,1	86,9	77,5
10	Деятельность в области информации и связи	14,6	9,3	22,6	12,1
11	Деятельность финансовая и страховая	21,5	28,3	64,0	23,6
12	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	32,3	40,9	43,7	24,3
13	Деятельность профессиональная, научная и техническая	8,9	19,1	26,2	16,2
14	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	65,3	63,2	62,5	65,9
15	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	33,7	42,8	24,7	38,8
16	Образование	24,5	22,5	15,4	24,7
17	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	21,4	54,9	25,5	36,3
18	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	23,6	31,7	44,0	56,5
19	Предоставление прочих видов услуг	62,9	52,7	55,0	56,8
20	Деятельность домашних хозяйств как работодателей, недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств, деятельность экстерриториальных органов и организаций	76,9	89,3	91,9	98,2

Источник: Росстат, данные МОТ.

Данные таблиц 1 и 2 не дают оснований предполагать наличие критически значимых перекосов в структуре занятости в российской экономике. Рост доли отрасли «связь и телекоммуникации» в России при прочих равных приведет к росту спроса

на специалистов высокого и среднего уровня квалификации, тогда как сокращение отраслей транспорта и торговли в первую очередь снизит спрос экономики на средне- и низкоквалифицированную рабочую силу.

Изменение структуры производства – фактор, влияющий на потенциал изменения количества и структуры рабочих мест. Это весьма обширное понятие, которое подразумевает изменение и отраслевых технологий производства (структуры затрат), и отраслевых пропорций ВВП и выпуска. Воздействие этого фактора на сферу занятости в РФ можно продемонстрировать на примере динамики среднего по экономике числа занятых, обеспечивающих производство единицы конечного спроса (в среднем по отраслям, с учетом всей системы межотраслевых связей)³.

Рассчитав этот показатель в двух вариантах: 1) при неизменной структуре производства (структуре затрат и отраслевых пропорций конечного спроса), зафиксированной на уровне базового года, и 2) фактической за каждый год, можно выявить влияние структурных изменений в экономике на потребность в занятых.

Представленная на рисунке 1 динамика показателей демонстрирует, во-первых, снижение усредненной по отраслям потребности экономики в занятых для производства единицы конечной продукции более чем на треть за 2000–2015 гг., и во-вторых, весьма скромный вклад в эту динамику структурной компоненты. То есть главную роль сыграли технологические изменения, происходившие на внутриотраслевом уровне (например, постепенное внедрение трудосберегающих технологий или рост среднего уровня производительности труда).

³ Расчет производится на базе коэффициентов полных трудоемостей в разрезе отраслей экономики. Последний представляет собой произведение вектора прямых отраслевых трудоемостей и Леонтьевской матрицы и отражает количество занятых во всех отраслях экономики, обеспечивающих производство единицы конечного спроса (в денежном выражении) данной конкретной отрасли. Таким образом, при расчете коэффициентов полной трудоемкости учитывается вся система межотраслевых связей. Для расчета средней по экономике потребности в занятых для производства единицы конечного спроса рассчитывается средневзвешенная величина отраслевых полных трудоемостей, где в качестве весов фигурируют отраслевые величины конечного спроса. Статистической основой расчетов являются ряды межотраслевых балансов в сопоставимых ценах с исключением импортной составляющей из промежуточного и конечного потребления, разработанные в ИНП РАН [Узяков и др., 2006].

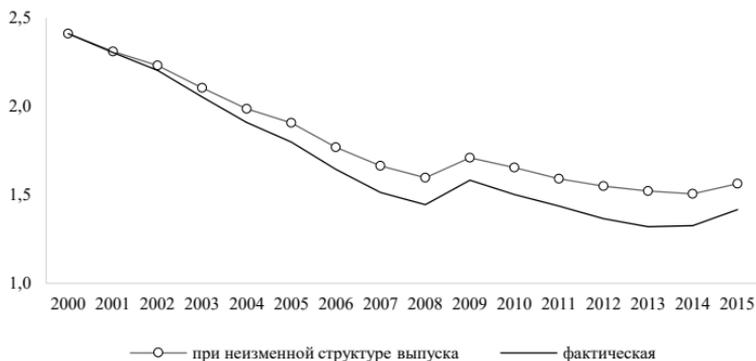

Рис. 1. Динамика среднего по экономике числа занятых, обеспечивающих производство единицы конечного спроса в 2000–2015 гг., чел. / млн руб.

Понятно, что средняя по экономике величина нивелирует особенности, которые могут в большей или меньшей степени проявляться на отраслевом уровне. Например, в промежуточном потреблении отрасли i в результате технологических изменений может произойти замещение продукции одной отрасли продукцией другой. В целом по экономике это практически не отразится на занятости (в случае, если эффект замещения коснулся отраслей со схожим уровнем трудоемкости), однако на отраслевом уровне эффект занятости проявится по-разному.

В этой связи при прогнозировании отраслевой динамики рабочих мест опасно недооценивать влияние структурных изменений производства на занятость. При прочих равных *рост доли в суммарном производстве относительно менее трудоемких отраслей* будет *снижать общую трудоемкость* экономики и, следовательно, сокращать спрос на рабочую силу.

Глубина межотраслевых связей в экономике является еще одним немаловажным фактором перспективной динамики рабочих мест. Чем глубже та или иная отрасль встроена в эту систему, тем сильнее скажется изменение ее выпуска на занятости в смежных отраслях. Данные Росстата об отраслевой занятости такого представления не дают. Поэтому для оценки межотраслевой структуры занятости мы использовали показатель числа продуцируемых рабочих мест в смежных отраслях, рассчитанный на базе межотраслевого баланса (МОБ) (табл. 3).

Таблица 3. Матрица межотраслевых трудовых затрат (по вертикали: число рабочих мест (занятых) в смежных отраслях на 100 рабочих мест отрасли; по горизонтали: число рабочих мест в отрасли, продуцируемых в ней другими отраслями на каждые 100 рабочих мест), 2015 г.

	Отрасль	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	100	0,8	12,8	0,5	0,2	0,7	6,6	0,3	0,2	0,7	0,2	0,4
2	Добыча полезных ископаемых	0,3	100	4,0	4,1	1,1	0,4	0,2	0,9	0,4	1,2	0,0	0,1
3	Обрабатывающие производства	3,8	24,1	100	10,1	18,5	6,0	9,0	8,6	4,6	8,8	0,5	2,9
4	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,8	18,3	6,0	100	2,1	1,6	1,0	4,1	2,9	3,7	0,5	1,0
5	Строительство	0,5	20,4	2,7	15,1	100	1,2	0,5	2,7	5,4	2,2	0,1	0,3
6	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	4,6	27,5	18,0	25,6	8,4	100	8,8	15,9	6,4	9,7	0,5	1,3
7	Гостиницы и рестораны	0,0	0,4	0,1	0,2	0,1	0,1	100	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
8	Транспорт	1,7	20,2	6,4	8,4	4,3	7,3	2,3	100	2,3	6,0	0,2	0,4
9	Связь	0,6	6,3	1,8	1,9	1,0	3,6	0,8	3	100	2,2	0,2	0,3
10	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2,1	34,0	9,4	16,1	5,7	9,0	3,1	14,7	13,9	100	1,5	3,5
11	Образование	0,0	0,4	0,2	0,4	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3	0,1	100	0,0
12	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	100
	Итого:	17	175	68	95	45	33	35	59	41	40	4	11

Источник: рассчитано автором на базе данных МОБ за 2015 г.

Наибольшим мультипликативным эффектом по занятости обладает добыча полезных ископаемых (на 100 рабочих мест непосредственно в этой отрасли приходится 175 занятых вне ее). Данные таблицы раскрывают отраслевую структуру этих рабочих мест: 34 из них приходится на отрасль «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», 27,5 – на торговлю, 20 – на транспорт.

Следом за ресурсодобычей по трудоемкости идут «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» и «обрабатывающие производства» (соответственно 95 и 68 рабочих мест в смежных отраслях на 100 занятых в отрасли).

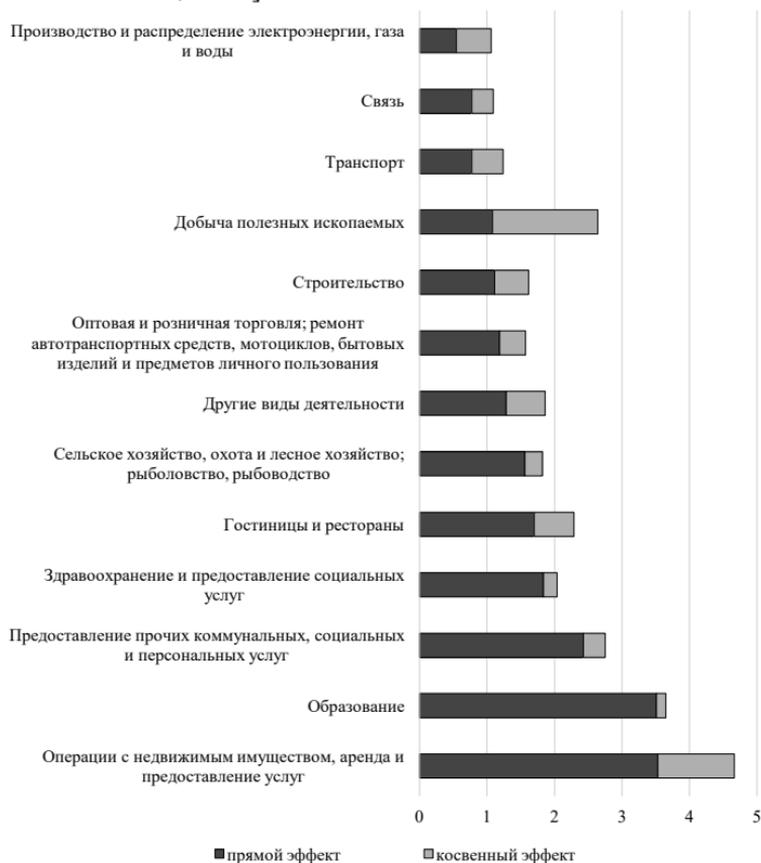
Обратим внимание: у половины из представленных в таблице агрегированных отраслей наибольшее количество смежных рабочих мест производится в торговле (шестая строка в таблице). Это отражает высокий удельный вес торговых услуг в структуре затрат этих отраслей и общий высокий уровень торговой наценки в российской экономике. При этом эффект мультиплицирования рабочих мест самой этой отрасли не так уж и велик: на 100 рабочих мест в ней приходится 33 рабочих места в смежных отраслях. То есть занятость в торговле скорее зависит от тех отраслей, которые она обслуживает, нежели производит занятость в других отраслях.

Наибольшее число рабочих мест на транспорте производится добычей полезных ископаемых. При этом сам транспорт инициирует в смежных отраслях чуть менее 60 рабочих мест на каждые 100 своих работников (что в два раза превышает аналогичную величину в торговле). В отрасли «связь» наибольший удельный вес рабочих мест (6,3) также производится добывающими отраслями; количество рабочих мест в смежных отраслях, приходящихся на 100 рабочих мест в отрасли «связь», составляет 41.

Представленные в таблице 3 соотношения отражают межотраслевую структуру рабочих мест (занятости). Но они не совсем пригодны для анализа влияния динамики выпуска той или иной отрасли на занятость в экономике. Гораздо лучше для этих целей подходят показатели, отражающие количество рабочих мест, обеспечивающих производство выпуска в объеме 1 млн руб. а) непосредственно в отрасли (прямой мультипликатор занятости) и б) в смежных отраслях (косвенный мультипликатор занятости) (рис. 2).

Прямой мультипликатор занятости – это не что иное, как коэффициент прямой трудоемкости отрасли (отношение численности занятых в отрасли на ее выпуск). Косвенный мультипликатор рассчитывается на базе вектора прямых трудоемкостей и Леонтьевской матрицы. Коэффициенты, измеряющие прямой и косвенный эффект, по своему содержанию не совсем

соответствуют понятию мультипликатора, однако в западной литературе они носят именно такое название [Bivens, 2019; Baker and Thea, 1993].

Примечание. На графике не отражена отрасль «Обрабатывающие производства», однако она имеет наибольший прямой (19,5) и косвенный (8,4) мультипликативный эффект на занятость.

Рис. 2. Отраслевые мультипликаторы занятости (рабочих мест) в 2015 г., чел./млн руб. конечного спроса

Мультипликаторы занятости позволяют установить, как изменение конечного спроса в той или иной отрасли, при прочих равных, скажется на занятости в самой отрасли и в смежных с ней секторах.

Среди укрупненных отраслей экономики наибольшим суммарным мультипликативным эффектом обладают отрасли

«операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «образование», а также «предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг». Отрасли «связь» и «транспорт» имеют одни из самых низких совокупных мультипликативных эффектов занятости, то есть ни сокращение, ни увеличение выпуска в этих секторах не может кардинально отразиться на занятости в экономике.

Косвенный мультипликативный эффект заметно выше по сравнению с другими отраслями у секторов «добыча полезных ископаемых», а также «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». Наименьшим косвенным мультипликативным эффектом обладает отрасль «образование».

Оценка изменений спроса на труд под влиянием структурно-технологических изменений. Для оценки воздействий на сферу занятости процессов электрификации, автоматизации и цифровизации в ИПП РАН был разработан сценарий развития экономики до 2030 г. на базе межотраслевой модели RIM (Russian interindustry model) [Широв, Янговский, 2017].

Соответствующие процессы отражены в модели «затраты-выпуск» в виде изменения структуры затрат отраслей, и в первую очередь – в виде уменьшения удельных торгово-транспортных затрат (снижение строки коэффициентов затрат отраслей «транспортировка и хранение» и «оптовая и розничная торговля, ремонт») и увеличения удельного веса затрат на продукцию и услуги IT-компаний (рост строки коэффициентов затрат отрасли «связь и телекоммуникации»). Отметим, что изменение технологии производства затронуло только часть отраслей, тогда как в других она осталась неизменной. Параллельно был разработан сценарий без учета активного внедрения электрификации, автоматизации и цифровизации (базовый сценарий). Это позволило оценить вклад этих процессов в изменение отраслевой структуры выпуска.

На рисунке 3 показаны отрасли, у которых наблюдаются наибольшие различия в объеме выпуска между двумя сценариями. Как и следовало ожидать, в результате технологических изменений снизится выпуск в секторах услуг («транспортировка и хранение», «другие предпринимательские общественные, социальные и частные услуги», «оптовая и розничная торговля, ремонт», «здравоохранение»). Кроме того, заметно

снизятся объемы выпуска в отраслях «текстильное и швейное производство», «обработка древесины и производство изделий из дерева». Увеличится по сравнению с базовым сценарием выпуск в отраслях «связь и телекоммуникации» и «производство транспортных средств и оборудования».

Рис. 3. Динамика отраслевой структуры выпуска под воздействием технологических изменений, сравнение с базовым сценарием, 2030 г., %

Сравнив два сценария прогноза, мы рассчитали, что в результате цифровизации в целом по экономике сократится примерно 1,2 млн рабочих мест (наибольшее сокращение – в транспорте и торговле, за ним – в сферах обслуживания, торговли, охраны граждан и собственности; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей.); при этом появятся 120 тыс. новых рабочих мест прежде всего в секторе «деятельность в области информации и связи» (табл. 4). В столбце «прочие» аккумулированы следующие группы занятий: квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства, квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных видов занятий, а также операторы производственных установок и машин, сборщики и водители.

Таблица 4. Изменение спроса на труд, согласованное в разрезе отраслей и групп занятий в 2030 г., тыс. чел. (сравнение с базовым сценарием)

	Показатель	Руководители	Специалисты высшего уровня квалификации	Специалисты среднего уровня квалификации	Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	Неквалифицированные рабочие	Прочие	Итого
1	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,7	0,9	0,8	0,2	0,3	2,5	10	15,5
2	Добыча полезных ископаемых	-0,6	-1,2	-0,9	-0,2	-0,2	-0,5	-5,9	-9,6
3	Обрабатывающие производства	0,6	1,4	0,8	0,2	0,2	0,9	4,6	8,7
4	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-1,5	-4,7	-3,2	-0,8	-0,5	-1,6	-12,2	-24,5
5	Строительство	1,3	2,1	1,5	0,1	0,2	1,6	9,3	16,2
6	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	-39	-39,8	-46,8	-6,8	-185	-28,9	-47,4	-393,7
7	Транспортировка и хранение	-24,4	-39	-34,1	-41,5	-26,7	-21,9	-273	-460,7
8	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,9	-0,7	-1,8	-0,2	-7,1	-1,6	-0,6	-13
9	Деятельность в области информации и связи	6,8	41,2	11,5	6,1	1,9	1	8,4	77
10	Деятельность финансовая и страховая	-2,3	-10,8	-4,3	-2,8	-1	-0,3	-0,5	-22
11	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-1	-2,3	-2,5	-0,7	-0,4	-2,1	-3,9	-12,8
12	Деятельность профессиональная, научная и техническая	-1	-7,9	-1,7	-0,3	-0,2	-0,3	-0,7	-12,3
13	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,1	0,6	0,3	0,1	0,3	0,1	0,1	1,6
14	Образование	-0,5	-7,4	-0,4	-0,3	-1,2	-1,1	-0,3	-11,1
15	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-3,8	-39,2	-55,4	-2,3	-12,4	-8,1	-6,2	-127,4
16	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	-10	-26	-19,6	-5,4	-51,9	-13,7	-13,8	-140,3

В расчетах не рассматривался сценарий изменения отраслевых трудоемкостей. Можно предположить, что процессы цифровизации изменят технологии производства, и это приведет к изменению отношений между затратами труда и капитала в целом по экономике и в отдельных ее отраслях, увеличивая их капиталоемкость и снижая трудоемкость, благодаря частичной автоматизации ряда производственных процессов.

В связи с более интенсивным замещением труда капиталом в сценарии цифровизации экономики и повышением производительности труда, количество «избыточных» рабочих мест, вполне возможно, будет несколько больше тех оценок, которые получены в статье.

Кроме того, в расчетах не учтен потенциал создания рабочих мест в результате развития отечественной базы производства информационно-коммуникационных технологий и связанного с этим импортозамещения. Следует полагать, что в этом случае будет расширяться спрос на рабочую силу как со стороны сектора ИКТ, так и в смежных отраслях.

Наконец, отметим, что в данной статье для большей наглядности и краткости изложения часто идентифицируются рабочие места и занятость, что на самом деле не совсем корректно: для отчетного периода численность занятых и численность рабочих мест не равны друг другу из-за существования вторичной, третичной занятости. При необходимости более глубокого анализа это можно учитывать через поправочные коэффициенты.

Ключевые выводы

В статье проведен анализ основных факторов, которые в наибольшей степени определяют перспективные количественные и структурные изменения занятости на российском рынке труда, вызванные процессами автоматизации и цифровизации. К ним относятся текущие отраслевая и по группам занятий структура занятости, структура производства и выпуска, глубина межотраслевых связей. Так, около 40% занятых в 2018 г. относилась к группам занятий, которые в первую очередь подвержены риску автоматизации, что на первый взгляд создает высокие риски роста безработицы в будущем. Проведенные межстрановые сопоставления не дают оснований предполагать наличие критически значимых перекосов в отраслевой и по группам занятий структуре занятости в российской экономике.

В проведенном исследовании показано, что на ретроспективном периоде технологические изменения, которые происходили на внутриотраслевом уровне, оказывали влияющее воздействие на изменение потребности в занятых в целом по экономике в отраслевом разрезе, тогда как изменение структуры производства вносило меньший вклад.

Под цифровизацией в исследовании понимается внедрение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы деятельности через сокращение удельных торгово-транспортных затрат в совокупной структуре затрат отраслей. Поэтому для того, чтобы отразить влияние этих процессов на изменение количества и структуры занятости, в исследовании сделана оценка межотраслевой структуры трудовых затрат в российской экономике и связанные с ней мультипликативные эффекты занятости. С одной стороны, отрасли «связь», «транспорт» и «торговля» имеют низкий по сравнению с другими отраслями потенциал индуцирования рабочих мест в смежных отраслях. Это дает основание предполагать, что в обозримой перспективе не следует ждать кардинальных изменений в спросе на труд в экономике в связи с изменением выпуска в этих отраслях. С другой стороны, например, занятость в отрасли «торговля» в большей степени зависит от других отраслей (обслуживает их), нежели продуцирует занятость в других отраслях, что отразится на ней в случае существенных изменений объемов выпуска в смежных отраслях.

Как показали проведенный анализ и прогнозные расчеты, технологические изменения в экономике и, в частности, цифровизация не окажут мгновенного эффекта на рынок труда в виде резкого и обвального сокращения рабочих мест. Это будет растянутый во времени процесс, что дает возможность населению, бизнесу и государству адаптироваться под новые условия, привести в соответствие образовательные стандарты и скорректировать квалификационные характеристики рабочей силы под потребности экономики.

Кроме того, по нашим расчетам, более половины общего сокращения рабочих мест коснется тех из них, которые отличает низкий уровень производительности труда, что является скорее положительным, нежели отрицательным следствием технологических изменений. Это позволит снизить потребность российской экономики в низкоквалифицированных иностранных трудовых мигрантах и повысить эффективность использования отечественной рабочей силы.

Литература

Белусов Д. Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики / V Санкт-Петербургский экономический конгресс «Форсайт Россия: новое индустриальное общество. Будущее» (СПЭК-2018). [Эл. ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

Ганчев Н. А., Кошовец О. Б. Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. 2020. № 2. С. 8–36. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36.

Капелюшников Р. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017 (11). С. 111–140.

Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 66.

Узяков М. Н., Маслов А. Ю., Губанов А. Ю. О разработке обновленной версии рядов межотраслевых балансов РФ в постоянных и текущих ценах за 1980–2004 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А. Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 648–655.

Широв А., Янтовский А. Межотраслевая макроэкономическая модель RIM – развитие инструментария в современных экономических условиях // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 3–17.

Baker D. and Thea M. Lee Employment Multipliers for the U.S. Economy. Economic Policy Institute Working Paper no. 1993. № 107. P. 1–27.

Bivens J. Updated Employment Multipliers for the U.S. Economy. Economic Policy Institute Working. 2019. [Эл. ресурс] URL: <https://www.epi.org/publication/updated-employment-multipliers-for-the-u-s-economy/>

Frey C., Osborne M. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280.

OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work. [Эл. ресурс] URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9ee00155-en/index.html?itemId=/content/publication/9ee00155-en> (дата обращения 18.02.2020).

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 16.04.2020.

Для цитирования: *Единак Е. А.* Влияние структурных изменений в экономике на динамику рабочих мест // ЭКО. 2020. № 6. С. 131-148. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-131-148.

Summary

Edinak, E. A., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow

The Impact of Structural Changes in the Economy on Job Dynamics

Abstract. The paper considers the impact of digitalization on the Russian labor market analyzing factors that most determine the vector of changes. Among such factors are sectoral and occupational group structure of employment, changes in the production structure and intersectoral relations. It is shown that the average

economic demand for workers involved in production of end-use product unit has been decreasing since the 2000s and factors of this decline are investigated. At the level of the economy as a whole, technological changes that occur at the intra-industry level dominate the structural component (change in the production structure). Direct and indirect employment multipliers by industry are calculated. Based on an intersectoral approach, estimates of job reduction and creation in the economy by 2030 as a result of digitalization have been obtained. The estimates show that digitalization processes will not lead to sharp and landslide job cuts in the Russian labor market.

Keywords: *employment; digitalization; labor market; jobs; structure; intersectoral relations; production; structural changes*

References

Baker, D. and Thea, M. Lee (1993). Employment Multipliers for the U.S. Economy. *Economic Policy Institute Working Paper*. No. 107. Pp. 1–27.

Belousov, D. The development of the digital ecosystem: direct and indirect effects for the economy / V St. Petersburg Economic Congress “Foresight Russia: a new industrial society. The Future” (SPEC-2018). Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (accessed 25.02.2020). (In Russ.).

Bivens, J. (2019). Updated Employment Multipliers for the U.S. Economy. Economic Policy Institute Working. Available at: <https://www.epi.org/publication/updated-employment-multipliers-for-the-u-s-economy/>

Frey, C. and Osborne, M. (2017). *The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation?* Technological Forecasting and Social Change. Vol. 114. Pp. 254–280.

Ganichev, N.A., Koshovets, O.B. (2020). Quantifying the Digital Economy: Between Reality and Design. *ECO*. No. 2. Pp. 8–36. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36.

Kapeliushnikov, R. (2017). Is technological change a devourer of jobs? *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 111–140. (In Russ.).

Odegov, Yu.G., Pavlova V.V. (2018). New Technologies and Their Impact on the Labour Market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 2 (208). P. 66. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10015

OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9ee00155-en/index.html?itemId=/content/publication/9ee00155-en> (accessed 18.02.2020).

Shirov, A., Yantovskii, A. (2017). RIM interindustry macroeconomic model: Development of instruments under current economic conditions. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 28. Issue 3. P. 241–252.

Uzyakov, M.N., Maslov, A. Yu., Gubanov, A. Yu. (2006). Elaboration of a new version of input-output tables of RF in constant and current prices over 1980-2004. Scientific papers: Institute of economic forecasting of RAS / edited by A.G. Korovkin. Moscow. MAX Press Publ. Pp. 648–655. (In Russ.).

For citation: Edinak, E.A. (2020). The Impact of Structural Changes in the Economy on Jobs Dynamics. *ECO*. No. 6. Pp. 131-148. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-131-148.

Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая^{1,2}

Д.А. ФОМИН, кандидат экономических наук. E-mail: fomin-nsk@yandex.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск
ORCID-0000-0002-4337-3697

Аннотация. На примере статьи Б.Л. Лавровского, Е.А. Горюшкиной, Е.А. Шильцина «Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество» критически рассматриваются взгляды современных российских экономистов, ставящих под сомнение необходимость наращивания инвестиционных ресурсов и считающих возможным экономическое развитие России за счет повышения интеллектуальной составляющей и инновационного развития. Приводится сравнение российской нормы накопления и среднемирового значения по международным ценам, результаты которого говорят о необходимости роста инвестиций в российскую экономику, как минимум, в два раза. На примере ведущих экономик мира показано, что в долгосрочной перспективе темпы роста капитала опережают темпы роста ВВП, а предельная капиталоемкость имеет тенденцию к повышению, что свидетельствует о непреходящей и повышающей роли капитала как фактора развития экономики. Влияние научно-технического прогресса и инноваций на инвестиционный процесс анализируется с позиции теории созидательного разрушения Й. Шумпетера, согласно которой прогресс, воплощаемый в инновациях, создает спрос на новые товары и требует новой материальной базы для их производства и, соответственно, инвестиций. При этом традиционные товары лишаются спроса, а существующие активы по их производству оказываются невостребованными. Показано, что с позиции теории созидательного разрушения считать инновации фактором, ограничивающим потребность в инвестициях, нет никаких оснований.

Ключевые слова: инвестиции; инновации; макроэкономика; норма накопления; темпы роста; созидательное разрушение; моральный износ

Введение

Когда-то считалось, что наука должна вносить ясность в окружающий мир, делать его более понятным и предсказуемым. Научная логика и академический способ организации разрозненных фактов в единое целое должны были создавать

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.170.1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности», № АААА-А17-117022250127-8.

² Данная работа представляет собой размышления над статьей: Б.Л. Лавровского, Е.А. Горюшкиной, Е.А. Шильцина [Лавровский и др., 2019].

гармоничный и внутренне непротиворечивый образ мира. При этом речь, разумеется, не шла о единстве взглядов ученых или однородности научных школ. Ничего подобного в науке не было, да и быть не должно. Дело в принципиальности занимаемой позиции, готовности ее защищать и вести диалог с оппонентами. К сожалению, все это осталось в далеком прошлом. Сегодня многие авторы пишут так, как будто научной истины больше не существует. Осталась лишь точка зрения на то, что считать истиной. И таких точек зрения может быть много. Даже если речь идет об одном авторе или тексте одной статьи. Похоже, никого сегодня не смущает, что научные статьи полны сомнений, противоречий, отвлечений на посторонние темы.

В рассматриваемой работе Б.Л. Лавровского, Е.А. Горюшкиной и Е.А. Шильцина есть много правильного и верного. В принципиальном моменте статьи я, пожалуй, соглашусь с авторами: действительно, экономический рост требует качественных и системных инвестиционных решений. Но не соглашусь с авторской позицией, противопоставляющей качество инвестиций их количеству. Авторский уход в тему качества не должен отменять проблему количества (достаточности) инвестиций в российскую экономику. Пожалуй, это самая главная моя претензия к авторам.

Что хотели сказать авторы?

Не берусь ответить на этот вопрос. Судя по названию, рецензируемая работа посвящена роли инвестиций в экономическом росте. Как авторы определяют эту роль? Считают ли они необходимым увеличение инвестиций в экономику РФ для ее роста? Или считают текущий уровень инвестиций в экономику РФ достаточным? Об этом в статье ничего не говорится. Вместо поисков ответов на эти вопросы авторы занимаются рассуждениями на инвестиционную тематику, причем рассуждениями весьма разноплановыми.

Значительная часть их работы посвящена описанию кризисного состояния инвестиций в экономике РФ. Авторы отмечают более чем трехкратное падение доли России в мировом объеме инвестиций с 1990 г. по 2016 г. (С. 130), старение производственного оборудования, деградацию материальной инфраструктуры (С. 131). В статье есть ссылки на работы экономистов (С.Ю. Глазьева, К.К. Вальтуха), в которых говорится о необходимости роста

инвестиций. Эти работы Б. Л. Лавровский, Е. А. Горюшкина, Е. А. Шильцин цитируют, но не критикуют, а их результаты не оспаривают. Казалось бы, вывод из представленных авторами материалов более чем очевиден: экономике России необходимо резкое наращивание инвестиций. Но нет, такой вывод авторы не делают.

Примечательно, что один из авторов рассматриваемой статьи в начале 1990-х годов публиковал работы, в которых связывал кризис советской и постсоветской экономики с недостаточным объемом инвестиций [Лавровский, 1991; Лавровский, Рыбакова, 1994]. По сравнению с позднесоветским временем ситуация с инвестициями не стала лучше. Российская экономика за весь период своего существования так и не смогла достичь объема инвестиций поздней РСФСР: максимум спада пришелся на 1998 г. (24,7% от уровня 1991 г.), минимум – на 2012 г. (79,2% от уровня того же года)³.

После констатации инвестиционного кризиса авторы сводят свои дальнейшие рассуждения к тому, что «не все так просто» (С. 126) и, в конечном счете, к ряду тезисов. Во-первых, для инвестиций нужно создавать условия. Если условий нет, то результаты инвестиционной деятельности оказываются «весьма разочаровывающими» (С. 126). Во-вторых, мировой опыт свидетельствует о возможности высокого (то есть выше среднемирового) экономического роста в условиях низкой (ниже среднемировой) нормы накопления. В-третьих, в современной экономике инновации улучшают соотношение инвестиционных затрат и показателей производительности, тем самым выступая в качестве «преграды чрезмерным инвестиционным аппетитам» (С. 132). Имеет смысл рассмотреть эти тезисы более подробно.

Большие инвестиции

«Большие батальоны всегда правы» – авторство этой фразы, в зависимости от отсутствия или наличия патриотизма, приписывают Наполеону Бонапарту или Александру Суворову. В ней говорится о результативности и эффективности ресурсов, о возможностях компенсации их недостающего качества количеством.

³ Российский статистический ежегодник. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994>

В своих теоретических рассуждениях авторы статьи считают экономический рост невозможным, если для инвестиций не созданы соответствующие условия (С. 126). Само по себе такое утверждение звучит довольно странно. Ведь любые, сколько-нибудь значимые по своему объему инвестиции требуют определенного обеспечения: финансовых ресурсов, квалифицированных кадров, проектных институтов, мощностей по производству инвестиционных товаров и услуг, часто иностранной помощи. Если всего этого нет, то инвестиции (то есть конвертация инвестиционных ресурсов в инвестиционные объекты) в принципе невозможны. Тем не менее в качестве примеров таких провалов называются Большой скачок в Китае и советское сельское хозяйство второй половины 1950-х годов (С. 126). Не готов спорить с авторами о последствиях экономических реформ в Китае. А вот второй пример, вследствие наличия профильного аграрного образования, мне неплохо знаком.

Действительно, во второй половине 1950-х годов сельскому хозяйству в СССР было уделено большое внимание. Причиной была хроническая неспособность аграрного сектора обеспечить пищевую и легкую промышленность достаточным количеством сырья, а также катастрофическое отставание сельского хозяйства по уровню механизации, электрификации и химизации от ведущих стран мира. В годы шестой пятилетки (1956–1960 гг.) объем капитальных вложений в сельское хозяйство СССР достиг 28,5 млрд руб. в ценах 1969 г. Это было в 1,9 раза выше по сравнению с годами пятой пятилетки (1951–1955 гг.), когда оно получило 14,7 млрд руб.⁴ Инвестиционный лаг в советском сельском хозяйстве составлял не менее 5–7 лет. Это время, которое необходимо для подготовки кадров, развертывания промышленных мощностей по выпуску сельскохозяйственной техники и оборудования, проектирования и строительства производственной инфраструктуры в сельской местности, проведения мелиоративных работ, создания племенного и рабочего стада. Значит, отдача в виде увеличения производства аграрной продукции вследствие роста капитальных вложений в годы шестой пятилетки должна была состояться в начале второй половины 1960-х годов. Именно это и произошло. Если принять уровень валовой продукции сельского хозяйства СССР 1955 г. за 100%,

⁴ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1971. С. 359.

то в 1966 г. объем производства составил 163,1%⁵. Статистически считать инвестиционную политику в сельском хозяйстве СССР в годы шестой пятилетки провальной нет оснований.

Также в этой связи стоит вспомнить судьбу самого крупного инвестиционного проекта того периода – освоения целинных и залежных земель (начатого в середине 1950-х годов). Проект главным образом был осуществлен на территории современного Казахстана. До его реализации аграрной специализацией Казахстана было традиционное экстенсивное пастбищно-отгонное животноводство, после – современное интенсивное зерновое производство. Эта специализация до сих пор определяет облик Казахстана. По итогам 2019 г. Казахстан с выручкой около 1 млрд долл. находился в десятке стран – крупнейших экспортеров пшеницы⁶. Инвестиционный потенциал проекта до сих пор не исчерпан, а сам проект довольно успешно вписан в рыночную глобальную экономику XXI века.

Разумеется, для идеализации советской аграрной инвестиционной политики нет никаких оснований. После 1950-х годов эффективность сельского хозяйства неуклонно падала, а крупные инвестиционные проекты (вроде продовольственной программы 1982 г.) не давали достаточного эффекта [Ханин, 2008. С. 110, 263–266, 442–447].

Вообще, инвестиционная история советской экономики – это история конвертации крупных капитальных вложений в материальные производственные объекты методами штурмовщины на основе массовой мобилизации населения на ударные социалистические стройки. Такая практика была неэффективной (а в случае с сельским хозяйством – крайне неэффективной), но результативной. В конце концов, в экономике не так уж много проблем, которые нельзя было бы решить деньгами, точнее, большими деньгами. Залить проблему инвестициями, кадрами, вниманием высокого руководства – это типичное отечественное решение многих экономических (и не только) проблем. И сегодняшняя российская практика в этом отношении не может быть качественно иной, она в принципе не может существенно отличаться от позднесоветской практики.

⁵ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1971. С. 35.

⁶ Top-10 стран экспортеров пшеницы. [Эл. ресурс]. URL: <https://agroexpert.md/rus/analitika/top-10-stran-eksporterov-pshenitsy>

Если сегодняшняя российская экономика крайне неэффективно использует инвестиции, это означает, что она нуждается не в инвестициях как таковых, а в очень больших инвестициях, способных перекрыть издержки этой неэффективности. Провалы и ошибки в инвестировании нужно рассматривать исключительно с точки зрения их предопределенности и неизбежности. Здесь все банально: не ошибается только тот, кто ничего не делает. Очевидно, что чем больше будет инвестиционных дел, тем меньше будет инвестиционных ошибок. А вот разговоры на тему «создания условий для инвестиций», которые ведутся на протяжении всего постсоветского времени, российской экономике помочь ничем не могут.

Догнать и перегнать Пакистан

Следующий тезис авторов, призванный предостеречь инвесторов от избыточной активности, заключается в отсутствии связи между нормой накопления и темпами экономического роста. В качестве доказательной базы приводятся данные группы стран, которые имеют довольно высокий темп прироста ВВП при низкой норме накопления (С. 127). Безусловным лидером среди них является Пакистан, у которого в 1961–2016 гг. была самая низкая среднегодовая норма накопления – 16,2% (что ниже мировой нормы на 7,8 п.п.) и самый высокий среднегодовой темп прироста ВВП на уровне 5,2% (выше мирового уровня на 1,7 п.п.). С точки зрения эффективности инвестиций, судя по этим данным, Пакистан – явный мировой лидер.

К сожалению, авторы анализируют не экономические явления и процессы, а исключительно экономические показатели, не задумываясь о степени соответствия вторых первым. Низкая доля накопления с высокой динамикой прироста ВВП означает высочайшую, по мировым меркам, фондоотдачу капитала. Вряд ли это характерно для того же Пакистана, ведущей отраслью экономики которого является сельское хозяйство. Конечно, в мире существует опыт стран, создающих высокую добавленную стоимость при минимальных значениях капитала. Если бы авторы изучили и обобщили такой опыт, а также указали возможности его использования в России, это была бы чрезвычайно полезная и нужная работа. Но чего нет, того нет.

Если уж речь зашла о норме накопления, то мировой опыт все-таки может быть полезен для понимания инвестиционной ситуации в России. Сравнение России с мировой практикой накопления капитала полезно, как минимум, по двум причинам. Во-первых, сравнение позволяет понять, соответствует ли российская норма накопления показателям других стран. Во-вторых, можно узнать, насколько велико это несоответствие и тем самым выявить размер необходимого увеличения нормы накопления и роста инвестиций в российскую экономику. Однако использование этого опыта имеет существенную особенность, которая ускользает от подавляющего числа экономистов. Здесь требуется дать пояснение.

Норма нормы

Если сравнивать Россию с другими странами по норме накопления, то и использовать нужно не российские цены, а мировые, дифференцированные по элементам конечного использования ВВП. Отечественные цены имеют разное происхождение, а их соотношение деформировано по сравнению с ценами мирового рынка.

Исчислением соотношений мировых и национальных цен занимается европейское статистическое сообщество в рамках программы международного сопоставления ВВП по паритетам покупательной способности (ППС), поскольку официальный обменный курс для этого малопригоден. Во-первых, обменный курс определяется только по экспортно-импортным товарам, но не по всей совокупности товаров и услуг, произведенных в стране. Во-вторых, чем беднее страна, тем большим будет отставание внутренних цен от мировых, а также расхождение между исчисленным курсом по ППС и официальным валютным курсом. Объясняется это тем, что в бедных странах, оторванных от глобальных рынков, больше неквалифицированного труда и меньше капитала. Поэтому многие товары и услуги проще производить внутри страны, а стоить они будут дешевле [Пикетти, 2015. С. 81]. По мере экономического развития страны и ревальвации национальной валюты разница между расчетным курсом по ППС и официальным валютным курсом должна сокращаться. Но в России ничего подобного не происходит, разрыв велик и стабилен.

В последний раз детализированные международные расчеты по сопоставлению мирового и российского ВВП выполнялись

для 2014 г. Помимо паритета ВВП, статистические организации традиционно рассчитывают паритеты по конечному потреблению домашних хозяйств и валовому накоплению основного капитала. При этом внутри отдельных элементов, характеризующих использование ВВП, наблюдается существенное колебание ППС. Чем больше элемент конечного спроса определяется импортными поставками, тем ближе его мировая цена к официальному валютному курсу, и наоборот – чем в большей степени потребление определяется внутренним производством, тем большим будет расхождение внутренней цены и обменного курса. Вследствие слабости российского инвестиционного комплекса потребности экономики в инвестиционных товарах и услугах удовлетворяются главным образом за счет импорта, что предопределяет близость ППС по валовому накоплению основного капитала к официальному валютному курсу. В 2014 г. официальный обменный курс американского доллара составлял 37,97 руб.; паритет покупательной способности в целом по ВВП – 21,80; по конечному потреблению домашних хозяйств – 19,38 и по валовому накоплению основного капитала – 30,14 руб.⁷

После определения соотношения российских и мировых цен можно перейти к непосредственному расчету нормы накопления исходя из официальных значений размера российского ВВП и компонентов его использования (табл. 1).

Таблица 1. Расчет структуры использования ВВП по результатам международного сопоставления его элементов, 2014 г.

Показатель	Фактическое значение в текущих национальных ценах, млрд руб.	Удельный вес в структуре ВВП в национальных ценах, %	Паритет покупательной способности, руб./долл.	Фактическое значение по ППС, млрд долл. США	Удельный вес в структуре ВВП по ППС, %
ВВП	79199,7	100,0	21,8	3633,0	100,0
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	48514,7	61,3	19,38	2503,3	68,9
Валовое накопление основного капитала	16216,2	20,5	30,14	538,0	14,8

Источник: Национальные счета России-2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm

⁷ Национальные счета России-2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm

Как видим, вследствие разницы паритетов норма накопления, рассчитанная в мировых ценах, гораздо ниже того же показателя, определенного в российских ценах. И вместе с тем очевидно, что удельный вес накопления основного капитала, рассчитанный по мировым паритетным ценам с учетом многообразия мирового экономического опыта, наиболее точно и правильно отражает частные реалии российской экономики.

Каким образом можно интерпретировать рассчитанную норму накопления в размере 14,8% в 2014 г.? Для российской экономики это своего рода успех. В предыдущие годы норма была значительно ниже: в 1999 г. – 9,4%; в 2002 г. – 10,1; в 2005 г. – 12,5; в 2008 г. – 13,9 и в 2011 г. – 13,0% [Ханин, Фомин, 2014. С. 70]. Средняя же норма накопления российской экономики в мировых ценах за годы, по которым был рассчитан ППС, составила 12,3%. Однако сравнение этой величины со среднемировым значением не дает оснований для оптимизма. В 2014 г. средняя норма накопления стран мира, по данным Всемирного банка, составила 23,7%⁸. Российская норма накопления не просто низкая, она беспрецедентно мала, по мировым меркам, причем это отставание продолжается на протяжении длительного времени.

Какова должна быть норма накопления российской экономики с учетом мировых пропорций конечного распределения ВВП? Очевидно, что выше среднемирового уровня, исходя из следующих соображений.

Высокие соображения

Прежде всего, повышенная норма накопления объясняется климатическими и пространственными особенностями российской экономики. В широко известной книге Ф. Хилл и К. Гэдди приводятся данные (далеко не полные) о стоимости адаптации экономики Канады к холоду. Эксперты оценили затраты, связанные с неблагоприятными климатическими и географическими условиями, в 1,7% ВВП страны [Хилл, Гэдди, 2007. С. 60]. Понятно, что валовые накопления в дополнительных климатических издержках будут выше по сравнению с текущим потреблением государства и домашних хозяйств. К тому же естественные условия в России хуже, чем в Канаде. Так что превышение нормы

⁸ Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS>

накопления по сравнению со среднемировым уровнем на 1,7 п.п. (или на 7% в относительном исчислении) является минимальной оценкой.

Необходимость более высокой нормы накопления объясняется также соображениями военной безопасности России как страны с самой большой в мире территорией. С принятием в 2008 г. новой редакции системы национальных счетов расходы на приобретение военной техники (средств разрушения) и строительство военных объектов учитываются как валовое накопление капитала⁹. Стоит напомнить, что в 2014–2016 гг. Россия входила в пятерку стран с наибольшими военными расходами, их относительная величина составляла в среднем 3,8% ВВП¹⁰. При этом в мире средние расходы на оборону в эти три года равнялись 2,2% ВВП¹¹. Росстат не раскрывает сведений о размере военных капитальных затрат, но, по заслуживающим доверия оценкам экспертов, они достигают 70% всех военных расходов¹². То есть российские военные расходы выше среднемировых на 1,6 п.п., в том числе капитального характера – на 1,1 п.п.

Наконец, третье соображение основано на колоссальных потерях капитала за постсоветский период. Низкая норма накопления (о чем свидетельствуют, в частности, и приведенные выше оценки) неизбежно приводит к сокращению основного капитала. По нашим с Г.И. Ханиным расчетам, за период с 1991 г. по 2015 г. российская экономика потеряла 26,8% физического объема основных фондов по полной стоимости и 50,4% – по остаточной [Фомин, Ханин, 2017. С. 31].

Снижение объемов материального накопления вследствие недостатка инвестиций сказывается на объемах производства. Согласно тем же нашим расчетам, ВВП России в 2015 г. сократился по сравнению с 1991 г. на 10,2% [Ханин, Фомин, 2017. С. 73]. Тем не менее падение объемов производства было ниже по сравнению с сокращением основных фондов.

⁹ Система национальных счетов, 2008 г., Европейская комиссия, ООН, МВФ, ОЭСР, ВБ, Нью Йорк, 2012. С. 137, 235.

¹⁰ Финансы России. 2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2018. С. 25–30.

¹¹ Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS>.

¹² Агеева О., Ткачев И., Старостина Ю. Секретная часть ВВП достигла 4,9 трлн руб. Как в национальных счетах России оказались сокрыты вооружения и разработки. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/08/2019/5d5ff9129a79472cfd85d1a>

Любая экономика компенсирует недостающий объем инвестиций тремя способами: за счет более эффективного использования имеющегося основного капитала, роста уровня его износа и перехода на массовый ручной труд. Российская экономика в этом отношении не исключение. По нашим расчетам, в 2015 г. ее фондоотдача выросла на 26,8% по сравнению с 1991 г., а уровень износа фондов увеличился с 42,2% до 65,1%, то есть на 22,9 п.п. [Ханин, Фомин, 2017. С. 71].

Что же касается тех данных об уровне износа фондов, которые публикуются в статистических сборниках и которыми потом оперируют многие российские экономисты (в том числе и авторы рецензируемой статьи (С. 131), они являются не чем иным, как обобщенными учетными данными субъектов экономики. Учетная практика организаций не имеет ничего общего со статистической макроэкономической оценкой износа фондов. Однако Росстат до сих пор не проводит комплекс работ, связанных с измерением реального накопленного износа в российской экономике. По этой причине, например, динамический индекс физического объема основных фондов Росстат считает по их полной стоимости, хотя в мировой практике динамика капитала считается по остаточной стоимости фондов.

Наконец, третий компенсационный фактор был задействован в виде массового вовлечения в экономику иностранной (как правило, нелегальной) рабочей силы. Количество работников российской экономики в 2015 г. превзошло позднесоветский уровень на 28,5% (опять же по нашим с Г.И. Ханиным оценкам).

Достаточно очевидно, что использование этих источников носит временный и затухающий характер. Своей верхней границы загрузки мощностей российская экономика достигла в первой половине 2008 г., после чего началось ее падение. Тогда же она вышла и на предельно возможный уровень износа фондов. Именно с 2008 г. недостаток капитала стал основным фактором, лимитирующим (точнее, блокирующим) экономическое развитие России.

Если даже экономика России и выйдет на среднемировой уровень накопления капитала, что само по себе было бы большим достижением, это будет означать и среднемировой уровень темпов экономического роста, а также и неизменность места России в мировой экономической иерархии. Если же мы хотим

улучшить свое место в мире и вернуть утраченные тридцать лет назад позиции, то и норма накопления должна быть существенно выше мировой.

С учетом высказанных соображений становится понятным, что норму накопления и, соответственно, размер инвестиций в российскую экономику нужно увеличить, как минимум, в два раза. Конечно, было бы серьезной ошибкой сводить предлагаемую инвестиционную политику исключительно к росту объемов вложений. Не менее серьезная задача заключается в изменении структуры инвестиций, большая часть которых, начиная с 2002 г., направляется не в отрасли материального производства, а в сферу рыночных услуг [Алексеев, Кузнецова, 2019. С. 985]. Перспективная инвестиционная политика должна сопровождаться смещением приоритетов со сферы распределения и потребления в сферу материального производства, прежде всего – в отрасли, обеспечивающие материальное (инвестиционное машиностроение и строительство) и трудовое воспроизводство (образование, здравоохранение, наука).

Количество и качество

Значительную часть статьи авторы посвятили количественной оценке экономического роста США в 1966–2016 гг. и влиянию на него интеллектуальной составляющей. Их вывод такой: «Кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП США в 1980–1990 годы удалось стабилизировать благодаря заметно возросшей в тот период интеллектуальной компоненте производственного капитала, что способствовало сокращению потребности в удельных инвестициях» (С. 138). Прежде всего, стоит отметить, что такое противопоставление интеллектуальных активов и инвестиций в настоящее время не имеет под собой никаких оснований. Начиная с 2008 г. все расходы на научные исследования и разработки, разведку и оценку полезных ископаемых, приобретение компьютерного программного обеспечения и баз данных, оригиналов произведений статистически представляют собой валовое накопление основного капитала, а экономически относятся к инвестициям в основной капитал¹³.

¹³ Система национальных счетов, 2008 г., Европейская комиссия, ООН, МВФ, ОЭСР, ВБ, Нью Йорк, 2012. С. 236–239.

Исходя из современных трактовок накопления капитала и инвестиций очевидно, что рост интеллектуальных активов должен означать и рост инвестиций на их приобретение.

Значит ли это, что под воздействием научно-технического прогресса сокращается потребность в инвестициях при сохранении темпов экономического роста? Ничего нового, конечно, в такой постановке вопроса нет. Для ответа на него нужны статистические данные. Знаменитый экономический историк Энгас Мэддисон анализ сравнительных темпов долгосрочного экономического развития осуществил на примере трех стран с наиболее надежной и самой исторически богатой статистикой – США, Великобритании и Японии (табл. 2).

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста ВВП и стоимости капитала (без жилья) в США, Великобритании и Японии в 1820–2003 гг., %

Страна	Период	Прирост ВВП	Прирост стоимости капитала
США	1820–2003 гг.	3,62	4,14
Великобритания	1820–2003 гг.	1,97	2,49
Япония	1890–2003 гг.	4,14	5,4

Источник: [Мэддисон, 2015. С. 584].

Расчеты Э. Мэддисона свидетельствуют об одном: страны, являющиеся лидерами мировой экономики, на протяжении длительного времени демонстрируют более высокие темпы роста капитала по сравнению с ростом объемов производства. Конечно, в отдельные периоды производство может расти быстрее, чем капитал. Такими периодами, по расчетам Э. Мэддисона, были, например, 1950–1973 гг. в США и Японии или 1870–1913 гг. в Великобритании. Но эти выбивающиеся из ряда периоды не меняют общего вывода о более высокой динамике инвестиций в сравнении с выпуском. Отдельные и частные исключения, в том числе пример экономики США в рецензируемой статье (С. 134–138), никак не могут опровергнуть более длительных и более общих данных.

Хочу обратить внимание также на очень качественное исследование В. А. Мельянцева о факторах экономического роста ведущих стран мира в 20-м столетии [Мельянецв, 1996. С. 166]. Автор за период 1921–1990 гг. рассчитал коэффициенты предельной капиталоемкости, представляющие собой отношение доли капитальных вложений в основной капитал (без вложений в жилье)

к темпу прироста ВВП. В период 1974–1990 гг. этот показатель вырос по сравнению с периодом 1921–1938 гг. в Великобритании на 5,8 п.п.; во Франции – на 2,5; в Германии – на 0,3; в Италии – на 1,6; в США – на 1,6; в Японии – на 11,2; в среднем по шести странам – на 3,8 п.п. Что означает рост коэффициента предельной капиталоемкости? Только одно: каждая дополнительная единица прироста ВВП требует непропорционально большего объема инвестиций в основной капитал.

Предположим, авторы рассматриваемой статьи правы в том, что недостающее количество инвестиций можно компенсировать их интеллектуальным качеством, а богатый мировой опыт, сочетающий качество инвестиций с их количеством, Россию ни к чему не обязывает (в том числе и к его пристальному изучению). Но каким образом авторы собираются повышать «интеллектуальную компоненту производственного капитала» в России? Этой проблемы они не замечают, из чего, конечно, не следует, что ее нет.

Для оценки интеллектуального потенциала России приведу данные одного известного российского исследователя, который с недавних пор стал самым высокопоставленным экономистом. По его расчетам, Россия в середине прошлого десятилетия по уровню расходов на научные исследования и разработки занимала 12-е место в мире, отставая от США при пересчете расходов по ППС в 20 раз, по доходам от проданных за рубеж технологий – в 370 раз, а по экспорту высокотехнологичной продукции – в 25 раз. При этом численность занятых в сфере научных исследований США превосходила Россию всего в три раза [Белюсов, 2006. С. 231]. Эти данные показывают, что российский интеллектуальный сектор экономики не только малорезультативен, но и чудовищно неэффективен.

Подчеркну, что приведенный пример касается страны, из которой авторы рассматриваемой статьи пытаются заимствовать опыт для России. В России нет такого интеллектуального потенциала, как в Америке, и надеяться на его появление в сколько-нибудь значимой перспективе нет никаких оснований. И потому даже по этой причине возместить недостаток инвестиций в российскую экономику за счет качественной интеллектуальной составляющей не удастся.

Инновации как фактор разрушения капитала

Наверное, прежде чем написать фразу «инновации как преграда чрезмерным инвестиционным аппетитам (С. 132–134)», нужно было бы немного поразмышлять вот о чем. Во-первых, сами по себе инновации берутся не из воздуха, они – результат научно-исследовательских работ, а расходы на них, как показано выше, являются капиталобразующими. Во-вторых, выпуск инновационной продукции предполагает наличие нового технологического оборудования и требует новых проектных решений (то есть тоже инвестиций). В-третьих, появление нового инновационного производства делает традиционное производство ненужным, а созданную на основе прошлых инвестиций материальную базу – устаревшей.

Чтобы пояснить эти, в общем-то достаточно банальные и растиражированные в научной литературе суждения, лучше всего обратиться к опыту Второй мировой войны. Как известно, любая война является ускорителем научно-технического прогресса и источником многочисленных инноваций в самых разнообразных отраслях экономики и сфер жизни. Кроме того, именно в годы Второй мировой войны было дано теоретическое обоснование сущности инновационной экономики и раскрыта роль инноваций в конкурентной рыночной борьбе. Эта разработанная более 70 лет назад теория, несмотря на ее непреходящую значимость и актуальность, слишком часто не принимается во внимание современными экономистами.

Существует большое количество свидетельств, описывающих взрывной характер развития науки, поставленной на службу войне. Одно из них принадлежит французскому инженеру-химику Жаку Бержье, который в 1943 г. за участие во Французском сопротивлении был отправлен в концлагерь Маутхаузен, а в мае 1945 г. был освобожден американскими войсками и на «летающей крепости» доставлен в Париж. Описания Жаком Бержье первых впечатлений – это взгляд человека, который выпал из этого мира на целых два военных года. «...Потом мне показали радарное оборудование. Там были всякого рода аппараты, появление которых я считал возможным не ранее двухтысячного года. В Маутхаузене американские врачи говорили мне о пенициллине. За два года наука шагнула вперед на целый век. И мне в голову пришла безумная идея: “А атомная

энергия?». – «О ней говорят. Это довольно секретно. Но ходят слухи...»». Технические журналы вызывали головокружение. Значит, пенициллин, торжество сэра Александра Флеминга – это всерьез? Родилась новая химия силиконов, веществ, промежуточных между органическими и минеральными. Вертолет, невозможность которого была доказана в 1940 г., строился серийно. Прогресс электроники был фантастическим. Телевидение грозило вскоре стать таким же распространенным, как телефон. Я вдруг оказался в мире моих мечтаний о двухтысячном годе. Многие тексты были вообще непонятными...» [Повель, Бержье, 1994. С. 348–349].

Следуя логике авторов рецензируемой статьи, столь инновационная экономика военного периода требовала минимальных инвестиций. В действительности все было с точностью до наоборот. В годы войны самой сильной и наиболее инновационной экономикой по вполне понятным причинам была экономика США. С точки зрения инвестиций в производство инновационной военной продукции стоит обратить внимание, прежде всего, на амортизационную политику. Дело в том, что между амортизационной и инвестиционной политиками существует тесная связь: высокая норма амортизации всегда предполагает и высокий уровень инвестиций (верно и обратное).

Во времена Второй мировой, а затем Корейской войны амортизационные ставки в стратегических отраслях, выпускающих военную технику, были рассчитаны исходя из пятилетнего срока функционирования оборудования [Кваша, 2003. С. 182]. В мирное время срок амортизации производственного оборудования в металлообработке, автомобилестроении, судостроении, приборостроении был 12 лет, в электронной промышленности, авиационной и ракетной промышленности – восемь [Ревенко, 1971. С. 281]¹⁴.

Разумеется, американское государство при установлении таких ставок руководствовалось отнюдь не интересами инвесторов, стремящихся с помощью ускоренной амортизации

¹⁴ По всей видимости, даже эти, достаточно высокие нормы амортизации, не отражают подлинных физических производственных возможностей оборудования. Например, на Новосибирском заводе низковольтной аппаратуры (патронном заводе) до сих пор эксплуатируется оборудование чешской фирмы «Шкода», полученное в качестве послевоенных репараций.

как можно быстрее вернуть свои средства. И не физическими производственными возможностями эксплуатируемого оборудования, они были гораздо выше. Американское правительство исходило из того, что для производства самых современных и самых совершенных средств ведения войны необходимо самое современное и самое совершенное промышленное оборудование.

Я. Б. Кваша, со ссылкой на работы академика Е. Варги, писал о том, что во время войны в американской металлообрабатывающей промышленности почти все станки были заменены новыми, хотя не менее половины из них не прослужили и 10 лет [Кваша, 2003. С. 339]. Нет никакого сомнения в том, что впечатляющие инновационные прорывы американской экономики были обеспечены колоссальными инвестициями, более того, состоялись благодаря этим инвестициям.

Дело, разумеется, не ограничивалось военной продукцией и военным периодом. В работах Я. Б. Кваши приводятся примеры стоимости инноваций в автомобильной промышленности США. В 1954 г. компания «Дженерал Моторс» в связи со сменой модели легкового автомобиля затратила 350 млн долл. на новое оборудование и сопутствующие расходы, при этом общая стоимость основного капитала компании была 2,6 млрд долл. [Кваша, 2003. С. 339]. Еще более впечатляющим примером является компания «Крайслер», которая на аналогичные цели в 1953 г. израсходовала 200 млн долл. при общей сумме основного капитала в 448 млн долл. [Кваша, 2003. С. 339]. Нетрудно заметить, что инновации обошлись компании «Дженерал Моторс» в сумму, составляющую 13,4% стоимости ее основного капитала, а компании «Крайслер» – 44,6%.

Если традиционное производство требует инвестиций только для замены выбывающих по причине износа фондов и, возможно, для расширения производства, то инновационному производству нужна новая материальная база. Накопленный капитал при этом теряет свою востребованность и, соответственно, стоимость. В этом смысле инновационное производство всегда нуждается в больших инвестициях по сравнению с традиционным. Инновации омертвляют существующий капитал, делая его устаревшим, а использование – неэффективным. Образно говоря, инновации – это мертвая вода, превращающая вполне

рабочее и функциональное традиционное оборудование в груды бесполезного металлолома. То есть научно-технический прогресс ведет не к накоплению капитала, а к постоянному разрушению старого капитала. И потому рождает острую потребность в новом капитале и в инвестициях для его создания.

Разрушительный потенциал стремительного научно-технического прогресса по отношению к традиционной экономике был осознан экономистами в военные годы. Основываясь на эмпирических наблюдениях, в 1942 г. Йозеф Шумпетер создал теорию созидательного разрушения, согласно которой капитализм представляет собой не стационарное состояние, а непрерывную эволюцию, в основе которой лежит импульс от «новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации» [Шумпетер, 1995. С. 125]. Весь этот процесс «...непрерывно революционизирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс созидательного разрушения является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну» [Шумпетер, 1995. С. 125].

Не обошли вниманием проблему разрушения материальной базы и отечественные экономисты. В рамках традиционной советской политэкономии научно-технический прогресс рассматривался как фактор обесценивания и сокращения срока службы средств труда, а сам процесс такой потери основными фондами своей стоимости именовался моральным износом второго вида. Вот что писал по этому поводу Я.Б. Кваша: «Появление новых продуктов для личного или производительного потребления закрывает рынок для аналогичных продуктов старого образца. В связи с этим сокращается срок службы средств труда, специально предназначенных для изготовления изделий старого образца и часто ни на что иное непригодных. Из отраслей, где эта разновидность второго морального износа играет особенно большую роль, можно назвать военную промышленность, авиа-, автомобилестроение и молодую, быстро развивающуюся промышленность средств электроники» [Кваша, 2003. С. 339]. К этому остается только добавить, что данный текст написан в 1959 г., и в нем перечислены отрасли, составляющие ядро 4-го технологического уклада.

На самом деле экономическая эволюция не всегда идет по пути прогресса, тем более стремительного. В настоящее время существует немало исследований, свидетельствующих если не о полном сворачивании научно-технического прогресса, то о его серьезном замедлении. По крайней мере, сегодня невозможно представить столь колоссальные изменения в столь короткий срок, о которых писал в свое время Жак Бержье. Прогресс замедлился, стало меньше инноваций и, соответственно, потребность в инвестициях тоже сократилась. Пожалуй, это единственная хорошая новость для российской экономики.

Заключение

Я глубоко убежден, что любой сколько-нибудь честный и квалифицированный исследователь инвестиционного процесса в современной России неизбежно придет к выводам о хронической недофинансированности национальной экономики и необходимости резкого увеличения инвестиций. Между тем экономическое научное пространство наводнено многочисленными исследованиями, авторы которых не ставят под сомнение достаточность инвестиций, погружаясь при этом в практически бесполезные и абсолютно бесплодные теоретические рассуждения. Почему так происходит?

Думаю, дело в том, что сам по себе вывод о недостаточности инвестиций не является окончательным. Он порождает целый ряд вопросов, в том числе и два крайне болезненных: где взять деньги на инвестиции и что будет с российской экономикой, если эти деньги не найдутся. Я не сомневаюсь в том, что будущее российской экономики зависит от того, сумеем ли мы поставить эти вопросы и найти на них правильные ответы.

Литература

Алексеев А. В., Кузнецова Н. Н. Инвестиционная динамика как фактор трансформации российской экономики // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 981–991.

Белоусов А. Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. М.: МАКС Пресс, 2006. 393 с.

Кваша Я. Б. Избранные труды: В 3 т. Т. 2: Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. М.: Наука, 2003. 511 с.

Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцин Е.А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество // ЭКО. 2019. № 12. С. 124–140. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-12-124-140

Лавровский Б.Л. Паралич советской индустрии: технологические истоки // Вопросы экономики. 1991. № 8. С. 11–19.

Лавровский Б.Л., Рыбакова Т.А. О пределах спада в российской экономике (хроника инвестиционного процесса) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 31–44.

Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2003 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара, 2015. 584 с.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Ревель Л., Бержье Ж. Утро магов. К.: София, 1994. 480 с.

Ревенко А.Ф. Промышленная статистика США. М.: Статистика, 1971. 296 с.

Фомин Д.А., Ханин Г.И. Динамика основного капитала экономического развития в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 62–81.

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск, 2008. 516 с.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. Об альтернативных оценках экономического развития бывших республик СССР, стран Восточной Европы и Китая // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 64–79.

Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочтения советского планирования и будущее России/ Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.

Статья поступила 26.04.2020.

Статья принята к публикации 03.05.2020.

Для цитирования: *Фомин Д.А.* Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6. С. 149–170. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-149-170.

Summary

Fomin, D.A., *Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Russian Investments: the Missing Intellectual Part

Abstract. Based on the article by B.L. Lavrovsky, E.A. Goryushkina and E.A. Shiltzin, “Investment resource of economic growth: not only quantity,” the viewpoint of modern Russian economists, who put in doubt the need to increase investment resources and consider it possible to develop Russia’s economy by

improving its intellectual components and innovative development, is critically evaluated. Russia's savings ratio, when compared to the worldwide price index, indicates the necessity of at least a twofold investment increase. While the world's leading economies indicate that, from a long-term perspective, the rate of growth in capital surpasses the rate of GDP growth, the marginal capital coefficient also tends to increase and emphasizes the importance of capital as a factor in economic development. The influence of advances in technology and innovation within the investment process has been analyzed from the point of creative disruption by J. Schumpeter. According to this theory, technological advances, manifest in innovation, create a demand for new goods and require new material resources for their production and, ultimately, investments. Under these circumstances, demand for traditional goods goes down and existing facilities become obsolete. According to the creative disruption theory, there is no reason to consider innovation to be a factor restricting the need for investments.

Keywords: *investments; innovations; macroeconomics; savings ratio; rate of growth; creative disruption; functional depreciation*

References

Alexeev, A.V, Kuznetsova, N.N. (2019). Investment Dynamics as a Factor of Transformation of Russian Economy. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 89. No. 10. Pp. 981–991. (In Russ.).

Belousov, A.R. (2006). *Evolution of Russia's economy reproduction: from crisis to development*. Moscow. MAX PRESS Publ. 393 p. (In Russ.).

Fomin, D.A, Khanin, G.I. (2017). The Dynamics of Capital Assets in the Economy of the Russian Federation over the Post-Soviet Period (1992–2015). *Problems of Prognosis*. No. 4. Pp. 21–33. (In Russ.).

Hill, F. Gaddy, C. (2007). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Translated from English. Moscow. Academic forum on international relationships Publ. 328 p. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2008). *Economic history of Russia in modern time: monography*. Vol.1 USSR. Economy in the end of the 30s – 1987. Novosibirsk. 516 p. (In Russ.).

Khanin, G.I., Fomin, D.A. (2014). On alternative assessments of the economic development of the former Soviet republics, the countries of Eastern Europe, and China. *Questions on Statistics*. No.7. Pp. 64–79. (In Russ.).

Khanin, G.I., Fomin, D.A. (2017). Post-Soviet society and Russian macroeconomics statistics. *World of Russia: Sociology, ethnology*. Vol. 26. No. 2. Pp. 62–81. (In Russ.).

Kvasha, Ya. B. (2003). Selected works, vol.3 T.2 *Capital investments and reproduction of fixed assets*. Moscow. Nauka Publ. 511 p. (In Russ.).

Lavrovsky, B.L, Goryushkina, E.A, Shiltzin, E.A. (2019). "Investment resource of economic growth: not quantity only". *ECO*. No. 12. Pp. 124–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140

Lavrovsky, B.L. (1991). Paralysis of Soviet industry: technological roots. *Questions on Economics*. No. 8. Pp. 11–19. (In Russ.).

Lavrovsky, B.L., Rybakova, T.A. (1994). On the reasons of the Russian economy slowdown (chronicle of investment process). *Questions on Economics*. No. 7. Pp. 31–44. (In Russ.).

Maddison, A. (2015). *Contours of the World Economy, 1–2030AD: Essays in Marco-Economic History*. Moscow. Gaidar Institute Publishing House. 584 pp. (In Russ.).

Melyantsev, V.A. (1996). *East and West in the second millennium: economics, history and modernity*. Moscow. MSU Publishing House. 304 p. (In Russ.).

Pauwels, L., Bergier, J. (1994). *The Morning of the Magicians*. K.: Sophia Publ. 480 p. (In Russ.).

Piketty, T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*. Moscow. Ad Marginem Press Publ. 592 p. (In Russ.).

Revenko, A.F. (1971). *Industrial statistics of the USA*. Moscow. Statistics Publ. 296 p. (In Russ.).

Schumpeter, J.A. (1995). *Capitalism, Socialism and Democracy*: Translated from English/ Introduction and general editorship by V.S. Avtonomov. Moscow. Economics Publ. 540 p. (In Russ.).

For citation: Fomin, D.A. (2020). Russian Investments: the Missing Intellectual Part. *ECO*. No. 6. Pp. 149-170. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-149-170.

Аграрные идеологии фашизма среди альтернатив сельского развития 1920–1930-х годов¹

А.М. НИКУЛИН, кандидат экономических наук. E-mail: harmina@yandex.ru
Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, директор Чаыновского
исследовательского центра Московской высшей школы социальных
и экономических наук. E-mail: nik@universitas.ru, Москва

Аннотация. Время 1920–1930-х годов для мирового сельского развития ознаменовалось поиском различных путей модернизации сельского хозяйства, связанных с идеологиями демократического европейского аграризма, американского и советского аграрного индустриализма, но также и авторитарного сельского национализма, поддерживаемого в тех странах, где победу одерживали фашисты (нацисты). В данной статье дается краткий обзор особенностей каждой из аграрных альтернатив. Отмечаются основные вехи подъема и упадка левой концепции, развивавшейся и поддерживавшейся организацией советского Крестьянского интернационала. Основное внимание в статье уделяется анализу подъема и экспансии крайне правых аграрных идеологий в фашистской Италии, нацистской Германии и в государстве Маньчжоу-го. Отмечаются общие и особенные черты фашистских аграрных идеологий, сумевших парадоксальным образом в основе своей националистической консервативной политики инкорпорировать элементы демократического кооперативизма, государственного капитализма и даже социалистического коллективизма. Автор делает вывод, что несмотря на кратковременные и относительные успехи в фашистской аграрной политике 1930-х годов вожди фашизма не принесли обещанного процветания и благоденствия крестьянам своих стран. Наоборот, обманув их программами мобилизации национальных ресурсов во благо развития сельской местности, фашистские идеологи фактически перенаправляли плоды этой мобилизации на рост милитаризации национальных экономик с последующим развязыванием мировой войны, в результате которой, в конце концов, крестьянство сполна и пострадало.

Ключевые слова: аграрная идеология; аграрная политика; альтернативы развития; Крестьянский интернационал; фашистская Италия; нацистская Германия; Маньчжоу-го

Борьба аграрных идеологий в 1920-е годы

В различных регионах земного шара 1920-е годы были «золотым веком» альтернатив сельского развития. Крестьянские революции 1910–1920 годов, свершившиеся в странах Восточной Европы, Азии и Латинской Америки, начавшаяся ин-

¹ Статья написана в рамках плановой темы НИР «Агрохолдинги и сельские территории: модели взаимодействия крупного агробизнеса с муниципальной властью и сельскими сообществами».

дустриализация сельского хозяйства, прежде всего в Северной Америке, а с конца 1920-х годов форсированно подстегиваемая советской коллективизацией, стремление европейских аграриев создать особую демократическую идеологию для крестьянских партий – так называемый аграризм Зеленого интернационала, одновременно и рост авторитарно-консервативных сельских настроений и проектов в ряде стран Юго-Восточной Европы, – все это предопределило дух и характер происходивших всемирных аграрных перемен. По словам одного из влиятельнейших российских аграрников-экспертов того времени, мировой аграрный сектор оказался «на великом распутье» [Макаров, 2019].

Пожалуй, именно российские аграрники так называемой организационно-производственной школы в 1920-х годах в некоторых своих работах наиболее глубоко и проницательно определили основные политические и экономические развилки сельскохозяйственной эволюции своего времени [Никулин, 2017]. Например, анализируя некоторые работы А. В. Чаянова, мы можем осознать, как в мире наряду с ростом идеологии крестьянского кооперативизма (прежде всего в демократических странах Европы) также усиливается экспансия идеологий индустриально-государственного коллективизма (в СССР), фермерско-индустриального капитализма (в США) и авторитарного агрокорпоративизма (прежде всего в Италии, Германии, Японии) [Чаянов, 1920, 1921, 1927, 1989].

Каждая из названных идеологий старается теоретически и практически обосновать комплекс мер в аграрной политике, связанных с решением вопросов места крестьян и фермеров в процессах индустриальной модернизации национальных экономик, определить оптимальное соотношение и взаимодействие так называемых «мелких» – крестьянских и фермерских домохозяйств с «крупными» сельскохозяйственными предприятиями; рассчитать степень закрытости и открытости аграрно-индустриальных фритредерства и протекционизма, установить соотношение демократизма (кооперативизма) и авторитаризма (корпоративизма) в управлении аграрными реформами, наконец, выработать меры культурной политики, мобилизующих и интегрирующих сельские миры в экономическое и политическое развитие нации с учетом отстаивания ее стратегических международных интересов.

Особенно драматически в 1920–1930-е годы проявился конфликт между своеобразными авторитарными левыми и правыми альтернативами международного аграрного развития, выработавшимися, с одной стороны, в СССР идеологами Коммунистического и Крестьянского интернационалов, с другой стороны – лидерами националистических партий будущих стран – союзниц Оси – Италии, Германии и Японии.

Крестьянский интернационал: взлет и падение левой аграрной альтернативы

В начале 1920-х годов большевистское руководство и руководство Коминтерна, стремясь переосмыслить дальнейшие перспективы мировой революции, обратили пристальное внимание на возможный революционный потенциал не только российского, но и всемирного крестьянства [Зиновьев, 1922].

Надо отметить, что как большевики-коминтерновцы, так и представители самых разнообразных политических течений Европы в 1920-е годы всячески стремились привлечь на свою сторону крестьян, таким образом разыграв альтернативную «крестьянскую карту» в собственных политических интересах.

Даже российские белоэмигранты-консерваторы сожалели, что в годы Гражданской войны упустили шанс союза с крестьянством в интересах своей победы, но теперь выражали надежду на рост настроений консервативного аграризма в Европе как оплота против экспансии коммунизма [Билимович, 1921].

Впрочем, не столько консервативный, сколько демократический аграризм, оказавшийся чрезвычайно популярным прежде всего в ряде стран Восточной Европы (Болгария, Югославия, Чехословакия, Польша, Прибалтийские государства), но также и во Франции и Швейцарии, в 1920-е годы претендует на формирование третьего – собственного крестьянского – пути развития большинства европейских стран. Именно здесь витают идеологические и организационные идеи создания так называемых Черного, Зеленого крестьянских интернационалов, объединяющих в своих рядах политические интересы европейских аграриев-кооператоров [Кошелева, Матвеев, 1991].

Наконец, примерно в это же время европейский фашизм, в 1920-е годы прежде всего в Италии, а начиная с 1930-х годов в Германии и среди ее сателлитов, также стремится всячески

привлечь на свою сторону крестьян, разрабатывая идеологические доктрины важного значения крестьянства для упрочения победы фашизма [Манн, 2019].

В этих условиях в СССР в 1923 г. создается Международный Крестьянский Совет, или Крестьянский интернационал, главной целью которого является революционизирование крестьянства во всем мире в союзе с рабочими под руководством Коминтерна. Крестьянтерн (идейно и организационно – младший брат Коминтерна) стремился обосновать революционную коммунистическую крестьянскую альтернативу в борьбе с предложенными в это время альтернативами демократического и авторитарного аграризмов [Jackson, 1966].

В первые несколько лет (с 1923 г. по 1928 г.) в Крестьянтерне пытались увлечь идеями грядущей коммунистической революции самые разнообразные крестьянские движения – от Латинской Америки до Дальнего Востока. Представители революционного крестьянства нескольких десятков стран достаточно регулярно в это время встречались в Москве, пытаясь координировать свою пропагандистскую и подпольную работу среди крестьянских организаций земного шара. «Крестьянтерн» регулярно публиковал как собственную политическую агитационную литературу (книги и брошюры) для крестьян на разных иностранных языках, так и выпускал общественно-политический журнал, в котором была представлена аналитика крестьянских революционных движений в разных регионах мира [Домбаль, 1925].

Во второй половине 1920-х годов ушедшего в оппозицию Г.Е. Зиновьева на посту главного идеологического куратора Коминтерна и Крестьянтерна сменил Н.И. Бухарин. Непосредственно организационное руководство Крестьянтерном осуществляли такие видные революционеры, как нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, а также известные деятели международного коммунистического движения Т. Домбаль (Польша), В. Коларов (Болгария), А. Хевеши (Венгрия), Хо Ши Мин (Вьетнам) и другие. При Крестьянтерне был создан специальный исследовательский аналитический центр – Международный аграрный институт, стремившийся осуществлять разносторонний мониторинг политических и экономических настроений крестьянства и его организаций по всему земному шару.

Однако к концу 1920-х годов деятельность Крестьянтерна пошла на спад, и в 1930-е его существование как-то незаметно завершилось. Причины неудачи Крестьянтерна были связаны как с внутривнутрипартийной борьбой в СССР, в результате которой его главные кураторы Н. И. Бухарин и И. Н. Смирнов были объявлены правыми оппозиционерами, так и с рядом поражений Крестьянтерна от Зеленого интернационала и консервативно-реакционных аграрных партий в борьбе за политическое влияние среди крестьянства Европы и других регионов мира.

Крестьянтерн в большинстве случаев вел среди сельского населения довольно грубую и примитивную идеологическую работу, всячески стремясь убедить недоверчивых крестьян и их местных вожаков в необходимости подчинения крестьянства ряду ортодоксальных аграрных постулатов большевистского марксизма: крестьяне – это лишь верный, но несамостоятельный помощник городского рабочего класса в революционной борьбе против буржуазных и помещичьих правительств, коллективные и крупные формы аграрного производства прогрессивней отсталых семейных крестьянских форм, крестьянству необходимо подчиняться лишь коммунистическим указаниям, исходящим из Москвы, стараясь избегать дружественных контактов и союзов даже с другими революционными или социалистическими движениями (от анархистов до социал-демократов), не разделяющими большевистско-коминтерновских воззрений. Порой Крестьянтерн требовал от крестьян небезопасного для них самих поведения, связанного с организацией сопротивления существующим политическим режимам на местах, без достижения очевидных и скорых выгод в улучшении положения крестьян.

Внутри СССР в 1920-е годы было организовано несколько интернациональных аграрных коммун, колхозов и совхозов, которые должны были стать образцовыми витринами перспектив нового социалистического земледелия для всего мира. Об этих хозяйствах, конечно, также сообщала пресса Крестьянтерна, но к началу 1930-х годов интернациональные агропроекты незаметно и безымянно потонули в разбушевавшемся океане коллективизации.

Наступившая Великая депрессия, а также взлет фашизма в 1930-е годы привели к спаду и дроблению крестьянских

движений по всему миру. А установление колхозного строя в СССР способствовало свертыванию инициатив Москвы, направленных на поиск «передовых» революционных альтернатив среди «отсталых» крестьян.

В конце 1930-х годов многие российские и зарубежные деятели Крестьянтерна и Международного аграрного института (прекратившего свое существование в 1940 г.) подвергаются жестоким сталинским репрессиям. Тем временем параллельно ослаблению интернациональной левой крестьянской альтернативы в странах, где к власти приходили авторитарные националистические режимы, усиливались симпатии к проведению аграрных преобразований, инспирированных воздействием различных фашистских идеологий.

Аграрные идеологии фашистских режимов: общее и особенное

В недавно опубликованной чрезвычайно интересной и содержательной коллективной монографии тринадцати зарубежных ученых-аграрников в фокусе исследования оказалась эволюция аграрной политики в странах с фашистскими политическими режимами, а именно в Италии, Португалии, Венгрии, Германии, Австрии, Испании, Маньчжоу-го и профашистской территории Виши во Франции [Agriculture in the Age..., 2014]. В этом исследовании удалось убедительно обосновать общую компаративистскую структуру базисных свойств, характерных (пусть и в разной степени) фактически для любой фашистской аграрной политики. Эти свойства таковы:

- популяризация дискурса о необходимости защиты и поддержки крестьянства;
- агрессивная протекционистская политика, направленная на достижение национальной продовольственной безопасности;
- активное государственное вмешательство в функционирование аграрных рынков;
- проведение аграрных реформ, не ставящих под сомнение сложившееся право собственности на землю, включая и право земельной олигархии;
- широкое применение идеологии корпоративизма в целях гармонизации социальных отношений между городом и селом;

– введение военной дисциплины и бюрократической иерархии при принятии и выполнении организационных решений в аграрной политике;

– подчинение сельского хозяйства нуждам стратегических секторов экономики, в особенности связанных с войной.

Практическое воплощение этих компаративистских свойств позволяет обнаружить взаимодействие и взаимовлияние идеологических связей в аграрных политиках различных фашистских режимов. Например, лозунг достижения самодостаточности в производстве и потреблении пшеницы, предложенный Муссолини в Италии в 1925 г., активно использовался в Португалии с 1929 г. по 1933 г., и вновь был подхвачен режимом Франко в конце 1930-х по окончании Гражданской войны в Испании. Еще более впечатляющим образом идеологема «кровь и почва», предложенная в начале 1930-х годов министром продовольствия нацистской Германии Р. Дарре как символ воплощенного единства крестьян и земли, лежащего в основании германской государственности, был подхвачен японскими милитаристами во второй половине 1930-х годов для конструирования аграрной идеологии в государстве Маньчжоу-го [Agriculture in the Age., 2014. С. 19–42].

Конечно, степень технологической развитости аграрного сектора и сельских институтов, связанных с размером хозяйств и распределением земли в названных странах, были весьма разнородными. Но, что безусловно объединяло фашистские режимы меж собой, так это стремление провести модернизацию сельского хозяйства, направленную именно против либерального и коммунистического подходов. Суть фашистской модернизационной концепции заключалась в государственном авторитаризме, дирижирующем как технологическими изменениями, так и рыночными правилами. В социальной сфере это означало преобразование объединений крестьянства и земельной аристократии в корпоративные институты, преодолевающие сословные и классовые конфликты в сельской местности, содействующие модернизации сельского хозяйства в интересах прежде всего бюрократической технократии.

Наиболее впечатляющий и глубокий опыт проведения фашистской аграрной модернизации, безусловно, продемонстрировали ключевые представители стран фашизма: Италия, Германия и Япония. Тем более что всем этим странам был присущ

и сильный элемент экспансионистской колониционной аграрной политики, отсутствовавший или ослабленный в других государствах, подпавших под процессы фашизации 1920–1930-х годов.

Аграрная идеология фашистской Италии

Итальянский фашистский режим имел собственные глубокие сельские корни (в том числе потому, что Муссолини и ряд его ключевых соратников были выходцами из сельских районов, в особенности из долины реки По – старинного региона интенсивной агрикультуры). Главным образом в селах рекрутировались фашистские боевики, противостоявшие в политических столкновениях начала 1920-х годов городским движениям итальянских социалистов [Манн, 2019. С. 170].

Начало 1920-х годов было временем серьезных политических и экономических кризисов в Италии: безработица в промышленности, затруднения в аграрном секторе, перенаселенном, но технологически отсталом и неспособном прокормить страну. Наконец, серьезные ограничения в эмиграционном законодательстве США, принятые в это время, поставили барьеры многолетней почти беспрепятственной миграции итальянцев в Америку. В этих условиях итальянский фашизм в аграрной политике, с одной стороны, стремился поддерживать традиционно высокую рождаемость населения, с другой стороны, инициировать важные модернизационные процессы в сельской местности [D’Onofrio, 2017].

Прежде всего в конце 1920-х начале 1930-х годов были проведены территориальная и земельная реформы, направленные на упорядочивание и рационализацию землепользования. В результате этих реформ в сельскохозяйственный оборот было введено 3,2 млн га земли, основано около 150 новых деревень и сельскохозяйственных городков. Однако земли крупных итальянских земельных собственников – олигархов эти реформы оставили почти в неприкосновенности [Савино, 2019].

Как отмечают Ст. Грандо и Дж. Вольпи, особое значение в аграрной политике итальянского фашизма получила активно проводимая с середины 1920-х годов идеологическая кампания «Битва за хлеб», включавшая в себя системные процессы технологической модернизации сельского хозяйства. К числу ее важнейших мер относились:

- перераспределение больших массивов несельскохозяйственной земли в фермерские хозяйства;
- переориентация многих аграрных отраслей на производство зерна, даже если эти отрасли традиционно были лучше приспособлены к выращиванию иных сельскохозяйственных продуктов (что нанесло существенный урон местному традиционному аграрному производству);
- увеличение производительности сельскохозяйственного труда через распространение новых аграрных технологий [Grando, Volpi, 2014. С. 49].

Этот последний пункт был особенно успешно выполнен на экономически развитом севере Италии, где распространение электрификации, механизации и использование химических удобрений дали действительно зримый эффект в модернизации аграрного сектора. Кроме того, были выведены и внедрены в сельскохозяйственную практику новые высокоурожайные сорта местной пшеницы (во многом – благодаря усилиям селекционной станции ведущего итальянского биолога того времени Наццарено Стрампели, вступившего в 1925 г. в фашистскую партию Италии.

Фашистский режим активно вкладывался в развитие сельскохозяйственного знания в университетах и исследовательских центрах Италии, всячески поддерживал развитие национального сельхозмашиностроения, защищая его высокими импортными тарифами. Именно в это время компания «Фиат» становится одним из крупнейших в Европе производителей не только автомобилей, но и тракторов.

В итоге, после шести лет проведения кампании «Битвы за хлеб», удалось повысить обеспеченность Италии собственным зерном с 60 до 95%. В 1931 г. урожайность пшеницы в Италии составила 16 ц/га, в то время как в цитадели высокомеханизированного мирового сельского хозяйства того времени – США – этот показатель находился на уровне 9 ц/га [Faita, 1995].

«Битва за хлеб» сопровождалась социальным конструированием аграрного корпоративизма, стремившегося объединить фермеров, сельскохозяйственных рабочих и землевладельцев в социально-политические союзы на основе общих для аграриев интересов. Например, было создано 22 сельские корпорации (своеобразных профсоюзов) в различных отраслях сельского

хозяйства: полеводство, огородничество, виноградарство, маслоделие, производство сахара, животноводство, рыболовство, лесоводство, текстиль и пр. [Ben-Ghiat, 2001].

Огромное внимание итальянский фашизм уделял пропаганде, всячески поддерживая и развивая мотивы «сельской ностальгии». Сельская местность постоянно воспевалась как пространство сохранения традиционных ценностей в сравнении с обездоленной в нравственном отношении городской жизнью. В этой пропагандистской кампании государство опиралось на поддержку церкви с её идеологией католического рурализма. В 1928 г. Дуче опубликовал специальную статью о взаимодействии города и села, изобиловавшую пассажирами восторженной признательности сельской Италии, наподобие: «Давайте же всё вложим в землю, ибо она тот банк, который никогда не лопнет!», «Больше всего горжусь тем, что я родом из сельской Италии» и т.д. [Grando, Volpi, 2014. С. 56].

В прессе всячески поддерживался дискурс о благотельном воздействии сельской жизни на итальянскую нацию, было сформировано общественное движение «Супердеревня», объединявшее и пропагандировавшее лучший социальный опыт сельских муниципалитетов Италии в развитии трудолюбивого, уютного, честного сельского образа жизни. Активно использовалась применительно к селу и милитаристская риторика. Так, государственная пропаганда прославляла крестьян, как солдат в битве за хлеб, овладевающих рискованными пространствами, одерживающих из года в год очередные зерновые победы и т.п. Ежегодно избирались, прославлялись и награждались лучшие бойцы в «Битве за хлеб». Итальянский кинематограф в своих документальных сюжетах сопрягал зреющие колосья пшеницы с достижениями политики Муссолини, цитируя его знаменитую характеристику образа фермера «с потом на челе, гордостью в труде и поэзией жертвенности» [Grando, Volpi, 2014. С. 58–59].

Модернизация села проводилась и в социальном аспекте. Например, путем объединения подрастающего поколения в школах и университетах в аграрные союзы, создания среди сельских женщин специальных активистских организаций с собственными газетами и радиопередачами.

Однако в аграрных реформах при режиме Муссолини сказались и побочные – неприятные для крестьян эффекты. Например,

несмотря на всю риторику освобождения итальянских крестьян, фашистское государство достаточно бесцеремонно навязывало им ассортимент производимой продукции – прежде всего требуя отдавать приоритет производству зерновых культур – в ущерб местной крестьянской продукции огородничества и садоводства, более выгодной и высокодоходной для крестьян.

Все эти меры действительно привели к определенным успехам в развитии аграрного сектора Италии в целом. Уменьшилась зависимость страны от импорта продовольствия, вырос сельскохозяйственный экспорт. С одной стороны, это позволило с середины 1930-х годов провозгласить курс на автаркизацию национальной экономики, с другой – в это же время Италия усиливает свою колониальную экспансию в Африке. Разрабатываются специальные программы для увеличения числа итальянских сельских колонистов в Ливии, а позже – в Эритрее и Эфиопии. Впрочем, вскоре начавшаяся Вторая мировая война остановила итальянский колониализм в Африке, а затем и покончила с итальянским фашизмом.

Аграрная идеология нацистской Германии

Немецкие национал-социалисты вырабатывали собственную аграрную политику и идеологию, основанную на знаменитом лозунге «Кровь и почва». Нацистское видение так называемого «крестьянского Рейха» парадоксальным образом сочетало традиционные ценности и образ жизни крестьян с амбициозными планами модернизации сельского хозяйства. Сельский дискурс достиг своего апогея в победной предвыборной кампании НСДАП 1933 г. Немецким крестьянам были обещаны стабильные цены и гарантированные рынки сбыта для их продукции [Gerhard, 2014].

Нацисты всячески поддерживали развитие аграрной науки, выделяя ей довольно щедрое финансирование, особенно в таких практически ориентированных отраслях, как семеноводство, животноводство. По остальным направлениям, включая, например, аграрно-экономическое, государственная поддержка была гораздо скромнее, да и выделялась избирательно, руководствуясь принципами идеологического контроля. Невероятный энтузиазм в НСДАП проявлялся к разработке новых и актуальных вопросов сельско-городской экологии [Радкау, 2014. С. 316–322].

Главными идеологами аграрной политики германского фашизма были Рихард Дарре, министр сельского хозяйства и продовольствия, а затем сменивший его на этом посту Герберт Бакке. Первый считался в большей степени романтическим идеологом-визионером, второй слыл эффективным технократом и менеджером. Начиная с 1920-х годов Р. Дарре был ответственным за написание аграрных блоков в нацистских политических программах. Сам он утверждал, что стремится спасти крестьян, их образ жизни от угроз индустриализации и урбанизации [Darre, 1930]. Кроме того, Р. Дарре обосновывал особое видение крестьянства с точки зрения расовой теории нацизма [Darre, 1934]. По его мнению, истинные германцы всегда предпочитали сельскую местность городским кварталам, поэтому оборона и развитие мелких крестьянских хозяйств должны были способствовать «расовой реинтеграции» германского народа. Р. Дарре также мечтал об увеличении роли сельских элит в политической жизни Германии.

При нацистах получили широкое распространение масштабные празднества урожая, проводимые в разных землях. Например, в грандиозном празднестве в Бюкеберге под Хамельном ежегодно участвовали десятки тысяч людей. Кульминацией торжеств становились речи Гитлера и Дарре. По своим масштабам этот праздник превосходил даже знаменитые нацистские парады в Нюрнберге. Впрочем, с началом Второй мировой войны эти аграрные сборища были отменены.

С прагматической точки зрения главной задачей нацистской аграрной политики было обеспечение продовольственной самодостаточности страны, как необходимая ступень к достижению конечной цели – абсолютной автаркизации экономики. В этом смысле нацисты скопировали программу Муссолини «Битва за хлеб» в собственной пропагандистской кампании «Битва за аграрное производство». В Германии были организованы тысячи митингов в сельской местности с призывами к расширению и модернизации крестьянских хозяйств [Herf, 1984].

Нацистские аграрные реформы стартовали в сентябре 1933 г. с учреждением особого Государственного Продовольственного Фонда (Reichsnahrstand, RNS) – общенациональной организации, объединившей в своих рядах всех работников агропромышленного комплекса тогдашней Германии (не только сельскохозяйственных производителей, но и всю логистическую цепь

аграрно-индустриальных и торгово-продовольственных предприятий). RNS включал в себя 6 млн человек, или более 40% всех трудящихся Германии [Туз, 2018. С. 254].

В создании RNS и Р. Дарре, и Г. Бакке видели осуществление своей мечты о нацистском корпоративном «зеленом фронте», в центре которого находились немецкие крестьяне в союзе с остальными социальными стратами, связанными с сельскохозяйственным производством. Организационная структура RNS соответствовала иерархическим принципам вождизма Адольфа Гитлера [Corni, 1990]. На ее вершине находились Р. Дарре и Г. Бакке, отправлявшие из Берлина команды и инструкции 19 земельным Ландесбауэрнфюрерам, те через 500 окружных Крайсбауэрнфюреров контролировали армию местных Ортсбауэрнфюреров, в каждой из 55 тысяч германских деревень. Так осуществлялся тотальный контроль над сельской Германией, где импорт, аграрное производство, цены, – почти все было фиксированным и подвергалось строгой регламентации [Туз, 2018. С. 255]. То есть RNS фактически покончил с рынками свободных агропроизводителей. RNS в своем контроле доходил буквально до каждого крестьянского домохозяйства, тщательно фиксируя его экономику через ведение и заполнение специальных хозяйственных карт (Hofkarte), в которых тщательным образом отслеживалась динамика экономической деятельности крестьянской семьи [Туз, 2018. С. 261]. Это неуклонное усиление тотального контроля над сельской жизнью вызывало недовольство крестьян, так как усложнение сельской бюрократической отчетности сопровождалось требованием увеличения членских крестьянских взносов в RNS, а также способствовало ужесточению государственных мер по крестьянскому налогообложению.

Кроме собственно экономического контроля, RNS занимался сельскохозяйственным образованием и пропагандой, регулированием социальных отношений на селе. Его финансирование осуществлялось за счет взносов каждой немецкой сельскохозяйственной фермы или агропредприятия, что обеспечивало годовой бюджет, превышающий 1 млрд рейхсмарок и позволяло содержать в аппарате организации около 20 тысяч служащих. Мощь RNS, даже по меркам могущества всей нацистской экономики, была впечатляющей: он контролировал более 25% всего германского ВВП.

Несмотря на масштабные организационно-экономические преобразования сельской жизни Германии, нацистский режим особо не вмешивался в структуру земельной собственности страны. Гитлер еще в 1928 г. в одном из своих выступлений отметил, что вникать в вопросы перераспределения земельной собственности в партийных программах особо любят «всякие еврейские спекулянты». Хотя нацисты всячески подчеркивали, что считают миры малых экономик крестьянских домохозяйств самыми устойчивыми, эффективными и в нравственном отношении наиболее совершенными, тем не менее они особо не подвергали критике и экономику крупных юнкерских поместий на Востоке Германии.

Тем не менее под руководством Р. Дарре в стране был установлен диапазон считавшихся оптимальными размеров земельных наделов, которые могли передаваться по наследству (так называемых *Erbhof*) – от 7,5 га до 125 га. Крестьянские фермы, укладывающиеся в эти пределы, объявлялись находящимися под особой опекой и покровительством министерства сельского хозяйства, им предоставлялись некоторые гарантии облегченного налогового режима и защиты от слепой стихии свободного рынка. В категорию *Erbhof* вошли около 700 тыс. германских ферм, что составляло 22% сельского населения Германии и 37% сельскохозяйственных и лесных угодий [Evans, 2006. С. 422].

Нацисты помнили о кошмаре продовольственного снабжения своей страны в Первой мировой войне и, готовясь к грядущим сражениям, не хотели повторять ошибок прошлого. Поэтому с 1933 г. по 1938 г. неуклонно возрастали инвестиции в сельское хозяйство. В целом аграрное производство с 1927 г. по 1936 г. увеличилось на 28%, а к началу Второй мировой войны Германия достигла самодостаточности в производстве таких важнейших пищевых продуктов, как хлеб, картофель, сахар и мясо. Остальную часть сельскохозяйственных продуктов все же приходилось импортировать, и порой в значительных количествах, например, яйца и фуражный корм для лошадей [Туз, 2018. С. 254].

Нацистская пропаганда неустанно обращалась к крестьянству Германии с призывами проявить патриотическую сознательность и напрячь все силы в обеспечении страны продовольствием (особенно накануне начала военных действий). В награду крестьянам была обещана новая эра «крестьянского Рейха» по окончании войны. Там грезились массивованные инвестиции в аграрный

сектор, который будет значительно расширен за счет новых земель на Востоке. Нацистские агрономы рассчитали, что к имеющемуся у Третьего Рейха 34 млн га необходимо было бы добавить еще как минимум 7–8 млн га пахотных земель на завоевываемых территориях для достижения полной продовольственной самодостаточности – автаркии.

В реальности начавшейся войны правительство стремилось поддерживать низкие цены на продовольствие для успокоения населения Германии в целом, но в ущерб агропроизводителям, тем временем сворачивалось немецкое аграрное машиностроение из-за нехватки стали и угля, а также его перепрофилирования на выполнение оборонных заказов. Из сельской местности увеличивался исход мужского населения, мобилизуемого на фронты Второй мировой войны, все чаще плодородные сельскохозяйственные земли отводились под строительство военных объектов (аэродромов, дорог, лагерей).

Особая аграрная политика разрабатывалась для оккупированных территорий. Так, в плане «Барбаросса» предполагалась, кроме прочего, эксплуатация аграрных ресурсов СССР. Аграрную часть продовольственного обеспечения плана «Барбароссы» разрабатывал все тот же Герберт Бакке, который еще в 1920-е годы защитил диссертацию, посвященную аграрным проблемам советской России. По планам Бакке, вторгнувшись в СССР, многомиллионная германская армия переходила на продовольственное самообеспечение. Для советского населения на оккупированных территориях Бакке разработал так называемый «План голода» (Hungerplan), предполагавший значительное сокращение численности «едоков» в крупных городах из-за болезней, холода и голода. В 1942 г., когда Германия впервые столкнулась с серьезными продовольственными проблемами, Бакке и Гимлер выработали особую систему мер на оккупированных сельских территориях СССР и Польши, осуществляя широкомасштабную политику геноцида [Gerhard, 2014. С. 150–151].

Аграрная идеология Маньчжоу-го

Весьма оригинальный вариант фашистской аграрной идеологии являет нам история сельского развития Маньчжоу-го – японского марионеточного государства (1932–1945). Маньчжурия, ныне входящая в состав нескольких северных провинций

Китая, в 1910-е годы попала под контроль Японии, которая стала систематически преобразовывать ее в колониальное владение с формальными признаками собственной маньчжурской государственности. Для бедной природными ресурсами Японии чрезвычайно важно было иметь у себя под боком обширную страну, богатую углём и железом, лесом и плодородными землями. Японским правительством в 1930-е годы были разработаны амбициозные планы индустриального и сельского развития Маньчжурии [Havens, 1974].

В части сельского хозяйства японцами разрабатывалась здесь некая аграрная утопия, симбиотически соединявшая в себе идеи синтоизма, аграризма и фашизма. С точки зрения своих практических интересов японцы стремились уменьшить аграрное перенаселение метрополии за счёт организованного переселения в Маньчжурию японских крестьян. В то время средний земельный надел одного крестьянского хозяйства в Японии составлял от 1 до 2 га, что, безусловно, препятствовало рационализации и прогрессу национального земледелия. Японское правительство разработало программу, в рамках которой до половины японских крестьян должны были отправиться на сельскохозяйственное освоение Маньчжурии, за счет чего оставшиеся односельчане могли бы почти в два раза увеличить свои наделы. В то же время прибывшие в Маньчжурию колонисты должны были увеличить долю японцев в структуре населения многонациональной колонии, где проживали китайцы, маньчжуры, корейцы, русские и представители множества малых народностей. До 1941 г. таким образом из Японии в Маньчжурию прибыло 300 тыс. японских крестьян, а всего в рамках 20-летней государственной программы, начиная с 1936 г. сюда планировалось переселить 5 млн человек [Fujiwara, 2014].

Сельское расселение и развитие Маньчжурии преследовало три стратегические цели: во-первых, создать барьер против распространения идей коммунизма со стороны Советского Союза; во-вторых, добиться самообеспечения продовольствием внутри японской колониальной империи; в-третьих, преодолеть последствия сильного и затяжного сельскохозяйственного кризиса, проявившегося во время Великой депрессии в самой Японии [Mori, 2003. С. 182].

Правительственные пропагандисты посещали деревни Японии, вербуя крестьян на освоение маньчжурской целины, где обещали переселенцам выделить землю почти в неограниченных количествах. В газетных и журнальных очерках и статьях, даже в художественных произведениях описывались трогательные истории счастья и процветания японских переселенцев в Маньчжурии. При этом подчеркивалось, что аграрное государство Маньчжоу-го являет собой образец мирного сопроцветающего симбиоза различных азиатских наций – китайцев, маньчжуров, корейцев, – конечно, под эгидой японцев. Этот симбиоз будет «третьим путем» между капитализмом и коммунизмом [Young, 1998]. На самом деле маньчжурский «третий путь» для японских крестьян оказывался не таким уж и безоблачным. Маньчжурия – край достаточно суровый, относящийся к зоне рискованного в природном отношении земледелия. Поднимать маньчжурскую целину оказалось для японских крестьян делом непривычным и неизведанным. Кроме того, Маньчжурия еще не совсем оправилась от последствий длительной Гражданской войны, периодически вспыхивавшей на ее территории на протяжении первой трети XX века. Пережитки местного, как правило, антияпонского бандитизма неподвижно осложняли мирное обустройство японских селян в Маньчжурии.

В целом концепция маньчжурского «третьего пути» часто увязывалась с образцами организационных и идеологических мероприятий, которые осуществлялись в нацистской Германии. Впрочем, японцы к копированию аграрных преобразований нацистов подходили творчески избирательно. Если нацисты ставили евреев и цветные расы вне закона, в том числе – аграрного, то законодательство Маньчжоу-го предоставляло право заниматься сельским хозяйством и другим нациям, хотя японцы пользовались определенным приоритетом. Если в немецкой аграрной политике на специальную законодательную и экономическую поддержку могли рассчитывать хозяйства размером от 7,5 до 125 га, то в японской оптимальные размеры земельных наделов не оговаривались, а маньчжурские переселенцы, как правило, получали стандартный участок в 10 га. Интересно, что в аграрных законодательствах обеих стран был заявлен приоритет мужчины – главы семейного крестьянского хозяйства, в сравнении с которым остальные члены семьи имели гораздо

меньше прав. Таким образом, основой обоих аграрных режимов был патриархат [Fujinara, 2014. С. 228–229].

И нацистский, и маньчжурский аграрные режимы стремились поддержать и развить своеобразные солидарность и коллективизм сельских сообществ, но если нацисты реализовывали эти идеи через распространение бюрократического корпоративизма в германской деревне, то японские милитаристы стремились обнаружить корни нового сельского маньчжурского коллективизма в идеях традиционного японского фамилианизма, где сельское сообщество должно представлять собой единую и дружную семью, основанную на патриархальном управлении [Waswo, Yoshiaki, 2003].

Наконец, оба аграрных режима очень ревностно относились к продаже и покупке земельных наделов, стараясь не допустить в этой сфере рыночных отношений, которые, по их мнению, часто ведут к спекулятивным концентрации или дроблению семейных наделов и таким образом подрывают устойчивость экономики крестьянских домохозяйств и сообществ.

В итоге аграрный колониальный инжиниринг в Маньчжоу-го завершился в 1945 г. провалом, аналогичным колониальным фиаско итальянских фашистов и германских нацистов. Японских крестьян в Маньчжурии в 1945 г. постигла катастрофа.

Заключение

Подводя итоги краткому обзору трех национальных идеологий аграрных реформ, необходимо отметить, что на первоначальном этапе их осуществления руководителям Италии, Германии и Японии удавалось достаточно успешно и последовательно вовлекать сельское население в свои амбициозные планы сельского развития. Конечно, здесь отчасти сказывалась и долговременная историко-культурная традиция консервативной сельско-городской модернизации, присущей этим странам [Мур, 2016]. Кроме того, определенная причина успехов фашистских аграрных идеологий заключалась в их неафишируемой способности продвигать собственные консервативно-националистические сельские ценности и институты в сочетании с ловким инкорпорированием в них некоторых избирательных политэкономических и технико-культурных достижений из других аграрных межвоенных идеологий – американского рыночного технократизма, европейского кооперативного аграризма и даже советского коллективистского этатизма.

В целом странное сочетание ценностей традиционного крестьянского мировоззрения с социальным инжинирингом технико-бюрократического аграризма в странах Оси способствовало определенным успехам сельской модернизации, о чем свидетельствуют и цифры роста показателей аграрных экономик Италии, Германии, японской Маньчжурии 1930-х годов.

Следует признать, что сельское население этих стран в целом позитивно встречало проводимые аграрные реформы, веря, что наконец-то государство, управляемое твердой рукой в интересах земледельцев, устанавливает более справедливый и гарантированный порядок для крестьян. Другое дело, что пропагандируемый фашистами крестьянский аграризм никогда не являлся целью, но лишь средством упрочения фашистской власти, рвущейся в своих милитаристских планах к мировому господству [Kallis, 2003].

В результате на последующих стадиях эволюции фашистских режимов, инициировавших всемирные военные конфликты, часто именно сельское население оказывалось в эпицентре жертв и катастроф, связанных с гибелью фашизма.

Литература/References

Билимович А.Д. Собственность и крестьянское движение // Русская мысль. 1921. Кн. 3–4. С. 112–120.

Bilimovich, A.D. (1921). Property and the Peasant Movement. *Russian Thought*. Book 3–4. Pp. 112–120. (In Russ.).

Домбаль Т. 1923–1925. Два года существования Крестьянтерна // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 3–10.

Dombal, T. (1925). 1923–1925. Two Years of the Krestintern. *Peasant International*. No. 10. Pp. 3–10. (In Russ.).

Зиновьев Г.Е. Коммунистический интернационал за работой. М. Пг., 1922. Zinoviev, G.E. (1922). *The Communist International at Work*. Moscow – Petrograd. (In Russ.).

Косишлева Г.В., Матвеев Г.Ф. «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1991.

Kosheleva, G.V., Matveev, G.F. (1991). *The Third Way? The Ideology of Agrarianism in Czechoslovakia and Poland in the Interwar Period*. Moscow. (In Russ.).

Макаров Н.П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1. С. 6–21.

Makarov, N.P. (2019). At the Great Crossroads. The Comparative Analysis of the Evolution of Agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe. *Krestyanovedenie*. Vol. 4. No. 1. Pp. 6–21. (In Russ.).

Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: «Пятый Рим». 2019.

Mann, M. (2019). *Fascists. Sociology of Fascist Movements*. Moscow. Publishing house "Fifth Rome."

Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Высшая школа экономики, 2016.

Moore, B. (2016). *The Social Origins of Dictatorship and Democracy. The Role of the Landlord and Peasant in the Creation of the Modern World*. Mjscow. Higher School of Economics.

Никулин А.М. Международная регионалистика А.В. Чаянова (к 80-летию гибели ученого) // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 150–177.

Nikulin, A.M. (2017). A.V. Chayanov's International Regionalistics (On the 80th Anniversary of the Death of the Scientist). *Economic Policy*. Vol. 12. No. 5. Pp. 150–177. (In Russ.)

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Radkau, J. (2014). *Nature and Power. World History of the Environment*. Moscow. Higher School of Economics.

Савино Дж. «Земельный голод» итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 2. С. 108–127.

Savino G. (2019). «Land hunger» of the Italian peasantry: From the unification of the country to the agrarian reform. *Krestyanovedenie*. Vol. 4. No. 2. Pp.108–12. (In Russ.).

Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

Tooze, A. (2018). *The Wages of Destruction. The creation and death of the Nazi economy*. Moscow. Publishing house of the Gaidar Institute.

Чаянов А.В. Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооператив. жизнь. 1920. № 1–2. С. 6–12.

Chayanov, A.V. (1920). State Collectivism and Peasant Cooperation. *Кооперативная жизнь*. No. 1–2. Pp. 6–12. (In Russ.).

Чаянов А.В. Опыты изучения изолированного государства // Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. Вып. 1. С. 1–36.

Chayanov A.V. (1921). The Experience of Studying an Isolated State. Proceedings of the Higher Seminary of Agricultural Economy and Politics. Moscow. Vol. 1. Pp. 1–36. (In Russ.).

Чаянов А.В. Письмо В.М. Молотову. 6 октября 1927 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 210–220.

Chayanov, A.V. (1989). Letter from A.V. Chayanov to V.M. Molotov on the Current State of Agriculture in the USSR compared with its Pre-War State and the Situation in Agriculture of Capitalist Countries (October 6, 1927). Proceedings of the Central Committee of the CPSU. No.6. Pp. 210–220. (In Russ.).

Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // С предисл. Орловского П. (Воровского В.). М.: Гос. изд-во, 1919. Ч. 1. XIV. 61 с.

Chayanov, A. (1919). *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. Moscow. Gos. Izdatelstvo. Pp. 161–208. (In Russ.).

Agriculture in the Age of Fascism. (2014): *Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers.

Ben-Ghiat, R. (2001). *Fascist Modernities. Italy 1922–1945*. Berkeley, University of California Press.

Corni, G. (1990). *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939*. New York. Berg.

D’Onofrio, F. (2017). The Microfoundations of Italian Agrarianism: Italian Agricultural Economists and Fascism. *Agricultural History*. Vol. 91. No. 3: 369–396.

Darre, R.W. (1930). *Neuadel aus Blut und Boden*. Munchen, J.F. Lehmann Verlag.

Darre, R.W. (1934). *Das Bauertum als Lebensquell der nordischen Rasse*. Munchen, Lechman.

Evans, R. (2006). *The Third Reich in Power*. NY. Penguin Book.

Faita, P.A. (1995). *La politica agraria del fascismo: i rapporti fra le classi rurali, le scelte produttive*. Chivasso, IRRSAE Piemonte Progetto Storia.

Fujinara, T. (2014). Erbhofgesetz in Manchuko: Case Study of the Acceptance of Nazi Agricultural Ideology by the Japanese Empire. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 219–238.

Gerhard, G. (2014). The Modernisation Dilemma: Agrarian Policies in Nazi Germany. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 139–158.

Grando, S., Volpi, G. (2014). Bacwardness, Modernisation, Propaganda. Agrarian Policies and Rural Representation in the Italian Fascist Regime. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 43–84.

Griffin, R. (2007). *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. Basingstoke, Palgrave.

Havens, T. (1974). *Farm and Nation in modern Japan: agrarian nationalism, 1870–1940*. Princeton, Princeton University Press.

Herr, J. (1984). Reactionary Modernism. Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich, Cambridge, Cambridge U.P.

Jackson G. (1966). *Comintern and Peasant in East Europe (1919–1930)*. New York: Columbia University Press.

Kallis, A. (2003). ‘To Expand or not to Expand? Territory, Generic Fascism and the Quest for the “Ideals Fatherland”’. *Journal of Contemporary History*. Vol 38(2): 237–260.

Mori T. (2003) Colonies and Countryside in Wartime Japan. In: *Farmers and village life in Twentieth Century Japan*. London, Routledge: 175–198.

Waswo, A., Yoshiaki, N. (2003). *Farmers and village life in twentieth-century Japan*. London, Routledge.

Young, L. (1998). *Japan’s Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism*. Berkeley, Los Angeles and London, University of California Press.

Статья поступила 02.05.2020.

Статья принята к публикации 08.05.2020.

Для цитирования: Никулин А. М. Аграрные идеологии фашизма среди альтернатив сельского развития 1920–1930-х годов// ЭКО. 2020. № 6. С. 171-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-171-192.

For citation: Nikulin, A.M. (2020). Agrarian Ideologies of Fascism Among Alternatives of Rural Development in 1920–1930. *ECO*. No. 6. Pp. 171-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-171-192.

Summary

Nikulin, A.M., Cand. Sci. (Econ.), Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Chayanov Research Center; Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow

Agrarian Ideologies of Fascism Among Alternatives of Rural Development in 1920–1930

Abstract. For the global rural development, the 1920–1930s were a period of search for ways to modernize agriculture on basis of such ideologies as democratic European agrarianism, American and Soviet agrarian industrialism, and also authoritarian rural nationalism in the countries in which the Nazis won. The paper presents an overview of features of these agricultural alternatives and identifies milestones in the rise and decline of the left ideology developed and supported by the Soviet Peasant International. The author focuses on analysis of the rise and expansion of extreme right agrarian ideologies in fascist Italy, Nazi Germany and the Manzhou-go state, and describes general and specific features of fascist agrarian ideologies that managed to paradoxically incorporate elements of democratic cooperative movement, state capitalism and even socialist collectivism into the foundations of their nationalistic conservative policies. The author concludes that, despite short-term relative successes of fascist agrarian policy in the 1930s, the fascist leaders did not bring the promised prosperity to the peasants. On the contrary, fascist ideologists deceived them with programs for mobilization of national resources for the benefit of rural development, because fascist governments redirected the results of this mobilization to militarization of national economies which was followed by the outbreak of World War II that brought so many disasters to the peasantry.

Keywords: *agrarian ideology; agrarian policy; development alternatives; Peasant international; fascist Italy; Nazi Germany; Manzhou guo*

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Прогнозы развития России

- Россия в мировой экономике: сценарии и прогнозы
- Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд шестой
- Структурные сдвиги в ходе делового цикла в российской экономике

А также

- Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России
- Особенности исследования экономики с использованием показателей металлопотребления
- Конкуренция регионов за инвестора: когда инвестиционный портал станет средством конкурентной борьбы?
- Роль государственного сектора в перераспределении национального дохода в 2010-х гг.
- Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития
- Реалии и возможности в мегапроекте «Сибирский ковчег»
- Регулирование неформальной занятости: подходы и методы в мире и в России

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2020. № 6. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2020. Выход в свет 30.06.2020

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 310. Заказ 33. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2